

НИКОЛАЙ САМОХИН

ПОВЕСТИ

Н. Самохин

12+

Николай Самохин

**Николай Самохин. Том
2. Повести. Избранные
произведения в 2-х томах**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Самохин Н. Я.

Николай Самохин. Том 2. Повести. Избранные произведения в 2-х томах / Н. Я. Самохин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В двухтомник Николая Самохина, изданный в 2019 году, когда писателю исполнилось бы 85 лет, включены повести и рассказы, написанные и изданные в 60–80-х годах XX века. Те сборники Николая Самохина стали уже библиографической редкостью, и этот двухтомник поможет почитателям его таланта вновь открыть перед собой страницы произведений.

Перед вами мир Николая Самохина. Мир, созданный им в его рассказах и повестях, написанных – нет, не то слово – прочувствованных и выстраданных Николаем Самохиным за эти, казалось бы, недавние три десятилетия 60–80-х годов. Недавние, да – но уже прошедшего века, и даже уже прошедшего тысячелетия. Для одних – вчера, для других – эпоха. Кто-то, удивившись, скажет – почему выстраданных? Ведь этот мир Николая Самохина, с одной стороны, казалось бы незатейлив и незамысловат: обычная жизнь обычных людей, с их обыденностью, простотой, порой нелепостью... А с другой – кто еще мог так увидеть, и создать этот свой мир, совместив забаву с лирикой, улыбку с болью, усмешку с печалью, кто мог прощаться с весельем не прощаясь, и философствовать без занудства и нравоучения, как он? Как внешне легки, как естественны и непринужденны его произведения. Настолько, что кажется порой, что вот – и я же так могу, ведь это так просто – взять, пробежаться строчками по бумаге и стать писателем как он... А Николай Самохин себя писателем не называл. Говорил: «Я не писатель – я литератор. Сказать о себе, что я писатель, все равно, что сказать – я Бог». Но, скромно открепясь от звания равного Богу, он все-таки был тем, кем себя именовать не решался – настоящим писателем. И как настоящий писатель, из мозаики своих произведений сотворил свой мир. Как полагается целому миру – разнообразный, противоречивый, порой несуразный, но естественный и живой. ...Николай Самохин родился в 1934 году. И покинул этот наш большой мир в году 1989-м. По теперешним меркам – практически молодым, в 54 года. Рано. Ведь последующие годы для писателя – ну просто расцвет творчества, создавай том за томом. И в нынешнем 2019-м, став сверхзаслуженным и орденосным, принимай поздравления с 85-летием... Но нет. Ни поздравлений, ни орденов, ни выхода к трибуне за грамотой и орденом... Ну так Николай Самохин этого никогда и не желал. Он, не называя себя писателем, создавал свой мир не за почести и награды, а потому, что не мог не создавать. Мир, который и достался нам. И который сегодня открыт для нас. Заходите в мир Николая Самохина, смейтесь и грустите, печальтесь и улыбайтесь. Мир Николая Самохина разнообразен, но одно точно: в его мире вам не будет скучно.

Рассказы из сборника

2000 колумбов

1963 г.

ОТ АВТОРА

Вчера мой сосед сделал открытие. Он вышел из ванной и возбужденно сказал:

– Вы знаете, Архимед был-таки прав. При погружении тела в жидкость действительно...

– А вы что – сомневались? – перебил его я.

– А вы разве нет? – спросил он.

КАК МЫ СТАЛИ МИЧУРИНЦАМИ

С чего все началось

Это случилось год назад. Папа пришел домой поздно, достал из кармана сильно помятую бумажку, долго ее разглаживал, потом положил на стол и торжественно сказал:

– Вот наш будущий сад!

На клочке восковки был нарисован план участка. План был незамысловатый: справа малина, слева смородина, посередине домик.

Начинание обсудили на семейном совете. Решение вынесли положительное. «Свой сад – это солнце, воздух и витамины. Сплошная польза и верный отдых. Итак, будем отдыхать!»

Мама радовалась больше всех. Теперь мы с папой будем дышать свежим воздухом; он после своего душного планового отдела, а я после своей «отравляющей жизнь» химической лаборатории. Раньше мы, разумеется, не дышали свежим воздухом.

Теоретическая подготовка

Папа решил пополнить багаж своих знаний по сельскому хозяйству. Начинать приходилось с азов, поскольку его опыт не простирался дальше приготовления салата из помидор. Он

купил книжку «Учебное пособие для школьников по садоводству» и сразу помолодел на сорок лет.

Раньше папа не переносил радиопередач на сельско-хозяйственные темы, теперь он включает приемник на полную мощность. Он с удовольствием разговаривает о пропашном севообороте, квадратно-гнездовой посадке и пикировке. Папу очень волнует мое безразличие к пикировке. И вообще, он считает, что человечество губит себя, занимаясь чем-либо другим, кроме разведения малины и смородины.

Первые впечатления

Мы шли на свой участок и радовались, что он очень недалеко: от конечной трамвайной остановки нужно только минут двадцать прошагать пешком.

Вдруг мы остановились.

– Вот! – радостно сказал папа. – Вот наш участок! Он указывал на совершенно голый клочок земли, но лицо у него было такое, будто он передавал нам цветущую долину с виноградниками.

– Но как же? – робко проговорила мама. – Ведь здесь нет даже кустиков...

Не стоило ей этого говорить! Папа был оскорблен в своих лучших чувствах.

– Через шесть лет здесь, – он топнул ногой, – зацветут яблони, возвращенные нашими руками!

Главное – план

Все было ясно: столько-то смородины, столько-то малины, столько-то яблонь. В плане есть даже вишни. Папа уважает планы. Недаром он всю жизнь работает в плановом отделе. Раз вишни запланированы – значит, вишни будут!

Впрочем, находятся нарушители, которые сажают либо больше малины и меньше смородины, либо наоборот. Наиболее злостные из них занимают землю под овощные культуры, хотя овощные разрешаются в строго ограниченном количестве. И уже самые безнадежные просто засадили свои участки картофелем. Папа говорит, что их будет судить общественный суд садоводов.

Но время идет, картофель зацвел, а злоумышленников никто не судит.

Травка-муравка

Странно. У соседа справа малина выше, чем у нас, хотя папа утверждает, что так не должно быть, так как сосед совсем не подготовлен. Папа же читает книжки. Но малина у нас все-таки ниже.

Зато на нашем участке дружно возшла какая-то травка. Травка растет быстрее малины. Ее нужно полоть каждый день. Это написано в книжках.

Мама довольна. Теперь мы регулярно дышим свежим воздухом. Папа узнал, наконец, название энергичной травки: это пырей. Но травку не смущает разоблачение. Она продолжает расти изо всех сил. Мы просто не успеваем с ней бороться.

Папа вытирает пот и говорит, что это не так уж плохо. Ведь труд в конце концов превратил обезьяну в человека.

Первые плоды

Уже неделю мы едим борщ с собственной морковкой и салат из редиски со сметаной. Редиска горькая, но зато «своя», и поэтому салат съедается подчистую, к великой радости мамы.

У мамы по ночам «гудят ноги и руки», но каждый день она берет корзинку и снова отправляется на участок. «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», – говорит теперь мама поучающим папиным тоном.

С плодовыми папа священнодействует сам. Еще весной он под корень обрезал почти всю малину. Это было «научно». Считалось, что от этой экзекуции малина станет расти лучше. Впрочем, он оставил несколько «контрольных» кустиков.

К осени борщ с морковью смертельно надоел. Мы жаждали ягод. Мы хотели есть малину со сметаной и варить смородиновое варенье.

В ответ на наши вопросительные взгляды папа только многозначительно поднимал брови.

Однажды он вернулся особенно возбужденный. Поставил на стол тщательно завязанный стакан. На дне лежала горстка малины.

– Десять штук, – уточнил папа.

Это был урожай с контрольных кустиков. Остальные не росли.

«Злоумышленники» с соседних участков, не дождавшись общественного суда, жизнерадостно возили свой урожай на машинах.

Зима

Всю зиму папа проводил снегозадержание. Он опустошил кладовку, переломал все фанерные ящики и старые табуретки – делал щиты. Папа опасался, что зима будет малоснежная. Когда по радио передавали: «Ближайшие дни без осадков», папа ходил печальный, почти ничего не ел. Впрочем, когда шел снег, папе тоже было не до еды, нужно было ехать на участок, ставить щиты.

К весне папа похудел на восемь килограммов, но зато встречал ее во всеоружии.

Мульчирование

Мы не узнаем своего участка. Вместо ровных аккуратных грядок – сплошное месиво из чернозема и пожелтевших опилок. Оказывается, папа на зиму присыпал землю опилками. По-научному он называет это «мульчированием». Опилки должны были предохранить викторию от холода. Теперь их нужно «вычесывать». Опилки держатся цепко, а если и вычесываются, то только вместе с викторией. Среди садоводов смятение. Все ищут того, кто первый предложил это самое «мульчирование». Вчера поиски не дали никаких результатов. Каждый обвинял соседа. Но сегодня круг начинает смыкаться. И смыкается он вокруг моего папы, хотя папа утверждает, что засыпал свой участок последним.

А опилки держатся по-прежнему прочно. Папа решил, наконец, оставить их в покое, утверждая, что они превратятся в перегной.

– Послушай, – говорю я, – но ведь для этого нужно по крайней мере пять лет!

– А разве через пять лет нам не понадобится перегной? – отрезает папа.

Триумф злоумышленников

На многих участках пылают костры. Это те самые злоумышленники, которые сажали только картофель и которых должен был судить общественный суд садоводов, сжигают картофельную ботву. Кто-то сказал, что ее нужно именно сжигать, а не перетаскивать на делянку соседа.

Долго спорили, где жечь: прямо ли на участке или вытаскивать на дорогу и сжигать там. Стали жечь, каждый согласно своим убеждениям. И вдруг откуда-то просочился слух, что зола – лучшее удобрение. Теперь те, кто сжег свою ботву на дороге, таскают золу обратно в ведрах. А мы сидим, смотрим и завидуем. У нас ботвы нет. Остается одно: ждать, пока сгниют опилки.

Терем-теремок

– Ну, – сказал папа, – домик я, наконец, купил.

«Купил домик!» Мы с мамой представили себе это примерно так: посредине участка окруженный зарослями малины и смородины стоит сказочный терем-теремок. Он еще пахнет универмагом и с него не сорвана этикетка...

На участке лежала куча досок непонятного назначения. Это и был домик.

Мы строили его три недели. Мы строго придерживались проекта. Мы клали доски, предназначенные для потолка, – на потолок, для пола – на пол, для обвязки – на обвязку. К концу третьей недели почему-то не хватило материала для крыши. Но от солнца уже можно было спастись.

Через пять лет у нас будут яблоки

Не знаю, чему это приписать, папиному таланту или слепому случаю, но у нас на участке выросла редиска величиной с добрую репу. Правда, только одна. Папа вбил на этом месте колышек и привязал к нему красную ленточку.

По случаю редиски-великана состоялся большой праздник садоводов. Гости долго осматривали землю вокруг колышка, растирали ее в пальцах и даже нюхали. Папа скромно молчал. Потом все сели за стол. Редиска была вынесена на блюде, разрезанная по числу присутствующих.

В самый разгар пиршества пошел дождь. Он лил не переставая два часа. Мы спасались в собственном домике и промокли до нитки.

Возвращались поздно по расквашенной дороге. По той самой, которая скоро превратится в шоссе, как утверждает папа.

– Ну, вот, – сказала мама. – А через шесть лет и яблочки будут.

– Теперь уже через пять, – поправил папа, выливая воду из ботинка.

ЗА ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ДИЧЬЮ

Сборы

Собираться на охоту мы начали еще в четверг. Я набивал патроны. Виктор смазывал свои «Зауэр – три кольца» и тоном бывалого медвежатника говорил:

– Главное – не прозевать день открытия, пока утка непуганая. И все-таки день открытия мы прозевали – Виктор не успел оформить отпуск. Зато в понедельник мы встали чуть свет и, взвалив на плечи тяжелые рюкзаки, отправились на пристань.

– Ну, как теперь утка? – нетерпеливо спрашивал я у Виктора. – Небось пуганая?

Начало пути. Странный охотник

На пристани стояла толпа вооруженных до зубов людей. Их было не менее батальона. Задрав хвосты, бегали охотничьи собаки всех пород и мастей. От леса ружейных стволов и мужественных лиц охотников по спине у меня пробежал холодок.

Однако самое страшное началось при посадке на теплоход, следовавший по маршруту. Верхнепригородная пристань – Ягодное. Со стороны эта посадка, вероятно, напоминала известную картину Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». К счастью, дело обошлось без человеческих жертв.

Перед самым отплытием, когда уже собрались поднять трап, на борт вошел единственный человек без ружья. Это был бородастый старичок в панаме со стопкой старых «Огоньков» в руках. Следом за ним бежал маленький черный спаниель.

При виде старичка толпа глухо заворчала. Один из охотников намеренно толкнул его рюкзаком, едва не свалив за борт. Второй будто невзначай наступил на лапу спаниелю. Пес взвизгнул и запрыгал на трех лапах. К нашему удивлению, старичок, вместо того чтобы возмутиться, скромно моргнул глазами и, ни на кого не глядя, пробрался на корму. Там он присел на спасательный круг, водрузил на нос очки и сразу же уткнулся в свои журналы.

Продолжение пути. На границе

Ощетинившись ружейными стволами, теплоход резво бежал вниз по Оби. Стиснутые со всех сторон прикладами и рюкзаками, среди непромокаемых плащей, высоких болотных сапог, полузадушенных собак мы доехали до пристани «Ягодное».

– Ну вот, – бодро сказал Виктор, – еще шесть – семь километров, и мы на месте.

Мы поправили рюкзаки и пошли, взяв курс на звуки отдаленной канонады. Канонада нарастала с каждым километром. Мы все еще находились в пределах Новосибирского сельского района, где охота запрещена, а вокруг нас уже завязалась оживленная перестрелка. Казалось, вот-вот прозвучит роковой выстрел и добрый заряд бекасиной дроби вопьется между лопаток. К этому тревожному ощущению примешивалось желание самому сорвать ружье и палить, неважно в кого и куда, но палить.

Перед самой границей нас обогнала группа охотников. Некоторые из них на ходу расчехляли ружья. Охотники рысью миновали пограничную черту, и самый первый тут же дуплетом в пух и прах разнес зазевавшуюся ворону. Остальные, не видя подходящей дичи, принялись расстреливать собственные фуражки.

«Гад»

Ночь мы провели на базе, в палатке для охотников.

– Здесь есть один гад, – прошептал мне Виктор, засыпая. – Если мы его не опередим, все пропало, он распугает всю дичь.

В четыре часа мы поднялись и, наступая на чьи-то ноги, выбрались из палатки. Под покровом тумана скользнули к лодке. Я сжимал в руках свою берданку и чувствовал себя индейцем, вступившим на тропу войны.

На середине озера Виктор неожиданно схватил меня за руку:

– Видишь?

Впереди чернела еще одна лодка.

– Неужели он? – спросил я.

Виктор молча кивнул. Скоро «гад» открыл стрельбу. Он стрелял отдельными выстрелами и дуплетами, он палил подряд и с интервалами. Мы решили отстать от рьяного стрелка, чтобы дать успокоиться перепуганной дичи. Мы плыли совершенно бесшумно, но тем не менее утки срывались за двести метров.

Наконец Виктор, доведенный до отчаяния, завизжал, как какой-нибудь абрек, и дважды выпалил в воздух.

Немедленно на берегу зашевелились кусты и показалась тощая фигура в непомерно больших сапогах. Фигура окинула нас подозрительным взглядом и приглушенно спросила:

– Вы не моего подранка бьете?

– Нет, – скупо ответили мы.

Наша первая утка. Странные рыбаки

Это был маленький нахальный чирок. Он поднялся впереди нашей лодки и полетел поперек озера. Виктор вскинул свой «Зауэр – три кольца» и выстрелил. Чирок кувыркнулся и, теряя перья, шлепнулся в воду. Но он не остался лежать неподвижно, а бодро поплыл к противоположному берегу. Виктор приложился и выстрелил еще раз. Чирок замер. Мы подплыли к нему со всей осторожностью, на которую были способны. Когда я притабил, а Виктор свесился за борт и протянул руку к маленькому серому комочку, чирок неожиданно нырнул.

Он оставался под водой минуты три. Я вертел головой, наблюдая за водной поверхностью, а Виктор лихорадочно перезаряжал двустволку. Чирок вынырнул метрах в двадцати от лодки, у самого берега. Виктор грохнул по нему дуплетом. Потом он отбросил «Зауэр», схватил мою берданку и для верности выпалил еще раз. Теперь чирка можно было брать голыми руками. В нем сидело по крайней мере полкило дрови.

После такой охотничьей удачи мы облюбовали на берегу зеленую лужайку и решили перекусить. Под маленькой копной сена мы расстелили плащ и выложили на него свои скромные припасы. Недалеко от нас, чуть ближе к воде, сидел на корточках круглый бритоголовый человек и, сладко щурясь, раскладывал на газете малосольные огурчики и жареную рыбу. Вероятно, человек тоже собирался обедать.

– Ну как, охотники? – словоохотливо спросил он и, не дожидаясь ответа, заявил: – Пустое это занятие – осечки, недолеты, перелеты. То ли дело рыбалка: поплевал на червячка, закинул и...

– Кузьмич! – крикнул он своему товарищу, расхаживающему вдоль берега. – Проверь-ка удочки!

– Есть! – с готовностью ответил Кузьмич и схватился за крайнее удилице.

– Попалась! – сообщил он через секунду, выуживая бутылку московской водки.

- И никаких тебе перелетов, – закончил наш сосед.
- Ого-го! – ликовал тем временем Кузьмич, выволакивая из воды круг копченой колбасы.
- Может, присоединитесь? – подмигнул нам бритоголовый, похлопывая по бутылке. –

Для верности глаза, а?

Мы вежливо отказались.

– Ну, как хотите, – сказал он и звонко вышиб пробку.

В это время над нашими головами тяжело пролетели два крякаша и опустились за излу-
чиной озера.

Виктор схватил ружье. Я сгреб в кучу плащ вместе с припасами, и мы бросились
к лодке...

Тайна черного спаниеля

Спасаясь от конкурентов, мы выплыли в маленькое озеро, со всех сторон окруженное
низким кустарником. Ни на поверхности озера, ни на берегах его не было ни души. Только
в одном месте скромно сидел вчерашний старичок в панаме и читал старый «Огонек». У ног
старика, свернувшись клубочком, лежал черный спаниель.

– Вот, – сказал Виктор, – здесь нам никто не помешает. – Дед этот, разумеется, не в счет,
у него даже ружья нет.

Именно в этот момент раздалось знакомое «фить-фить-фить» и следом грянул выстрел.
Утка, которая облюбовала себе это озерко, шарахнулась в сторону. За первым выстрелом
последовал второй, потом третий, четвертый, пятый...

Стреляли по всему периметру: озеро было обложено капитально. Наконец, какой-то
шальной заряд достал бедную утку – над озером повис пух. Пока утка падала в воду, смертно-
сная дробь еще дважды продырявила ее маленькое тело. Останки утки упали в заросли камыша.
Тогда над кустами показались головы охотников. Приложив ладони ко лбам, они долго рас-
сматривали воду, но так ничего и не увидев, замаскировались снова.

И тут произошло обидное для всех честных охотников событие: черный спаниель под-
нялся, неторопливо почесал задней лапой за ухом и прыгнул в воду. А через несколько минут
он уже стоял перед хозяином, держа в зубах растерзанную утку.

В кустах раздался дружный зубовный скрежет, и кто-то невидимый в тумане тоскливо
крикнул:

– Морду надо бить за такие штучки! Старичок продолжал читать, будто это его вовсе
не касалось.

Костры на берегу

Возвращались мы поздно вечером. Хотя наши рюкзаки и патронташи стали значительно
легче, путь до пристани показался вдвое длиннее. Несколько раз мы останавливались на при-
вал. Виктор выбирал пригорочек посуше, ложился на спину и поднимал вверх ноги. Он утвер-
ждал, что усталость от этого как рукой снимает. Я тоже старательно поднимал ноги и даже
болтал ими в воздухе, но усталость не проходила.

На высоком берегу Оби горели костры. Вокруг костров дымили папиросами охотники.
В стороне от всех сидел старичок в панаме. Рядом с ним на траве лежал туго набитый мешок,
а возле мешка растянулся черный спаниель.

Нам не надо было прятать своего крохотного чирка. Это была честная добыча. Поэтому
мы гордо прошли мимо старика в панаме. Виктор будто нечаянно зацепил его рюкзаком,
а я наступил на лапу черному спаниелю.

СТАРЫЙ ДОМ

Дяди-Федина идея

Однажды, в тихий послеобеденный час, в одной из комнат нашего дома с печальным
вздохом отвалился большой кусок штукатурки. До этого дом считался не таким уж плохим.
Отвалившаяся штукатурка словно послужила сигналом: начали проседать подоконники, двери

почему-то перестали закрываться, из-под пола потянули сквозняки. По ночам дом таинственно потрескивал, по-змеиному шурша, осыпалась со стен известь.

Через две недели жильцы устроили общее собрание. Прозаседали до десяти часов вечера и решили написать в райжилуправление: пусть там дадут команду в строительный участок на починку дома. И тут всех смутил бывший десятник, а теперь кладовщик рыбной базы дядя Федя.

– Они отремонтируют! – презрительно крикнул дядя Федя. – День стучим – два стоим! Знаю. Сам работал.

Кое-кто заколебался. Тогда дядя Федя взял слово. Он сказал, что райжилуправление поможет так, как мертвому припарки, и что лучше он завтра перетолкует с одним верным человеком по имени Фомич, и тот со своими ребятами за пятьсот рублей сделает из дома игрушку.

Дядя Федя говорил убедительно, с жаром. Припоминал все обиды, которые пришлось стерпеть от работников райжилуправления, вспомнил даже фельетон о них, напечатанный в газете. В конце концов с ним согласились: пусть неизвестный Фомич делает игрушку, пес с ними, с деньгами. Дядю Федю дружно выбрали доверенным лицом.

Переселение

Потянулись дни ожидания. Дядя Федя ходил с загадочным лицом и время от времени сообщал, что дело движется. Фомич, оказывается, запросил семьсот рублей и дядя Федя сбивает цену.

– Кабы свои деньги, так плюнул бы, – говорил он. – А то ведь общественные.

Наконец, после нескольких недель тревожной жизни от дяди Феде поступило распоряжение: спешно освобождать квартиры – завтра нагрянет Фомич.

Переселялись весело и дружно. Из просторных сараев выбрасывали уголь и втаскивали туда кровати с никелированными спинками, горки с посудой, комоды. Бессарайная бабушка из пятой квартиры раскинула посреди двора шатер из разноцветных домотканых дорожек и устроила очаг при помощи двух кирпичей. Одинокий угловой жилец уложил вещи в желтый окованный сундучок и отправился на жительство к дочери, куда-то за Гусинобродский тракт.

На другой день Фомич не нагрянул. Не нагрянул он и через неделю. Жизнь во дворе стала налаживаться. Владельцы дровяников повесили в своих жилищах ширмы, выгородив прихожие и «залы». Бабушка покрыла свой шатер куском старого рубероида и коренным образом усовершенствовала очаг, превратив его в летнюю печку-мазанку. По вечерам вокруг мазанки собиралась молодежь и пела под гитару кочевые цыганские песни.

Иногда во дворе появлялся угловой жилец. Он сиял свежееутюженной рубашкой и без конца повторял одну и ту же фразу, сказанную будто бы зятем:

– Живите, папаша, хоть целый год! А Фомича все не было...

Когда не болит душа

Наконец, однажды утром во двор вошли ремонтники, неторопливые серьезные люди в стеганых телогрейках нараспашку. Жильцы взволнованно притихли. Подымив на бревнышках самосадом, ремонтники долго пили у бабушки студеною воду прямо из ведра и уж после этого скинули телогрейки и начали ломать дом. Ломали основательно и не спеша. Заинтересованные жильцы крутились здесь же, подсказывали, советовали. Не выдержав, бросились помогать. Постепенно ими овладел реставраторский пыл и даже печку, которая хотя слегка и дымила, но все-таки топилась вполне исправно, они разнесли по кирпичику. Ремонтники вытирали пыль со лбов, крякали, хекали и подбадривали жильцов:

– Давай, давай! Ломать – не строить: душа не болит! Несколько раз за время великой ломки во дворе появлялся сам Фомич – дремучий, неразговорчивый старик.

– Месяца за полтора управимся, – отвечал он на расспросы жильцов. – А то и раньше. Не бойсь, Фомич не подведет. Фомич – фирма.

...и когда болит

Когда все, что можно было сломать, сломали, Фомич забрал задаток, снял половину рабочих и увел их в неизвестном направлении. Остальные приходили часам к одиннадцати, до обеда лениво тюкали топорами и тоже исчезали.

...Так прошло полтора месяца. Потом еще один. Душа у жильцов почему-то начала болеть. Возле бабушкиной мазанки больше не звенела гитара по вечерам. Сама бабушка сделалась молчаливой и все чаще хваталась за поясницу.

Жильцы собрали по двадцать рублей и купили стекло, из-за которого стояли работы. Потом собрали еще по пятнадцать – купили дранку. Потом – олифу и электрические провода.

Постепенно в доме начали появляться перегородки, оконные рамы и даже полы. Но тут случилась новая беда – запил печник. Целую неделю он не появлялся.

Тогда самый нетерпеливый жилец взялся сложить печку. Обливаясь потом, он замешивал раствор, бил кельмой по пальцам и ругался. Через два дня печка была готова. А еще через два возвратился печник. Опустив похмельную голову, он долго ходил вокруг кривобокого сооружения, мрачно повторяя:

– Рази ж это работа...

Потом он сломал печку и снова запил.

Жертвы капитала

Однажды вечером возвратился угловой жилец с окованным сундучком. Усталый, небритый и притихший. Его усадили на табурет в бабушкином чуме. Угловой жилец ел вареную картошку с зеленым луком и тонким голосом рассказывал:

– Конечно, я же понимаю. У него своя семья.

Лето быстро шло на убыль. Приближалась осень, а вместе с нею – дожди, слякоть, первые заморозки. Ремонту не видно было конца. Бабушка свернула домотканые дорожки и ушла в няньки. Дядя Федя бесследно пропал. Рассказывают, что теперь он выбивает себе новую квартиру с удобствами, как пострадавший от частного. А недавно его будто бы видели в пивной вместе с Фомичом и даже слышали, как тот, похлопывая дядю Федю по плечу, говорил:

– Фомич не подведет. Фомич – фирма.

А на соседнем доме, за высоким забором, весело стучат молотки и визжат рубанки – там работает бригада от райжилуправления. Каждый день тамошние пацаны забираются на забор и обидно кричат:

– Эй, вы! Жертвы частного капитала!

А на стене нашего дома опять висит объявление:

«Завтра общее собрание жильцов. На повестке дня – вопрос о ремонте».

ПИРОГ

Курица раздора

Все началось с того, что Ляя Борисовна купила на базаре настоящую живую курицу. До этого, говорит папа, наш дом был как дом, а после этого стал как ад. Ляя Борисовна купила курицу днем, а вечером, когда пришел ее жилец, студент консерватории Игорь, велела... рубить курице голову. Игорь побледнел, сунул папироску горящим концом в рот и сказал, что лучше съедет с квартиры.

Тогда Ляя Борисовна завернула курицу в тряпку и понесла в третью квартиру, к сердитому пенсионеру Кондратьичу.

Кондратьич был ругатель. Даже рассказывая о паровозах, на которых проработал всю жизнь, он все равно ругался. Каждый день он ходил в локомотивное депо. Возвращался обратно взъерошенный и, налетая на папу, кричал:

– А я говорю, потянет! Понимать много стали! Кишка у вас тонкая с Кондратьичем соревноваться!

Выслушав Ляю Борисовну, Кондратьич обругал Игоря слабожильным интеллигентом, но рубить курицу не стал, сказав, что это бабье дело.

– Покажите, кто тут не слабожилые, – сказала Ляя Борисовна. – Полный дом мужчин, но я уже догадываюсь, таки придется эту несчастную птицу нести на мясокомбинат.

Кондратьич сделал вид, что у него запершило в горле, и начал громко кашлять, а Ляя Борисовна направилась к нам, во вторую квартиру. Вот тут-то все и случилось. Как раз в это время мама сказала, чтобы я слазил в погреб за картошкой. Я ответил, что сегодня Славкина очередь.

– Не валяй дурака! – сказала мама. – Ты старший и должен показывать пример брату.

Я заметил, что младшему брату, между прочим, надо прививать трудовые навыки.

Тогда мама взялась за ремень и сказала, что начнет прививать эти навыки мне самому.

Люк погреба у нас возле самых дверей. Только я успел спуститься вниз по маленькой деревянной лестнице, как над моей головой просвистела распахнутая дверь и в следующий момент Ляя Борисовна шагнула мне на шею. Со страху я закричал не своим голосом. Ляя Борисовна закричала еще громче и выпустила курицу. Курица с кудахтаньем шарахнулась на стол, перевернула сахарницу и вылетела в открытое окно.

– Хулиганы! – кричала Ляя Борисовна. – Ловушки устраивают! Мышеловки! Это надо себе представить!

Курица так и не вернулась. На другой день мама заплатила Ляе Борисовне четыре рубля и долго извинялась. Ляя Борисовна деньги взяла, но все равно сказала, что мы со Славкой бандиты и головорезы.

«Вторично, кирпично...»

Мама потихоньку вздыхает. Папа проверяет диктанты на своем обычном месте – возле печки за книжным шкафом – и в промежутках утешает маму. Он говорит, что Ляю Борисовну нужно понять, потому что она сама себя не понимает. И не на нас она сердится, говорит папа, а на погреб. А если смотреть глубже погреба, то на тесноту и неудобство. Папа, может, и прав, но нам от этого не легче. Каким-то образом все узнали про «мышеловки» и «ловушки», и жить стало скучно. Вчера Славка поймал кошку нашей четвертой соседки Елизаветы Степановны и запряг ее в свой грузовик. Елизавета Степановна дома бывает редко, потому что она медсестра и целыми сутками дежурит в больнице. На этот раз у нее был пересменок, она поймала Славку и нарвала ему уши. За кошку Славке влетало и раньше, но было не так обидно. На этот раз Елизавета Степановна, больно дергая за ухо, приговаривала: «Вот тебе, мучитель! Вот! У-у-у, хулиганское отродье!»

А у Кондратьича обвалилась печка. Он пошел к домоуправу просить кирпичей, но, видно, тот отказал ему, потому что вернулся Кондратьич расстроенный и принес в кармане пол-литра. Мы с папой в это время строили во дворе конуру для Рекса. Кондратьич выпил свою поллитровку, снова вышел из дому и, повернувшись к сараю, сердито закричал:

– Собак развели! Мышеловок понастроили! Жизни нет! Интеллигенты слабожилые!

Папа объяснил Кондратьичу, что он неправильно кричит. Неправильно потому, что на самом деле сердится не на нас, а на свою печку и домоуправа. А если смотреть глубже, – то вообще на материальное неблагоустройство. И еще папа сказал, что все это у Кондратьича от несознательности, так как сознание вторично после материи.

– Вторично! Первично! Кирпично! Много понимать стали! – прокричал Кондратьич, плюнул и ушел к себе.

Нас будут сселять

Однажды утром в наш двор заехал огромный экскаватор. Он разворотил поленницу Кондратьичевых дров, вырыл длинную, как плавательный бассейн, яму, засыпал георгины Елизаветы Степановны и ушел.

Потом приехали две машины с кирпичом. Вокруг машин бегал какой-то человек в плаще, громко ругался и размахивал руками. Человек сказал, что всех нас будут сселять и прибил на ворота железную табличку, на которой было написано краской:

«Срочно! Требуются каменщики, плотники, жестянщики и сторож».

После машин пришли рабочие и установили прожектор, чтобы строить даже ночью. Рабочие покурили с Кондратьичем махорки, ушли и больше не появлялись.

...Яма во дворе постепенно зарастала травой. Кое-где по краям ее начала пробиваться почему-то даже картошка, хотя ее никто не сажал. Прожектор светил, светил и лопнул. Кондратьич сказал: «Перекалился». Папа куда-то обращался, и там ему сказали, что дом не строится потому, что нас не снесли, а нас не сносят потому, что не готов другой дом, в который нас снесут.

Пока мы ждали, наступила зима, и яму совсем замело снегом. Прожектор куда-то унесли двое электриков, а табличку «требуются» оторвали мальчишки.

Постепенно все начали забывать и про курицу Лэи Борисовны. Наверное, наш дом снова стал бы как дом, если бы не случилось еще одно происшествие. Однажды вечером к нам вбежал Кондратьич и, выпучив глаза, закричал:

– Горим! Так вашу перетак!

Мы с папой выскочили в коридор. Из-под двери Лэи Борисовны медленно выползал густой белый дым. Кондратьич разбежался и, сказав «ы-ы-х!», ударил плечом в дверь. Дверь не поддавалась. Тогда разбежался папа, тоже крикнул «ы-ы-х!» и тоже ударил. После этого папа схватился за сердце и сказал, что нужно вызвать пожарных. За пожарными побежала Елизавета Степановна, а Кондратьич взял топор, обошел дом вокруг и высадил у Лэи Борисовны раму. Потом они вместе с папой перелезли через подоконник в комнату, долго перекликались там и кашляли. Раза два Кондратьич выглядывал наружу подышать. Из усов у него шел дым.

Когда наконец приехали пожарные, все было закончено. Оказывается, пожара вовсе и не было. Просто Лэя Борисовна затопила печку и второпях забыла открыть трубу.

На другой день Лэя Борисовна пришла к нам с какой-то бумагой и сказала, что подает на Кондратьича в суд за разбой, а мы все должны подписаться как свидетели. Папа стал объяснять ей, что Кондратьич вовсе не виноват, а виновата печка Лэи Борисовны и, если уж вникать глубже, то ее собственная неосмотрительность.

– Вы все тут одна шайка-лейка! – запальчиво сказала Лэя Борисовна. Еще она сказала, что все мы получим по пятнадцать суток, а кое-кто и побольше.

Но мы так и не получили по пятнадцать суток, потому что скоро вышло распоряжение сносить дом.

Свержение шифоньера

Первым уезжал Кондратьич. Папа сказал, что надо бы помочь ему грузить вещи. Мы вышли во двор. Посреди двора стояло грузовое такси. Кондратьич старался затолкать в кузов большой, мрачный, как гроб, шифоньер, со старинной оградкой поверху.

– Квартиру новую дали! – свирепо закричал он, увидев нас. – Пропади она пропадом! С ванной! Чтоб ей ни дна ни крышишки!

Шифоньер скрипел, потрескивал, упирался и никак не хотел влезать. Рядом стоял молодой шофер, курил и презрительно сплевывал в снег.

– Папа, – сказал я. – А ведь Кондратьич сердится не на квартиру, а на свой шифоньер. И если смотреть глубже, то на пережитки – ведь шифоньер ему в новой квартире не понадобится.

Папа заморгал, открыл рот и удивленно посмотрел на меня.

– Ты вот что, – сказал он наконец, – не умничай. Понимать много начал.

В это время что-то громко треснуло, у шифоньера отвалилась дверца и на снег выкатилось несколько узлов.

– Гори оно все синим огнем! – закричал Кондратьич и пнул ногой шифоньер с оградкой. Потом, воодушевившись, он выбросил из кузова фикус и какую-то картину, на которой был изображен не то слон, не то чайник. Кондратьич бросал и приговаривал:

– К чертовой матери! К чертовой матери!..

Со всеми удобствами

На другой день переезжали все остальные. В новой квартире нам достались две комнаты, а в третьей поселилась Елизавета Степановна. Ляя Борисовна и Кондратьич заняли соседнюю квартиру. Мы разместили всю мебель, и еще осталось много свободного пространства. Мама вдруг сделалась очень задумчивой и все ходила, ходила по комнатам, словно что-то потеряла. Славка забрался в ванную, открыл все краны и запустил свой паровоз. Папа сел на диван и развернул газету. Ему попалась заметка о нашем доме и папа прочитал ее вслух.

– Видали! – кричал он. – «В новом доме есть лифт»! А вы говорили!

Мы ничего не говорили. Мы со Славкой даже два раза прокатились на этом самом лифте. Но одно дело – кататься, и совсем другое – читать об этом в газете, и папа продолжал выкрикивать:

– Ого! Дом снабжен мусоропроводом!

Мама вздохнула. Полчаса назад мы выбросили в мусоропровод яичную скорлупу.

И вдруг к нам вошла Ляя Борисовна. Вошла и попросила ложку соли.

– Чего же ложку! – радостно сказала мама. – Вот, берите! – и дала Ляе Борисовне целую пачку.

Ляя Борисовна села на табуретку посреди комнаты и вдруг... заплакала.

– Всю жизнь я топила печку, – всхлипывая, говорила она, – и когда носила Шелю, и когда Шеля родилась, и когда Исака забрали на фронт, и когда он не вернулся оттуда. Я все топила и топила. И колола дрова, и носила воду... А теперь у меня паровое отопление, у меня, можете себе представить, ванна и горячая вода...

Когда Ляя Борисовна дошла до мусоропровода, открылась дверь и появился Кондратьич в калошах на босу ногу. Кондратьич не стал здороваться, но и не закричал. Он потоптался на месте, покашлял и сказал:

– Старуха пирог соображает... На новоселье просим.

Ляя Борисовна перестала плакать и закричала на Кондратьича:

– Что соображает! Представляю себе, какой пирог может соображать ваша старуха! Пирог должна печь Елизавета Степановна. Это будет пирог так пирог! И пусть возьмет мою чудо-печку.

Потом Ляя Борисовна сказала, что мама должна делать пельмени, а рыбу она берет на себя.

И тогда Кондратьич закричал:

– Вот баба! Генерал!

Он подмигнул папе и сказал, что надо бы сбежать в «Гастроном», раз такое дело. Папа подмигнул мне, я подмигнул Славке. Славка тоже подмигнул и поманил меня пальцем. Я вошел вслед за ним в ванную комнату.

Из всех кранов с журчаньем выбегала вода. В полной до краев ванне плавал эмалированный таз, а в тазу сидела черная кошка Елизаветы Степановны...

ЕЛКА

К нам едет Толька

– Имейте в виду, товарищи, – сказал дядя, помахивая телеграммой. – К нам едет Толька. Толька – мой родной брат. С мамой и папой он живет на целине.

А я вот здесь, в городе, у дяди. Потому что там, где живет Толька, пока еще нет школы. Ее построят на будущий год. Тогда мы все будем вместе.

Итак, толстый, ужасно серьезный, лопоухий Толька едет к нам. Едет, конечно, с мамой и папой.

За ужином дядя провел короткое совещание. Он объяснил нам, что дети – цветы жизни. А такие, как Толька, вообще являются букетами.

– Кроме того, – сказал дядя, – Только настоящий целинник. Надо встретить его достойно.

– Завтра возле бани будут продавать елки, – заметила тетя.

– Пусть возле бани торгуют березовыми вениками, – ответил дядя. – Елку мы достанем централизованно, по линии месткома.

После непродолжительных прений совещание постановило: елку закупить, по линии месткома, выделить дяде два рубля на ее приобретение, встретить целинника Только на высоком уровне.

На языке древних римлян

На другой день я шел к дяде за централизованной елкой. По коридору дядиного учреждения бродили тепло одетые сотрудники Они нетерпеливо поглядывали на часы и одну за другой курили толстые папиросы. Елки должны были привезти с минуты на минуту.

Дядя сидел у себя в кабинете и делал вид, что занят какими-то бумагами. Но это ему плохо удавалось. Дядя уже надел боты «прощай молодость» и теперь поглядывал на пальто.

Вдруг в коридоре раздался дружный топот, кто-то приглушенно вскрикнул и все стихло. Побледневший дядя бросился к вешалке. Мы прыгали через четыре ступеньки до самого первого этажа. Но на первом этаже возле вахтера дядя замедлил шаг. Он даже остановился и закурил. Потом дядя сделал солидное лицо и сказал:

– Ну как жизнь, Пахомыч?

– Стало быть, прощай, Олег Константинович, – охотно заговорил Пахомыч – На пенсию подаюсь. Радиоприемник подарили. Старухе – платок гарусный. Теперь, значит, что пар у меня, вода горячая, магазин под боком.

Дядя начал помаленьку отступать. Пока он боком подвигался к двери, Пахомыч все кричал:

– Теперь что! Петька стиральную машину прислал! Иван – теплые ботинки! Зинка, опять же, – полтора рубля денег!

Высокие металлические ворота, ведущие во двор, оказались почему-то запертыми. Дядя постучал в них кулаком. Никто не отозвался. Со двора доносился только веселый треск разбираемых елок. Рассердившись, дядя пнул ворота ботом «прощай молодость». Потом он повернулся и молча побегал обратно: через парадное, мимо разговорчивого Пахомыча, к черному ходу. Он бежал так резво, что я едва успевал за ним. Еще в коридоре нам стали попадаться довольные, розовощекие дядины сотрудники с пушистыми елками в руках, но когда мы выбежали во двор, у стены сарая лежало лишь несколько печальных прутьев.

– Вот, – сказал распорядитель от месткома, – все, что осталось... Четыре штуки – за три рубля.

– М-да... – пробормотал дядя – Как говорили древние римляне. «Поздноприходящему – кости».

Две тысячи Колумбов

На другой день было 30 декабря. Занятия в школе закончились. Дядя взял однодневный отпуск. Мы проснулись в шесть часов утра, положили в рюкзак четыре бутерброда с колбасой, термос с горячим чаем и две коробки спичек (на всякий случай). Дядя достал из чулана настоящие собачьи унты. Мне достались тетины валенки.

– Шли бы лучше в пятый магазин, – вздохнула тетя. – Саблины вчера купили там очень милую искусственную елочку.

Дядя заметил, что нам не надо «милую». Нам надо своенравную лесную дикарку, гордую и элегантную.

– Мы поедем на одну базу, – сказал он. – Ее знаю только я да еще человек пять-шесть. Заведующий – мой знакомый. Медвежий угол! Вот увидишь, Валька, мы будем Колумбами. Приготовься снимать пенки!

Далеко за городом мы вылезли из автобуса и пошли пешком. Мы пошли не по хорошо укатанной санной дороге, а по тропинке, потому что она была «гипотенузой», как объяснил дядя. Скоро гипотенуза привела нас к небольшому пригорочку.

– Клондайк начинается за этим перевалом, – сказал дядя. – Можно перекурить.

Пока дядя перекуривал, я взобрался на пригорок. Светало. Метрах в двухстах впереди я увидел базу, которую знал только дядя да еще человек пять-шесть. Вокруг базы глухо роптала огромная черная толпа. Здесь было, по крайней мере, тысячи две «Колумбов». Горели костры. Возле одного из них пели угрюмо и бескрыло:

Степь да степь кругом, Путь далек лежит ...

– Дядя! – крикнул я вниз. – А если бы Колумб был не самый первый?

– Тогда он стал бы Магелланом! – ответил дядя.

«Того и вам жеваем»

Мы не стали Магелланами. Мы купили четыре точно такие же тощие веточки, от которых отказались во дворе дядиного учреждения. Только здесь они стоили восемь рублей.

– Это ничего, – пряча глаза, сказал заведующий, хороший дядин знакомый. – Их можно связать вместе. Получится как настоящая.

Возвращались мы поздно вечером. У Саблиных горел свет. Через окно было видно, как они наряжают высокую искусственную елку. У других наших соседей в комнате стояла, правда, сосна, но зато мохнатая и раскидистая. Как видно, возле бани продавали не только веники.

На другой день мы с дядей не пошли встречать Тольку, потому что устраивали елку. На вокзал поехала одна тетя. Мы связали наши ветки старым дядиным ремнем, моими шнурами и куском бельевой веревки, который, пользуясь отсутствием тети, отрезали от большого мотка. Одна ветка оказалась сосновой, и мы повернули ее в угол. Когда елка засияла игрушками, когда ее окутал разноцветный дождь и осыпало конфетти, дядя нравоучительно сказал мне, что человеческий гений способен творить чудеса.

Не клеилась у нас только электрическая часть. При первом же включении что-то подозрительно треснуло в розетке – и лампочки погасли. Дядя четыре раза разобрал и собрал розетку, но причину аварии установить так и не смог. Когда он в пятый раз собрал ее, воткнул штепсель и лампочки снова не загорелись, распахнулась дверь и в комнату вошел Толька. Толька не стал здороваться и простуженным целинным басом сказал:

– А у нас в пвошвом году вучше быва, из пвастмассы.

Дядя бессильно опустил руку с отверткой. Отвертка коснулась розетки, там что-то треснуло – и вдруг вспыхнули желтые, красные, синие, оранжевые лампочки.

И неиспорченный, самокритичный Толька рассудил по справедливости:

– Нет, – сказал он. – Эта вучше, чем наша.

Тогда дядя положил отвертку, торжественно шагнул вперед и сказал:

– Здравствуй, бесстрашный и честный целинник Толька! С Новым годом тебя, с новым счастьем!

– Спасибо, – ответил серьезный Толька. – Тово и вам жеваем.

Рассказы из сборника

Только правда,

ИЛИ КОШМАРНЫЕ ВЕЩИ

1965 г.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Судили нас с удовольствием. Чувствовалось, что члены товарищеского суда соскучились по настоящей работе. Дом наш тихий, бесконфликтный. По контингенту жильцов, не считая меня да еще двух-трех человек, предпенсионный. Так что бури все отгремели. А тут – здрасте пожалуйста!

Нам для первого раза вынесли общественное порицание. Заставили помириться. Посоветовали жить в дружбе.

– А мы проконтролируем, – сказал председатель, – всем коллективом. – Он сделал широкое обнимающее движение, – Верно, товарищи?

Так в решении и записали: взять под контроль всего коллектива.

Мы-то сами окончательно помирились уже после суда.

– Ты мне прости этого «барбоса», Ваня, – сказал сосед – Прости лысому дураку.

– А вы мне – «старую кочерыжку», Иван Никифорович! Молодой я, глупый.

– Эх, чего там! – махнул рукой сосед. – Возьмем, что ли, маленькую?

Мы взяли маленькую и обмыли наше замирение. Чудесно провели вечер.

На другой день к нам заявился первый представитель коллектива. Инженер из шестнадцатой квартиры.

– Вот, – сказал он, вымученно улыбаясь. – Шел мимо, думаю – дай заскочу.

– Аа, вы насчет этого! – бесцеремонно зашумел Иван Никифорович. – Помирились мы!

Так и доложите: тишь, мол, и гладь, и божья благодать!

Разоблаченный инженер оробел вовсе. Я понял, что его надо выручать, и сказал:

– Ах, как хорошо, что вы зашли! Раздевайтесь, будем чай пить.

Потом, уже за столом, представитель осмелел. Он прихлебывал чай и ликующим голосом человека, вырвавшегося из одиночного заключения, рассказывал:

– Иду, понимаете, а у самого ноги трясутся. Ведь в свидетелях за всю жизнь не был!..

Ровно через сутки пришел второй представитель. Им оказался совсем ветхий старик Рубакин – бывший мужской парикмахер.

– Патревожу, молодые люди! – бодро крикнул старик, устремился вперед и повалил вешалку.

Уступая приобретенной еще в дверях инерции, он дробной рысью обежал всю квартиру, стукнулся рикошетом о гладкий бок холодильника и с возгласом «патревожу!» исчез.

– Мда! – произнес Иван Никифорович. – Ну и ну!

– Ладно, – сказал я. – Раз надо – что поделаешь! Наступил третий вечер – и пожаловала представительница.

– Нас уже проверяли, – занервничал Иван Никифорович. – Два раза. – И показал зачем-то на пальцах – два.

– Неважно, милый, – успокоила его представительница, – Семь раз проверь – один раз поверь.

Видимо, она имела опыт в таких делах, потому что сразу прошла на кухню и заглянула во все кастрюли. Потом отворила дверь в мою комнату, увидела на стене боксерские перчатки и спросила:

– Это что?

– Перчатки, – ответил я.

– Для чего?

– Для бокса.

– Так, так, – сказала представительница и потыкала перчатки пальцем. – Чтобы, значит, следов не оставалось.

– Каких следов? – не понял я.

– На теле человеческом! – зловеще округлила глаза представительница.

Она задержалась на пороге, окинула соболезнующим взглядом угрюмо молчавшего Ивана Никифоровича и поджала губы.

Четвертый вечер мы провели в сквере, на скамеечке. Иван Никифорович достал из внутреннего кармана несколько журналов с кроссвордами и сказал:

– Вентиляция мозгов. Очень полезно на свежем воздухе.

Дотемна мы вентилировали мозги, а потом со всеми предосторожностями отправились домой. Мы прошли через соседний двор, прокрались вдоль дома, чтобы нас не заметили с балконов, выключили свет в подъезде и ошупью, стараясь не топтать, стали подниматься наверх.

– Пять, шесть, семь, – шепотом отсчитывал марши Иван Никифорович.

На площадке четвертого этажа кто-то зашевелился.

Иван Никифорович вскрикнул и зажег карманный фонарик.

Возле нашей двери сидел на корточках представитель.

– Ну-с? – яростно спросил Иван Никифорович. Представитель поморгал глазами и сказал:

– Закурить вот ищу...

Я отдал ему всю пачку.

Он осторожно выбрал одну сигаретку, возвратил пачку и пошел за нами в квартиру.

– Что вам еще?! – зашипел Иван Никифорович, отрезая ему дорогу.

– Спичку, – пробормотал тот.

Иван Никифорович выстрелил у него перед носом пистолетом-зажигалкой.

Представитель отшатнулся, слегка побледнев, но назад не повернул.

– Кхе, ххе, – сказал он, прикурив. – Посмотреть надо бы... То да се... Пятое – десятое.

...Двенадцатого представителя мы ждали с большим нетерпением. Волновались. Иван Никифорович даже расстелил в коридоре новую дорожку. Но я критически осмотрел ее и сказал:

– Пожалуй, лучше убрать. Пол у нас хороший. Еще запутается в ней, чего доброго.

Наконец раздался звонок. Я открыл дверь и сказал, кланяясь и отступая:

– Добро пожаловать! Просим! Очень рады!

Тем временем Иван Никифорович предательски зашел гостю в тыл и сделал ему подножку.

– Держи! – хрипло крикнул он, навалившись на представителя животом. – Хватай его!

Потом мы взяли его за руки и за ноги, вынесли на площадку и... Он жил двумя этажами ниже.

Завтра нас с Иваном Никифоровичем опять будут судить.

КАРАНДАШ

– А тебе я привез вот что! – сказал мой друг, вернувшись из туристской поездки. Он с таинственным видом запустил руку в карман и достал карандаш. Отличный самозатачивающийся карандаш из цельного грифеля знаменитой фирмы «Хартмут».

Я полюбовался карандашом и спрятал его в стол. Большой нужды в нем не было – писал я авторучкой. Может, он так и пролежал бы в столе или потерялся, как терялись все другие мои карандаши, если бы не случай.

Карандаш увидел очеркист Небыков. И сразу же схватился за него двумя руками.

– Отдай! Бери за него что хочешь!

Мне очень нравилась ленинградская зажигалка Небыкова. Хороши были у него также старые мозеровские часы. Но я застеснялся.

Правда, дареному коню в зубы не смотрят, но все-таки карандаш стоил не больше тридцати копеек.

– Не могу, – ответил я. – Подарок.

– Отдай, – угрюмо сказал Небыков. И потянул карандаш к себе. Я потянул обратно.

В этот момент вошел художник Малявко, увидел карандаш и по своему обыкновению захныкал:

– Я рисую. Я штрикую. Я тушую. Подари, голубчик! Уступи. Променяй. Зачем тебе? Я твой портрет нарисую. В рост.

– Идите вы все к черту! – сказал я и положил карандаш на место.

Потом зашел наш редакционный поэт Жора Виноградов, заговорил мне зубы анекдотом и попытался унести карандаш в рукаве пиджака. Я догнал его на пороге и сделал подножку.

– Ладно, – сказал Жора, разминая ушибленное колено. – Собственник! Все равно не урежешь.

После Жоры заявился председатель месткома Курчавый. Он поставил передо мной карманный радиоприемник и повернул рычажок. Радиоприемник заиграл танец маленьких лебедей.

– Между прочим, Москву ловит на длинных, средних и коротких волнах, – сказал председатель. – Чудо техники.

– Ну и что? – спросил я.

– Как что! – удивился Курчавый. – Берешь? За карандаш.

– Между прочим, я был чемпионом факультета по боксу, – прорычал я.

– Понятно, – сказал Курчавый. – Значит, не берешь.

Когда я после работы спустился вниз, изза угла выскочил Небыков. Он схватил меня за шиворот и, кровожадно улыбаясь, сказал:

– Пошли в ресторан! Выпьем по махонькой!

Я вырвался и побежал.

– Держи его! – крикнул мне вслед Небыков.

... Утром на троллейбусной остановке меня подкараулил Малявко.

– Я рисую, – затянул он, не здороваясь, – я тушую.

И тут меня осенило.

– Знаешь, – сказал я. – Поговори с Небыковым. Я уже пообещал ему. Теперь неудобно отказывать.

Я усадил Малявко в троллейбус и позвонил из автомата Небыкову.

– Привет, старик! – бодро сказал я. – Понимаешь, решил уступить карандаш Малявко... за велосипед.

После этого я не торопясь, пешком, отправился на работу.

Первые в редакционном коридоре мне встретился Жора Виноградов. Он быстро нес куда-то свою любимую пишущую машинку «Оптим». Меня Жора не заметил и даже толкнул плечом.

Небыков явился на службу только в обед с рюкзаком за плечами, в котором что-то позвякивало.

Курчавый ходил задумчивый и время от времени о чем-то шептался с председателем кассы взаимопомощи.

Через два дня Малявко оказался владельцем радиogramмофона РГЗМ, опасной бритвы, пылесоса и машинки для перемалывания кофе. Жора Виноградов получил двустольный винчестер. Кроме того, Курчавый задолжал ему пятнадцать рублей, а сам Жора обязан был передать Небыкову полученные от Малявко болотные сапоги и четыреста метров «Сатурна». У Курчавого к этому времени были две теннисные ракетки, велосипед, Жорины боксерские перчатки и шестьдесят рублей долга в кассе взаимопомощи. Небыков имел кожаную куртку с четырьмя «молниями», охотничий нож и подержанный акваланг в потенциале. Акваланг должен был передать ему Малявко после того, как Жора выменяет его где-то на холодильник «Газоаппарат».

Про карандаш никто из них больше не вспоминал.

НОВОСЕЛЬЕ

Еще когда мы с домоуправом первый раз поднимались наверх, чтобы осмотреть мою квартиру, я обратил внимание на эту бабку. Маленькая такая, аккуратная старушка. Она сидела на трехногом стульчике на площадке четвертого этажа и совершенно ничем не занималась.

Старушка кивнула на меня и миролюбиво спросила домоуправа:

– Новый жилец?

Домоуправ заскрежетал зубами и бросился вверх по лестнице. А я остановился и сказал:

– Новый, бабуся! С иголки! Новее не бывают! Когда мы спускались обратно, старушка спросила:

– Клопов нет?

– Что вы, – ответил я. – Какие клопы!

Переезжал я на другой день.

– Будете ремонтировать? – спросила старушка, когда я появился на четвертом этаже с тумбочкой в руках.

– Здравствуйте, – сказал я. – Нет, зачем же. Дом ведь новый.

Я преодолел еще четыре марша, оставил тумбочку и пошел за кроватью.

– Некоторые сразу ремонтируют, – сказала бабка, когда я с ней поравнялся.

– Вот как! – удивился я. – Мда!..

– Семейку перевезете в другой раз? – спросила она, воспользовавшись тем, что кровать моя застряла на площадке.

– Да, – ответил я. – Собственно... видите ли, я – холост.

– Дети – большое беспокойство. Не правда ли? – сказала старушка, когда я спускался за чемоданом.

– Возможно, – пожал плечами я, – не знаю.

– Родители ваши живы? – спросила она во время следующего рейса.

– Частично, – пробормотал я и прибавил ходу, насколько позволяли бьющие по ногам чемоданы.

«Мужайся, старик! – сказал я себе. – Не поддавайся панике. Старушек много, а здоровье одно».

Обратно я стремительно съехал по перилам.

– Они живут в деревне? – донеслось мне вслед.

Внизу оставались еще корзина с книгами, постель и чайник. Я взял в правую руку корзину, в левую – постель, в зубы – чайник, открыв дверь головой и побежал по лестнице со скоростью четыреста метров в секунду.

– И держат корову? – крикнула бабка, умело рассчитав упреждение.

Я запер дверь на два поворота ключа, отдышался, достал одеяло, разрезал его на полоски и свил веревку. Потом спустился из окна шестого этажа и на первом телеграфном столбе прибил объявление:

«Меняю квартиру со всеми удобствами в центре города на жилплощадь в любом отдаленном районе».

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ АРИФМЕТИКИ

Мы отошли от кассы вместе.

– Послушай, старик, – взял меня под руку Миша Побойник. – Не откажи в любезности... Вид у него был крайне озабоченный.

– Заскочи со мной в магазин, старик, – сказал Миша. – Хочу сделать одну покупку.

– Понятно, – догадался я. – Что-нибудь ого-го? Тебе может не хватить полочки?

– Не думаю, – с легким сомнением сказал Миша. – Видишь ли, надо купить шнурки.

И он выставил длинную ногу, обутую в коричневый ботинок на могучей тракторной подошве. Шнурки у него были, действительно, никуда. Узел на узле, в иных местах даже надставленные белой тесемочкой.

– Ну так что? – спросил Миша. – Поможешь?

– О чем разговор! – сказал я. – Сделаю все что смогу.

После работы мы отправились в универмаг. Продавщица выложила на прилавок толстый пучок шнурков. Миша долго разглядывал их, пропускал сквозь пальцы, перетряхивал. Потом толкнул меня в бок и спросил шепотом:

– Ну, как ты находишь?

– Знаешь, – сказал я, – они ничего. Коричневые, и все такое... Тебе к лицу. Разве только чуть длинноваты. В общем-то, смотри – тебе носить. В конце концов, если не нравятся, можем поискать другие. На универмаге свет клином не сошелся.

– Поищем другие, – быстро согласился Миша. – Ты ведь не торопишься, а?

– О чем разговор, – сказал я.

В специализированном магазине «Обувь» шнурки были, по-моему, не хуже и не лучше. Только разве чуть-чуть покороче. И слегка покоричневее.

– Может, пойдем дальше? – спросил Миша.

– Бери, – сказал я, – лучше не найдешь. Я тебе говорю.

– Ты думаешь? – спросил Миша. – А почему они?

– Одиннадцать копеек, – сказала продавщица.

– Все? – спросил Миша.

– Нет, пара.

– Пара?! – ахнул Миша. – Этих? Шнурков? Кошмар! Еще семнадцать копеек – и кружка пива. Ну и ну!

Мы добавили по семнадцать копеек и выпили пива. По кружке.

– Повторим? – спросил Миша.

– О чем разговор, – сказал я.

Мы повторили.

Тут я вспомнил, что давно собирался купить себе запонки. В конце концов, сколько можно застегивать рукава булавками? Запонки стоили восемьдесят копеек.

– Деньги в кассу, – сказала продавщица.

Возле кассы Миша поймал мою руку

– Ты что, старик, спятил! – сказал он – Восемьдесят копеек! За этот металлолом! Еще семьдесят – и двести грамм.

Мы прибавили по семьдесят и выпили по двести. Миша развеселился.

– Знаешь, какое действие арифметики лучше всех? – прищурился он – Пятое – добавление. Добавим?

Мы добавили.

Против кафе, возле промтоварного лотка, толпился народ. Продавали, видимо, что-то дефицитное.

– Ананасы? – дурашливо спросил Миша. – Кто последний?

Но это были не ананасы, а безразмерные носки по рубль пятьдесят пара.

– Что вы делаете! – остановил Миша какого-то гражданина. – Рубль пятьдесят! За эти портянки! Еще рубль тридцать семь – и пол-литра!

Но гражданин сердито выдернул плечо и полез в очередь.

А мы с Мишей добавили рубль тридцать семь и взяли пол-литра.

– Мда, – сказал Миша, вертя в руках квитанцию, когда мы утром выходили из вытрезвителя. – Еще полтора рубля – и отличная шелковая рубашка.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Вовка неохотно ел борщ. Мама сказала:

– Если он не будет есть борщ, то никогда не вырастет. Правда ведь, папочка?

– Разумеется! – живо откликнулся папа и незаметно подмигнул маме. – Один мой сотрудник тоже в детстве не ел борща и остался маленьким. Все дяди как дяди, а он – с нашего Вовку.

Вовка разинул рот и опустил ложку в тарелку.

– Даа! – продолжал папа. – Сам маленький-маленький, портфель кое-как поднимает, а борода до колен.

– А он разве не бреется? – спросил Вовка.

– Бреется! – радостно ответил папа. – Четыре раза в день. А она все равно растет.

Мама покачала головой, забрала тарелки, две пустые и Вовкину полную, и положила всем каши.

– Между прочим, – заметил папа, – кашу он тоже не ел. Ни пшеничную, ни рисовую, ни гречневую. В общем, достукался. Теперь собственная дочка его на работу возит... в детской коляске. Потеха!

Вовка во все глаза смотрел на папу, каша из ложки капала ему на колени. Папа крутнул головой и, давась от смеха, сказал:

– Перед праздником всем в тресте премии выдавали. Кому деньгами, кому фотоаппарат, кому ружье. А ему – куклу-неваляшку! Умора, честное слово!

Мама вздохнула и поставила перед ним стакан с компотом.

– Кстати, – сказал папа, и глаза его азартно заблестели, – компот он тоже не любил. Одни ягодки вылавливал. Теперь кается, да поздно. Недавно его кондуктор в троллейбусе так за уши оттрепал – любо-дорого! У кого, говорит, ты, паршивец, проездной билет слямзил? Да еще фотокарточку свою прилепил! Хе-хе-хе! Да! Но вот что хорошо – курить он так и не научился. Соску сосет! Сидит в кабинете и посасывает!

Вовка замлел от восторга и перевернул на скатерть стакан с компотом.

– Ну вот, – сердито прошептала мама. – Довоспитывался! С тобой только свяжись!

– Ты что, не веришь? – обиженно закричал папа. – Чего ты мне подмигиваешь! Я говорю – сосет!..

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Оказывается, на перроне меня уже ждали. Мужчина в расписных парусиновых штанах вынырнул откудато сбоку и показал мне два пальца.

Я не понял.

– Есть комната на двоих, – сказал мужчина, глядя в сторону. – Пятнадцать минут до моря. Рядом – театр, кино, ресторан, баня, детская консультация и зубоучебный кабинет. Это будет стоить рубль.

– Комната? – наивно спросил я.

– Нет. Рубль мне, за обслуживание. А комната – как везде.

Я дал ему рубль. Если вам предлагают комнату в таком пышном окружении и всего через три минуты после приезда, не стоит привередничать. Надо ценить чуткость.

Мужчина спрятал деньги в парусиновые штаны, махнул рукой по направлению большого каменного дома и, выставив два пальца, кинулся за следующим клиентом.

Привыкай, сказал я себе, ты на юге, здесь все необычно, говорят, даже Большая Медведица в четыре раза крупнее нашей.

Рядом с вокзалом, под сенью кинжалообразного кипариса, решительный брюнет торговал пирожными. Я протянул полтинник и попросил вернуть одно.

– И коржик дам, – сказал брюнет.

– Не надо, – засопровтивлялся я. – И пирожное – тоже. Верните деньги, я пошутил.

– Нет, дам, – настойчиво повторил брюнет. – Вы не знаете, какой это коржик. Мммах! Это такой коржик! Благодарить будете!

Я спрятал коржик в карман и отправился разыскивать комнату...

Ужинал я в том самом ресторане, который был рядом с зубоучебным кабинетом. Официантка порхала. Официантка расточала улыбки и предупредительно заглядывала в глаза. Потом она суммировала стоимость съеденных мною чебуреков, салата и хлеба, секунду подумала и, больше ничего не обнаружив на столе, бросила на счеты еще семьдесят копеек.

– Так, – сказал я, – конечно, непомерный план?
Официантка скромно потупилась.
– Книга жалоб, разумеется, у директора?
Официантка кивнула.
– А директор в длительной командировке на Земле ФранцаИосифа?
Официантка оскорбленно подняла брови.
– Ну хорошо, – сдался я. – Принесите пачку сигарет.
– Сигареты у швейцара, – сказала она. Швейцар порылся у себя в столике, достал пачку «Лайки» и побрызгал ее одеколоном. Я подал ему гривенник.
– Молодой человек! – возмутился швейцар.
– Виноват! – сказал я и протянул ему еще пятнадцать копеек.
Я вышел к набережной. Кругом благоухали магнолии, кивали головками розы, мерцали седые эвкалипты. Возле фонтана ко мне подошел детина с увесистой треногой в руках и заявил:
– Вы случайно попали в мой объектив. Я не удержался и сфотографировал вас на фоне этого великолепного фонтана.
– Сколько? – спросил я.
– Рубль, – быстро сказал детина.
Я отдал ему рубль и поклялся никогда в жизни не останавливаться на фоне каких бы то ни было фонтанов. Потом рысью спустился к морю.
Море было восхитительным. У берега – желтое, чуть подальше – зеленое, потом голубое и, наконец, темно-фиолетовое. И по этому спектру катились белые барашки.
На берегу стоял человек в светлом костюме, со строгими руководящими плечами. Я подошел и молча протянул ему полтинник.
– Шо такое? – удивился человек. Я сказал, что хочу искупаться.
– Та купайтесь на здоровычко! – разудлыбался человек. – Це ж бес-

платно.

СОЛНЦЕ, ВОЗДУХ И ВОДА

Первая достопримечательность

– Дендрарии, азарии, – перечислял Игорь.
– Озеро Рица и гора Изуверская, – дополнила Милка.
– Иверская, – сказал я. – Все осмотрим, ничего не пропустим. За тем и приехали.
– Вырежем самшитовые палки, – блестя глазами, сказала Милка. – И будем ходить пешком.
– Итак, достопримечательность первая! – объявил Игорь.
Он достал из кармана путеводитель по Черноморскому побережью Кавказа и прочел:
– Пляж... мгугмгм... представляющем вечнозеленый городпарк... Ага! Протянулся на тридцать километров вдоль моря... Прекрасные лечебные свойства... комфорт... всемирная слава...
– Пройдем все тридцать километров! – храбро сказала Милка.
Мы вышли на один из тридцати километров. По синему морю плыли белые теплоходы. На всемирно известном пляже было тесно, как в троллейбусе.
Мы быстро разделись, доплыли вольным стилем до буйка, вернулись обратно, полежали полторы минуты на животе, полторы – на спине, полторы – на правом боку, полторы – на левом, и стали одеваться.
Дышите ионами
– Ионы, ионы, – вдруг пробормотал, как заклинание, сидящий рядом пятнистый мужчина и повернулся к нам. – Что так скоро, молодые

люди?

– Так ведь опасно сразу, – ответила Милка. – Врачи не советуют.

– Ерунда! – сказал мужчина, оторвал с живота большой лоскут кожи и бросил в набегавшую волну. – Я сам врач.

– И ничего? – заинтересовался Игорь.

– Ни черта! – сказал мужчина. – Все сравняется и зарубцуется. Приеду домой, как подметка. Знакомые от зависти локти обкусуют. Да вы посмотрите кругом.

– Даа, – завистливо протянул Игорь. – Нигерия!

– Вот это парень! – ахнула Милка. – Вот это загар!

Действительно, было на что посмотреть: по пляжу, лениво переступая через распростертые тела, шагал длинноногий красавец темно-коньячного цвета. Мы стыдливо покосились на свои бледные конечности.

– Ну так что, – ухватился я за соломинку. – Значит, прямо в дендрарий?

– Знаете, ребята, – сказал Игорь тоном плохо замаскировавшегося перебежчика. – Вы идите... Вы меня не жалейте. Я тут немного позагораю...

Купание по себестоимости

– Мало, мало, – упрямо твердит Николай Константинович (так зовут нашего совратителя). – Мало купаетесь, молодые люди. Ионы, ионы... Недооцениваете.

Он берет папиросную коробку и углубляется в подсчеты:

– Дорога туда, обратно – самолетом... Сколько здесь пробыть намерены?

– Дней двадцать, – лениво говорит Милка и переворачивается на другой бок.

На коробке появляется падающий столбик цифр, и оказывается, что при пятиразовом купании каждое погружение в море обходится нам по 2 рубля 60 копеек.

– Чувствуете?

Мы прочувствовали и поднажали. Через два дня Игорь побил рекорд. Каждое купание обошлось ему в шесть с половиной копеек.

– Почти по себестоимости, – сказал Николай Константинович.

Вечером нас трясло и ломало. Мы вылили друг на друга по флакону тройного одеколона. Не помогло.

– Морюшко наружу выходит, – сказал квартирный хозяин и посоветовал водку.

Выпили бутылку водки. Съели по два шашлыка. Помогло. Лечение, вместе с одеколоном, встало по три с полтиной.

– Все-таки экономия, – сказала Милка.

Семь шкур

Я пользуюсь мазью для загара. Милка предпочитает от загара. Игорь употребляет детский крем с глицерином.

Теперь, когда мы проходим по пляжу, новички восхищенно шепчут:

– Вот это ребята! Конго!

Вообще, нам повезло. Наш участок пляжа самый удобный: Игорь как-то сходил на соседний, метров за четыреста. Побыл там с полчаса и вернулся обратно.

– Ну как? – спросили мы.

– А ну его к черту! Теснота – приткнуться негде! – сказал Игорь, отодвигая мою ногу, чтобы поставить собственную.

Николай Константинович облезает чулком.

– Шестая, – говорит он, трогая пальцем нежную кожицу. – Ну, ничего! Семь шкур спущу, а загар домой привезу.

Сегодня вдоль берега проезжал открытый туристский автобус. Экскурсанты сидели рядом, как детсадовцы. Все в белых панамках.

– Направо – знаменитый пляж, – говорил им руководитель. – Протяженность вдоль моря тридцать километров. Комфорт. Всемирная слава...

Экскурсанты повернули головы направо и сонными глазами уставились в морскую даль.

– Налево, – продолжал руководитель, – знаменитый, приморский...

Экскурсанты повернули головы налево...

– Вот идиоты, – сказала Милка и пошла купаться за четыре копейки.

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ БЛАГА

Экскурсовод остановился возле кривобокого деревца и стал объяснять, что это исключительная редкость.

Степану Петровичу стало скучно. Он украдкой скосил глаза в сторону и... обомлел. Прямо под ногами, в небольшом круглом бассейне, плавали жирные, золотые караси. Карасей было сковородок на двадцать...

– Товарищ, – вежливо остановил его экскурсовод.

– Я только потрогать хотел, – сказал Степан Петрович, вытирая руку о штаны.

Экскурсия двинулась вдоль по аллее. Не прошли и двадцати метров, как руководитель сказал:

– Обратите внимание: направо – югланс регия...

На чистой полянке, ничем не огороженное и никем не охраняемое, стояло высокое развесистое дерево, усыпанное грецкими орехами – по три рубля за кило.

«Не может быть», – сказал себе Степан Петрович и оглянулся – нет ли где сторожа или собаки.

Потом тронул за рукав экскурсовода, кашлянул и вкрадчиво спросил:

– Я извиняюсь, конечно... Это что... те самые, которые ... этого самого?

– Те самые, – ответил экскурсовод, – можно так есть, можно халву делать.

Степан Петрович вернулся и еще раз обошел югланс регия. «Ай-ай-ай!—думал он, пятясь от ствола по спирали. – Это если на базар да килограммами... Два деревца – и вот тебе дорога в оба конца самолетом».

На шестом витке Степан Петрович чувствительно стукнулся обо что-то затылком. Он повернулся и вздрогнул. Непосредственно перед его носом торчали из земли бамбуковые удилица – по два пятьдесят штука.

«Господи боже мой! – затосковал Степан Петрович. – Всевозможные блага! Под ногами валяются!»

... Экскурсию он догнал в конце аллеи. Спутники его кружком стояли возле какого-то дерева, а экскурсовод интригуяще говорил:

– Пожалуйста, товарищи, можете потрогать. Степан Петрович протиснулся в середину. На дереве торчали настоящие полуторарублевые мочалки в доброкачественной зеленой упаковке.

И тут Степан Петрович не выдержал. Он приотстал от экскурсии, торопясь и нервничая, отломил четыре мочалки, завернул их в газету и, не оглядываясь, побежал к выходу из дендрария.

ТОЛЬКО ПРАВДА

Сразу за Туапсе открылось море, и все прилипли к окнам.

– Мда, – общительно сказал толстый дядька из соседнего икупе. – Рай! Не то что у нас в Сибири...

– А что у нас в Сибири? – ревниво приподняла брови Милка.

– Известно что, – сказал дядька. – Холод, глушь, тайга дремучая.

Пассажиры залюбопытствовались, окружили сибиряка кольцом.

– Мда, – продолжал дядька, легко овладевая вниманием. – Пойдешь к приятелю рюмочку выпить – держись за веревку. А то унесет к едрене-фене – милиция не разыщет.

– И милиция тоже есть? – изумилась одна из слушательниц.

– Да это я так, – махнул рукой дядька – К слову. Какая там милиция. Закон – тайга, медведь – прокурор.

Милка выскочила в тамбур и плюнула.

– Так рождаются дурацкие басни! – сердито сказал я.

Мы тут же поклялись всем рассказывать про Сибирь только правду. И уличать бессовестных вралей.

В первый же день на пляже я решительно прервал сивоусого колхозника, нахваливавшего свою Полтавщину, и громко спросил:

– А вы слышали о том, что в Сибири вызревает виноград?

Колхозник, хитро прищурившись, сказал, что про «це» он «не чув». Но зато он «чув» про бананы, которые у нас вырастают здоровенными, «як та ковбаса».

Все кругом засмеялись и моментально утратили к нам интерес. Мы обиделись и подсели к другой компании. Здесь respectable вида мужчина, которого все называли профессором, рассказывал что-то интересное про Аргентину. Импресарио профессора – загорелый молодой человек в усиках, организовывал слушателей. Нам он запросто махнул рукой и спросил:

– Вы откуда?

– Сибиряки, – с достоинством ответили мы.

– Ну так грейтесь, – великодушно разрешил молодой человек. – Двадцать семь в тени.

– Подумаешь! – с вызовом сказала Милка. – А у нас тридцать три.

– Мороза? – уточнил импресарио.

– Жары! – сказал я.

Молодой человек вежливо не поверил.

– У нас – заводы, – сникли мы.

– Институты...

– Миллионный город..

– На каждом углу газ-вода... Честное слово.

Профессор глянул на нас с досадой. Загорелый молодой человек приложил палец к губам. И все отвернулись. Я помолчал немного и осторожно кашлянул:

– Конечно, случаются иногда... похолодания.

– Градусов до сорока пяти, – пискнула Милка.

– Запуржит, заметелит, – зловеще сказал я. – Тайга – закон...

– Вечная мерзлота, – осмелела Милка. – На двадцать пять метров в глубину.

Компания зашевелилась. Профессор отставил жаркие страны и сказал:

– Ну-ну... Любопытно.

Молодой человек махнул какойто парочке и спросил:

– Вы откуда?

– Из Майкопа, – ответили те.

– Садитесь, – сказал наш импресарио. – Послушайте, что люди говорят.

... На следующий день мы появились на пляже независимые и многозначительные, как индейцы. Профессор на прежнем месте врал про свою Аргентину.

– Это что! – нахально сказал я, оттирая его плечом. – Вот у нас в Сибири – глушь, дикость!

– Только сядешь чай пить, а он в окно лезет, – бросила Милка.

– Кто? – истекая любопытством, застонали бывшие слушатели профессора.

– Медведь, конечно, – сказал я. – Белый. Это если утром. А к вечеру бурые начинают попадаться. Бывает, так и не дадут чаю попить.

КОШМАРНЫЕ ВЕЩИ

На сочинском пляже разговаривали две дамы.

– Сидел он, сидел на волноломе, – говорила первая дама. – Потом махнул рукой приятелю, нырнул – и готов. На четвертый день поймали возле Мацесты.

– Кошмар! – округлила глаза вторая. – Один мой знакомый, стоматолог, я у него зубы лечила, в прошлом году перевернулся на лодке. Лодку вытащили, а его по сей день ищут. И если бы плавать не умел. А то чемпион каких-то там игр, неоднократный.

– Ужас! – сказала первая дама. – Это у него судороги. Наплюйте мне в глаза. На Ривьере утонула целая семья. Между прочим, я их хорошо знала. Первым стал тонуть отец. Мать попыталась его спасти – и туда же. За мать схватился сын, за сына – жена сына, за нее – их дочка, за дочку – внучка. Ни один не вынырнул, можете себе представить – у всех судороги.

– Боже мой! – простонала вторая. – Куда спасатели смотрели!

– Хороши спасатели! – возмущенно фыркнула первая дама. – Да вы знаете...

И тут она рассказала действительно жуткую историю. У одного профессора, отлично знакомого даме, эти спасатели украли молодую жену. Подплыли на четырех лодках, сказали два слова и – с приветом.

– Вообразите себе, эта нахалка, когда ее нашли, не захотела вернуться. Профессор, понятно, камень на шею и...

– В море?! – ахнула вторая.

Первая скорбно опустила глаза.

Через полчаса дамы обнаружили, что все их знакомые, знакомые знакомых, соседи и сослуживцы либо утопленники, либо безнадежно травмированные морем люди.

Тогда, достав платочки, они приступили к родственникам.

– Свояченица моего двоюродного брата, – всхлипнула первая дама, – утонула, бедняжка, среди белого дня, при полном безветрии, в двух метрах от берега...

– Дорогая, я вас понимаю, – сказала вторая. – Недавно мы схоронили шурина дяди по отцовской линии – не догадался защемить нос, когда нырял за крабом, и вот, пожалуйста...

– А люди едут к морю, – вздохнула первая дама. – Рассчитывают поправить здоровье.

– Безобразие! – решительно сказала вторая. – Не санатории здесь надо строить, а крематории.

К вечеру дамы, наконец, утонули. Первуюхватило судорогой. Вторая забыла, что находится под водой, и глубоко вздохнула.

На Черноморском побережье стало как-то безопаснее.

ОН НАЧАЛ ПЕРВЫЙ

В нашем дворе дрались двое мальчишек. Один лежал на земле, а второй сидел на животе у поверженного и старался выковырнуть ему глаз. Господи, до чего же скверные пошли дети! Ведь вот в наше время все было по-другому. Нет, конечно, мы тоже дрались. Но все-таки глаза не выковыривали. Откуда в них эта жестокость? Ишь, что делает, негодяй, – схватил за волосы и стучит головой об землю. А второй тоже хорош – нечего сказать! Изловчился и укусил верхнего за палец.

– Да разнимите их! – сказала соседка из четвертого подъезда. – Вы же мужчина.

Ну, я растащил мальчишек, хотя у них, наверное, есть отцы, и это не мое дело.

– Ты зачем ему глаз выковыриваешь? – сказал я верхнему. – У-у, варвар!

– А что! – крикнул бывший верхний. – Он первый начал! – И пнул бывшего нижнего.

Нижний прицелился и плюнул верхнему на подбородок. И началось...

Я оттрепал их за уши, заставил помириться и пошел домой. Жена встретила меня слезами.

– Брыкин опять вымазал дверные ручки олифой! – рыдая, сказала она.

– Ах, так! – прорычал я и выхватил из кармана нож. Я побежал на кухню, отрезал шнур от брыкинской плитки, неслышно подкрался к дверям его комнаты и прочно закрутил их, использовав скобки для всячего замка.

Потом отошел в сторону и крикнул:

– Горим!

Брыкин со всего размаху ударился о дверь и, подвывая, заметался по комнате.

А мы с женой сели пить чай.

Пока мы пили чай, Брыкин просунул в щель ножовку, перепилил провод, выкатил в коридор пылесос, включил его на обратный ход и вдул нам через замочную скважину полтора килограмма пыли.

Я ошупью выбрался из комнаты, поймал кошку Брыкина и выбросил ее в мусоропровод. Брыкин метнулся к себе, нажал какуюто кнопку – и у нас разом полопались

все лампочки в люстре.

Тогда, не говоря ни слова, я выбежал во двор, сбил замок с гаража Брыкина и проткнул вилкой все четыре колеса у его «москвича».

Потом немного подумал и выпустил из бачка бензин. В конце концов, он первый начал.

ПОДАРОК

– Значит, вы просите, чтобы я отпустил вас на часок пораньше? – переспросил мой начальник.

– Да, – сказал я. – Видите ли, у жены день рождения, в некотором роде семейное торжество. Надо еще успеть купить подарок...

– Подарок?

Начальник как-то странно посмотрел на меня и разрешил уйти сразу же после обеда.

Купить подарок с непривычки оказалось не так просто. Я долго ходил от прилавка к прилавку, привстав на цыпочки, заглядывал через спины и наконец решил обратиться к продавщице.

– Девушка, – сказал я как можно доверительнее, – что бы вы посоветовали купить для... мм... брюнетки, примерно вашего роста и... столь же стройной, а также... мм...

– Все на прилавке! – нетерпеливо сказала девушка.

– Благодарю вас.

Я лег животом на прилавок, как это делали остальные, и стал медленно продвигаться справа налево. Здесь было, действительно, все – многосемейные пепельницы «лепесток», стеклянные бусы, пластмассовые мыльницы, мраморные гончие и дюралевые брошки «медный всадник». За прилавком стояла двухметровая инкрустированная ваза стоимостью шестьсот рублей, такой же величины ходики и чугунная тройка.

Я выбрал клипсы. Элегантные, маленькие клипсы, знаете, такие – вокруг золото, а в середине рубин. За восемьдесят копеек. Конечно, это не ваза и не чернобурка, но ведь жена много раз говорила, что ей важен не подарок, а внимание. Что если я даже подарю ей простую железную булавку, она все равно будет счастлива.

– Ах, какие они симпатичные! – воскликнула жена, примеряя клипсы. – Милые и современные. И, наверное, немало стоят.

– Кхыгм... – сказал я. – Ну, о чем ты говоришь!

– У тебя тонкий вкус, я не ожидала. Только знаешь, – она вздохнула. – Я не смогу их носить. Жаль, конечно...

Что такое?! Нет, уж позвольте! Если человек впервые за десять лет покупает своей жене подарок, если он ради этого шляется по магазинам, если он идет на обострение отношений с руководителем, то, черт побери, имеет он право потребовать...

– Только не обижайся, – сказала жена. – Они восхитительны. Но к ним нужна сумочка такого же цвета.

– За двенадцать сорок? – угрюмо спросил я.

– Да. Откуда ты знаешь?

Еще бы мне не знать. К этой сумке я в самом начале приценился. Надо было ее и взять. Теперь дело оставалось бы только за клипсами. Пришлось нанять такси и съездить за сумочкой, так как до прихода гостей оставались считанные минуты.

Проклятая сумка никуда не годилась без туфель соответствующей расцветки, туфли потащили за собой... В общем...

– Так вы просите, чтобы я отпустил вас на два часа раньше? – спросил меня в следующую пятницу мой начальник.

– Да, – сказал я. – Видите ли, какое дело. Необходимо...

– Подыскать торшер к новым занавескам? – закончил он.

– Точно, – удивился я. – Как вы догадались?

– Эх, дорогой мой! – прочувствованно сказал начальник.

* * *

Когда через два месяца мы меняли мебель под цвет новых обоев, я окончательно понял, какого дал маху с этими самыми клипсами.

Надо было все-таки купить булавку.

ЧЕЛОВЕК В РЫЖЕМ ПЛАЩЕ

Мы вошли в троллейбус – я и Бобик. То есть вошел, разумеется, я, Бобик сидел у меня за пазухой, высунув наружу нос, блестящий, как шарикоподшипник. Значит, мы вошли и скромно встали в уголок на задней площадке.

– Прелесть собачка, – проворковал добродушный гражданин, потеснившись. – Это он или она?

– Он, – сказал я.

– Где собака? – встрепенулся вдруг пассажир в рыжем плаще. – Ну да! И без намордника!

– Да что вы, – улыбнулся добродушный гражданин. – Зачем намордник такому малышу?

Ведь он же еще щеночек.

– Этот? – нервно подпрыгнул человек в рыжем плаще. – Хха-ха! Ничего себе, щеночек!

Вот откусит он вам ухо или нос, узнаете.

Добродушный гражданин отодвинулся и на всякий случай прикрыл ухо шляпой.

– Кондуктор! – продолжал волноваться человек в рыжем плаще. – В троллейбусе везут собаку! Я требую!.. Собак возить запрещается!..

– Ох, господи! – вздохнула какая-то бабушка. – Леночка, подбери ножи, детка. Собака, слышишь, забегла бешеная.

– И выпускает он кобеля ростом с годовалого телка, – уже рассказывали в другом конце вагона – И говорит, что, дескать, у него четыре диплома и шесть медалей...

– Так и есть, – приносиваясь, сказала кондуктор. – Кто-то везет керосин. Граждане, кто везет керосин? Керосин провозить запрещается!

– Это возмутительно! – взвизгнул человек в рыжем плаще. – В то время, как в троллейбусе находится волкодав, вы замазываете глаза керосином! Я жаловаться буду! Назовите ваш нагрудный номер! Товарищи, у кого есть авторучка!

– Черт знает, что такое! – не выдержал стоявший рядом пожилой товарищ – По мне везите хоть носорога! Но почему он у вас действительно пахнет керосином?

– Кто? – спросил я.

– Волкодав ваш!

– Да что вы! – обиделся я. – Вы понюхайте!

– Нет уж, увольте, – попытился он.

– Ага! – закричал человек в рыжем плаще, оставив в меня палец. – Он еще покажет вам, этот щеночек! А с другого конца вагона катилась отраженная волна:

– Собака укусила!

– Кого?

- Вот этого, в шляпе...
- А мне его медали до лампочки...
- Граждане, кто везет керосин?
- Аа-аа! Она здесь! Здесь!
- Что вы нервничаете? Это моя муфта.
- И, главное, без намордника...
- Сдать его милиционеру.
- Так всю лодыжку и вырвал...
- Граждане, керосин провозить!..

Наконец, эта волна вынесла на гребне крупного мужчину с желтым портфелем под мышкой.

- Этот? – кивнул он на меня.
- Он! – выдохнул рыжий плащ.

– А ну-ка! – сказал мужчина, уверенно расчищая себе плацдарм. – Троллейбус остановить! Так... Вот вы, вы и вы! Помогите мне.

Мобилизованные товарищи дружно взяли меня под руки и переставили на тротуар. Следом за мной вывалился человек в рыжем плаще, и дверь захлопнулась.

- Ну, и чего вы добились? – спросил я. – Вот теперь вместе пойдем пешком.

– Неет, – сказал он. – Я приехал. Как раз моя остановка. – И, распахнув плащ, вытащил большой бидон с керосином. – А песик у вас хороший. Ах ты, пупсик-мопсик! – И он протянул руку, чтобы погладить Бобика.

- О, провокатор! – сказал Бобик и укусил протянутую руку.

ПЕССИМИСТ

Мы встретились утром, на трамвайной остановке. Из-за новых крупнопанельных домов, построенных с опережением графика, всходило желтое, как апельсин, солнце. Трамваи прибывали строго по расписанию. Пахло свежесполитым асфальтом и редиской. Юго-западный ветерок дул со скоростью пять метров в секунду. Температура воздуха в тени была двадцать два градуса с перспективой подняться к полудню до двадцати семи.

- Какое утро! – сказал я. – Обалдеть можно!

- А от чего, по-твоему, в наше время нельзя обалдеть? – спросил он. – Ну, назови.

Я поискал глазами поблизости какое-нибудь подходящее явление, ничего не нашел и растерянно заморгал.

– Вот видишь, – злорадно сказал он. – И не найдешь. Например, ты думаешь, что сейчас тихо? Ничего подобного. Слава богу, человеческое ухо способно воспринимать только определенный диапазон звуков. Если бы мы могли услышать все, наши головы разлетелись бы в пыль. Вокруг нас грохот, визг, трамтарарам. Просто кошмар! Человеку это не под силу. Все мы кандидаты в сумасшедшие.

– Что же делать? – спросил я, с тревогой обнаруживая, что начинаю воспринимать отдаленный стрекот компрессора, электровозные гудки и передаваемый по радио урок гимнастики.

Он пожал плечами с таким видом, будто хотел сказать: «А что делать? Делать нечего. Один выход – ложись да помирай».

...За обедом он подошел ко мне с бутылкой кефира в руке и брезгливо окинул взглядом стол. Я спешно прикрыл салфеткой свиной бифштекс с яйцом и зеленым луком.

– Мы ежеминутно играем со смертью, – сказал он, взбалтывая кефир. – Мы просто занимаемся медленным самоубийством, обедая каждый день. Недоваренная и тем более сырая пища плохо усваивается желудком. Очень вредны яйца, если их есть со скорлупой. Фрукты и овощи, вымоченные в растворе сулемы, могут убить на месте. Я просто удивляюсь, как мы до сих пор живы...

Вечером он позвонил мне по телефону:

– Ну, чем занимаешься?

– Да так, – сказал я, – лежу вот с книжечкой на диване.

– У тебя еще хватает мужества лежать на диване? – сказал он. – В то время, как...

Я бросил трубку и остаток вечера простоял босиком на раскаленной электроплитке. А утром повесил на шею две пудовые гири, обсыпал голову содержимым пепельницы и в таком виде отправился на работу.

И снова повстречал его на трамвайной остановке...

– Между прочим, – сказал он, заметив у меня во рту сигарету, – если вдыхать табачный дым, перемешанный с выхлопным газом, ипритом и люизитом...

Я молча опустил на колени и положил голову на прохладную рельсу.

... Кажется, трамвай пришел точно по расписанию.

СЛАГАЕМЫЕ И СУММА

В трамвае было тесно.

– На следующей? – спросил он и довольно чувствительно ткнул меня согнутым пальцем в спину.

Я начал пробиваться к выходу.

– Разрешите! – говорил я.

– Виноват!

– Посторонитесь!

– Извиняюсь!

– Позвольте!

Он не говорил ничего. Он неотступно следовал за мной, дышал в затылок и монотонно простукивал спину – этим острым, нетерпеливым, отвратительным пальцем.

Один раз он нанес мне даже запрещенный удар. В боксе за это судят. Но я стерпел.

«Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть», – считал я, медленно приходя в бешенство.

Перед выходом он разволновался просто до безобразия. Стучать прекратил, но зато положил мне на шею кулак и стал руководить моим движением, нажимая при этом так, что при выходе мне не понадобилось специально наклонять головы.

Я мужественно засчитал это давление всего за четыре толчка. Итого их получилось сорок восемь.

На тротуаре я распрямил, наконец, плечи и нанес ему удар в солнечное сплетение. Только один. Но в сорок восемь раз сильнее.

ПЕРЕКУР

– Заглянем в ювелирный, – предложила мне жена. – Все равно ведь нам по дороге.

– Жалко бросать, – кивнул я на сигарету. – Только что закурил.

– Ну, так подожди меня на улице, я на минутку.

Я докурив сигарету. Рядом с магазином стояла мусорница. Что-то она мне не понравилась. Я дошел до следующей, на углу. Бросил в нее окурок и вернулся обратно. Потом съел две порции мороженого. Снова закурил.

В этот день я надел новые туфли, и они давили мне ноги.

Я постелил на ступеньку магазина газету и сел.

– Дяденька, вам нехорошо? – спросила меня какая-то девочка.

– Спасибо, – сказал я. – Теперь уже лучше.

... Разбудил меня дружинник.

– Гражданин, – вежливо сказал он. – Здесь вам не спальня! В отделение захотели?!

Я извинился и угостил его сигаретой. Сам тоже закурил и стал рассматривать витрины. Витрины были богатые. Золотые часы, цепочки, кольца, браслеты. И все это добро лежало

почти на улице, за одним тонким стеклом. А окно, между прочим, такое, что свободно можно въехать на автомобиле. Я даже примерился – смогу ли пройти в него, не нагибая головы.

И увидел рядом с собой милиционера.

– Что, красиво? – сочувственно спросил он.

– Мгу, – промычал я.

– Ну, давай, давай! – сказал милиционер, глядя в сторону. – Проходи, не задерживайся.

Я перешел на другую сторону улицы и начал считать машины. Я подсчитал, что туда прошло 1350 штук, а обратно 2090. Это оказалось работой нелегкой, и я решил, что буду считать только те, на которых есть плакаты: «Многих случаев с детьми могло не быть».

По той стороне улицы прогуливался мой приятель Миша Побойник. Увидел меня и помахал рукой. Я тоже помахал: дескать, иди лучше ты сюда.

– Привет! – заорал Миша с середины дороги. – Что, свидание под часами?! С той блондиночкой, да?!

– С женой, – сказал я.

– Заливай! – расхохотался Миша.

– Да нет, честное слово.

– Разогни! – веселился Миша, протягивая мне согнутый палец.

Я понял, что мне его не переубедить, и спросил:

– А ты куда? – Миша шел в кино. – Слушай! – обрадовался я. – Купи мне на обратной дороге сигарет, а то у меня все вышли.

– Ладно, – сказал Миша – Привет блондинке.

...Миша принес мне сигареты. Мы закурили. Поговорили про футбол и рыбалку. Потом он в лицах рассказал мне фильм и пошел ужинать. А я снова закурил.

– Ну вот, – сказала жена, выходя из магазина. – Правда, ведь я быстро? Ты и сигарету не успел докурить!

ВЫХОД

Мы столкнулись нос к носу на довольно широкой улице.

Я шагнул вправо, уступая ему дорогу. Он тоже шагнул вправо.

– Извините, – сказал я и шагнул влево.

– Виноват, – пробормотал он и потеснился влево. Лучше всего в подобных случаях сразу повернуться и пойти обратно. Квартала через два можно перебраться на другую сторону улицы. И если тому субъекту не придет в голову проделать такой же маневр, все будет в порядке.

Но я торопился. Он, видимо, тоже.

– Простите, – сказал он, пытаясь обойти меня справа.

Я шагнул вправо и понял, что это надолго. Я подался влево. Он – тоже. Я шагнул вправо и стукнулся лбом о его подбородок.

Вокруг начали собираться любопытные. Мы, нежно обнявшись за плечи, топтались посреди улицы. Случайно я увидел его глаза. В них была растерянность и безысходность. С такими глазами уже ничего не придумаешь.

Толпа зевак запрудила перекресток. Гудели машины. Звенели трамваи. Назревала катастрофа.

Наконец подошел милиционер, оштрафовал нас и развел, как дуэлянтов, в разные стороны.

Пробка рассосалась. Улица приняла свой первоначальный вид. На всякий случай я подождал еще несколько минут и двинулся вперед.

И тут заметил, что он идет мне навстречу. Глаза его горели остаточным магнетизмом. Мы начали медленно сближаться. Спасения не было.

Судорожно вздохнув, я полез на осветительную опору...

Рассказы из сборника

странные люди

1966 г.

ШИЛО НА МЫЛО

– Стой! – сказал вахтер. – Что в мешке несешь?

– Мыло, – сознался я.

– Тогда ничего, – помягчел вахтер. – Ступай с богом. Вот если бы шило...

– Что вы! – сказал я. – Разве мы не понимаем. Шило в мешке не утаишь.

– От меня, дорогой товарищ, и мыло не утаишь, – сказал вахтер. – Но только я за это не переживаю. Раз у тебя мыло, иди спокойно. Мыла мне не жалко. У нас тут никому мыла не жалко. Потому, мыло у нас – предмет производства. Мы его вырабатываем. Но если ты, к примеру, в другой раз шило попрешь, я тебе спуска не дам. Потому, шило у нас дефицит. Оно у нас средство производства. А мыло носи на здоровье. Хочешь, с хлебом его ешь, хочешь, так кушай. Я вышел из проходной, свернул за угол. Здесь меня дождался знакомый парень.

– Ну, как? – спросил он.

– Есть такое дело, – сказал я. – А у тебя?

– Порядок! – мигнул он.

И мы сменяли шило на мыло.

– Интересно, как тебе удается? – сказал я. – Такой дефицит.

– Шило-то? – спросил он. – Да господи! Кто у нас их считает. Собственная же продукция. Хоть возом вези. Вот с мылом у нас, действительно, строго...

ТОНNELЬ

В нашем городе построили подземный переход. Построили его в самом гротовом и неблагополучном, с точки зрения дорожных происшествий, месте. На этом участке каждую минуту проходило двадцать четыре груженных самосвала в одну сторону и двадцать четыре порожних – в обратную. Шли также автобусы и троллейбусы, легковые автомашины и мотоциклы. Проскакивали, кроме того, панелевозы, подъемные краны и легкие колесные тракторы марки «Беларусь».

В общем, место было определено бесспорное. И неудивительно, что в день открытия тоннеля все газеты опубликовали короткие сообщения, а главный архитектор города и начальник местного ОРУДа выступали по радио. Сначала главный архитектор доложил про конструктивные особенности и внешнюю отделку перехода, а потом начальник ОРУДа долго развивал версии о значении его для безопасности движения. Он даже высказал уверенность, что статистика наездов автомобилей на пешеходов круто пойдет вниз. Правда, какова эта статистика, начальник не сказал, но любители утверждали, что давят на проклятом участке каждый божий день.

Тоннель открылся вечером, а на следующее утро возле него объявились первые пешеходы. Они подходили, осматривали бетонный парапет, некоторые даже спускались по ступенькам и нерешительно заглядывали внутрь. Но затем вылезали обратно и шли через дорогу старым путем.

До самого вечера над переходом скрежетали тормоза и рассыпалась нервная шоферская матерщина. За весь день только один молодой человек спустился в тоннель. Он прошел его насквозь, постоял на той стороне и опять нырнул под землю. Выбравшись на прежнее место, молодой человек пожал плечами и отважно ринулся в узкую брешь между бензовозом и троллейбусом.

То же самое повторилось на второй, третий, четвертый и пятый день. Переход стоял или, будем говорить, залегал мертвым капиталом. На ступеньках его оседала пыль и копились окурки.

Иногда к переходу подъезжал сам председатель райисполкома. Он гулял по тротуару и печально гладил облицовочную плитку парапета.

Так и пустовал тоннель, пока внутри сама по себе не начала осыпаться штукатурка и не выщербился почему то цементный пол Тогда под землей организовали ремонтные работы, а наверху укрепили табличку:

Спускаться в тоннель воспрещается.

Штраф 50 коп.

Первый пешеход, которого задержал внизу бригадир штукатуров, рванув на груди рубашку, крикнул.

– Значит, пусть меня давит, так?! Пусть калечит, да?!

– Куда ж я теперь, с дитем? – всхлипнула подоспевшая следом за ним мамаша.

А сзади уже колыхались и наседали не желающие быть задавленными.

– Вот, значит, как! – злорадно сказал некий, возвышающийся над остальными, гражданин. – Значит, и по земле нельзя, и под землей нельзя! Рабочему человеку, выходит, ступить негде!

– Да что с ним разговаривать! – взвизгнули где-то у входа.

В следующий момент жидкий заслон из ремонтников был опрокинут, и толпа пешеходов потекла через тоннель.

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

Мы узнали о поразительном качестве Левандовского случайно. Ждали на остановке троллейбус.

– Эх, тюха-матюха! – хлопнул себя по лбу Левандовский.

– Мне же носки купить надо! Вы не уезжайте, я мигом.

И он нырнул в промтоварный магазин.

Вышел оттуда Левандовский через три минуты, сладко жмурясь и покачиваясь.

Маралевич потянул носом и тихо сказал мне-

– Странно. По-моему, он клюкнул, а ну, понюхай.

Я принял: так и есть.

До вечера мы ломали головы над этой загадкой – в промтоварах никому еще выпить не удавалось. Потом не выдержали, поехали в магазин и произвели разведку.

Ничего. Заведение как заведение. Ткани, галантерея трикотаж. Никакой гастрономии, никаких соков.

– А может, директор знакомый? – сказал Маралевич. – Заскочил к нему в кабинет, опрокинул пару стаканов.

Так мы и решили.

Однако на другой день у Левандовского были гости – тесть и теща. Сидели, играли в подкидного дурака, пили чай с малиновым вареньем.

– Веня, – сказала жена. – Достань мне душегрейку.

Трезвый, как стеклышко, Левандовский полез на антресоль за душегрейкой. Там он поколдовал некоторое время, а спускаясь обратно, вдруг оступился и отдал подстраховывающему его тестю ухо.

Потом упал весь, повесился на шее у тестя и забормотал:

– Папаша! За что я вас так безумно люблю?!

У тестя случился припадок астмы.

А за Левандовским установили наблюдение. Дома – родственники, на работе – сослуживцы.

Но все было тщетно.

Допустим, они с женой садились в автобус. Жена по праву слабого пола шла в переднюю дверь. Левандовский – ни в одном глазу – в заднюю. Когда они встречались в середине автобуса, он бывал уже хорош.

На службе Левандовский неожиданно говорил:

– Ой, что-то живот схватило!

И сворачивал под литер «М».

При этом ожидавшие его сотрудники определенно знали: выйдет оттуда Левандовский ни бе ни ме.

И был даже такой случай На улице у Левандовского развязался шнурок.

– Подожди, я только завяжу, – сказал он товарищу.

Когда Левандовский разогнулся, его пришлось сдать в вырезвитель.

Наконец жена пошла на крайность. Однажды она заперла Левандовского в пустой квартире. Причем по случаю ремонта вещи и обстановка из комнат были перенесены к соседям, а там оставалось только ведро с известкой, две малярные кисти и четырнадцать килограммов метлахской плитки.

Через полтора часа я позвонил Левандовскому,

– Что поделываешь, старик? – спросил я.

– Ваводя! – закричал он. – Ува-бу-бу!..

– Готов! – сообщил я Левандовской и повесил трубку.

После такого невероятного события Левандовским заинтересовалась общественность. Местное отделение Академии наук выделило специальную комиссию в составе одного профессора, двух кандидатов наук и четырех младших научных сотрудников.

Ученые с целью развеять миф вокруг Левандовского присмотрели на молодом Обском море удаленный островок. Островок, как полагается, сначала был проревизован на предмет необитаемости, а потом туда отвезли исследуемого. С ним отгрузили: восемь банок консервов «Лосось», мешок сухарей, байковое одеяло и две пары китайских подштанников – на всякий случай и на похолодание.

Вслед за этим на море ударил шторм девять баллов. Так что добраться к островку было невозможно. Кроме того, расставленные по берегам пикеты тщательно просматривали окрестности в бинокль.

Шторм бушевал трое суток. Лишь только он стих, катер с экспедицией направился к острову. Когда один из младших научных сотрудников, засучив штаны, собрался прыгнуть в воду, чтобы принять чалку, из кустов донеслась разудалая песня:

Скакал казак через долину!..

И навстречу изумленным членам комиссии вышел пьяный в дым Левандовский.

Видя такое дело, профессор, неоднократный лауреат различных премий, развел руками и сказал:

– Наука здесь бессильна.

Но тамошний бакенщик дядя Федя, промышлявший самогоном для личных нужд, напротив, высказал предположение, что на острове растет винный корень.

Целый месяц дядя Федя с двумя сынами допризывного возраста вел на острове раскопки. Но корня так и не обнаружил. Тогда он выругался, сказав: «Свинья везде грязи найдет», – и засеял всю территорию картошкой.

КАК Я СТАЛ ПОЭТОМ

– И все стихотворения? – спросил редактор, прищурившись на рукопись.

– Есть и поэмы, – сказал я.

– М-да, – редактор взвесил папку на ладони. – Килограмма четыре?

– Пять двести, – уточнил я.

– Здоровье, однако, требуется, – вздохнул он.

– На здоровье не жалуемся, – ухмыльнулся я.

– Это заметно, – грустно сказал редактор. Он вытянул страничку из середины рукописи и углубился в чтение...

Потом достал вторую. Потом третью...

– Что ж, – сказал редактор. – В общем, стихи. Гладкие и... как говорится, соответствующие. Налицо и рифмы, и содержание. Но, если откровенно, никакие это, конечно, не стихи. И вы никакой не поэт. Извините, но с вашими данными я бы занялся чем-нибудь другим.

– Чем же? – повесил голову я.

– Ну... классической борьбой, например, – сказал он.

– Вы думаете, получится? – спросил я.

– Уверен, – сказал редактор. Он вышел из-за стола и попросил меня согнуть руку. Я согнул.

Редактор осторожно потрогал пальцем бицепс и даже зажмурился.

– Больше чем уверен, – сказал он. – У вас редкий талант.

В тот же день я купил две трехпудовые гири и начал тренироваться. А скоро записался в секцию. Тренер после первого знакомства стал, здороваясь, протягивать мне две руки, сложенные вместе. Он тоже подтвердил присутствие у меня редкого таланта. Особенно после того, как я надолго вывел из строя трех сильнейших перворазрядников и одного мастера. Правда, я вывел их не по правилам, что несколько огорчило моего учителя.

– Ну, ничего, дарагой, – сказал он. – Техника – это дело наживное. Сегодня нэт, завтра нэт, послезавтра есть.

Мало-помалу я действительно ею обзавелся. И с тех пор не знал поражений. Всех противников я клал исключительно на лопатки.

Всякие там «очки» – это существовало не для меня. В газетах так и писали: «Его стиль – только на лопатки».

И наконец пришел день, когда я победил неоднократного чемпиона и призера, знаменитого и прославленного Подбаабобова. Я победил его очень убедительно, За три секунды. С ковра он вставал потом восемь минут. Но все было по правилам.

Меня тут же окружили корреспонденты.

– Как вам удалось добиться такого успеха? – спросил один.

– Это не моя победа, – ответил я. – Это победа моего любимого тренера Шоты Отариевича. Это достижение моих друзей-одноклубников и всей спортивной общественности. А я здесь ни при чем.

Корреспондент удовлетворенно кивнул и стал записывать мои слова в блокнот

– Говорят, вы серьезно увлекаетесь поэзией? – спросил другой и сунул мне под нос микрофон. – Прочтите одно из ваших стихотворений.

Я выбрал, которое покороче, и прочел.

Все захлопали.

А корреспондент отнял у меня микрофон и быстро сказал в него.

– Что же, пожелаем нашему чемпиону таких же блистательных успехов на тернистом пути литератора, как и на спортивной арене!

На следующий день все газеты вышли с отчетом о соревнованиях. Отчеты были оживлены выдержками из моих стихотворений и назывались по-разному: «Побеждает мужество, помогает поэзия», «Второе призвание чемпиона». Один заголовок мне особенно понравился – «И муза на лопатках!».

После обеда позвонили из журнала.

– От имени редколлегии поздравляю с важной победой! – сказал приятный голос. – Мы тут решили в ближайшем номере поместить две ваши поэмы. Не возражаете, если их будет открывать та фотография, где вы стоите на пьедестале почета?

– Валяйте, – разрешил я.

Затем стихами заинтересовались студия телевидения, издательство художественной литературы и Дом народного творчества. Причем с телестудии звонила какая-то бойкая

девушка, которая сказала, что «все это – собачье мясо! – будет выглядеть потрясающе! Поэзия борьбы и – чтоб мне сдохнуть! – борьба поэзии!»

Но всех обошел тот знакомый редактор. Он напечатал в своей газете большую подборку моих стихов с добрым напутствием одного судьи всесоюзной категории.

Мне захотелось поблагодарить этого, так много сделавшего для меня человека. Тем более и Шота Отариевич сказал:

– Сходи, дарагой. Большой свиньей будешь, если не зайдешь. И я пошел в редакцию.

Но благодетеля своего не застал. Вместо него за столом сидел маленький рыжий человек.

– Вы новый редактор? – нерешительно спросил я.

– Сам его жду, – сказал человек. – С утра караулю. Стихи вот принес.

– Хм... Разрешите взглянуть. Стихи были, в общем, ничего. Как две капли воды похожи на мои.

– Н-да, – сказал я. – Ну, а что-нибудь еще вы можете делать? Выжимать штангу? Боксировать?

– Что вы! – испугался человек и посмотрел на свои руки. Я тоже посмотрел.

Руки были тонюсенькие, как две макаронины. Только-только удержать ложку.

– В таком случае, плохо ваше дело, – сказал я. – Мало надежд. Очень мало. Неужели совсем ничего не умеете?

– Ну, разве вот это, – рыжий активно зашевелил ушами.

– Хорошо! – одобрил я. – Но недостаточно.

– Я вообще-то кандидат наук, – подумав, сказал он.

– Господи! Так сделайте какое-нибудь открытие!

– Трудно! – вздохнул рыжий.

– Тогда усиленно тренируйтесь... По линии ушей, – посоветовал я.

– А без этого нельзя? – с тоской спросил он.

– Бесплезно, товарищ! – сказал я. – Уж поверьте моему опыту.

ПРЯМО И НАПРАВО

В автобус, кряхтя и охая, влез немолодой тучный человек. Ему уступили место на переднем сиденье. Человек подвигал тазом, устраиваясь поудобнее, затих и поднял глаза на своего долговязого спутника.

– Садись, Моня, – пригласил он его.

– Ладно, постою, – скромно ответил путник.

– У тебя же ноги больные, – сказал толстый.

– Больные, – подтвердил Моня. – А что делать? Мест нет.

– Ну, садись ко мне на колени, – сказал толстый.

– Ну что вы, что вы! – вспыхнула сидящая рядом с толстым женщина и быстро поднялась. Моня сел. Помолчали.

– Тяжелый у тебя портфель, – страдальчески сказал толстый.

– Тяжелый, – откликнулся Моня.

– Все руки отмотает, – вздохнул толстый, – ты бы его поставил.

– А куда? – спросил Моня, оглядываясь. – Некуда приткнуться.

– Ну, давай мне.

– У вас свой не легче, – засопровтивлялся Моня.

– Ничего. Я двужилый, – печально улыбнулся толстый.

Справа от Мони вскочили сразу двое: девушка и молодой человек.

– Вы садитесь, – сказал девушке толстый. – Хватит и одного места. Мы их друг на друга положим, Но девушка больше не села.

Некоторое время ехали молча. Потом толстый забеспокоился.

– Моня! – громко сказал он. – В какой это автобус мы сели?

- В шестой номер, – ответил Моня.
- Значит, он пойдет прямо?
- Прямо, – сказал Моня.
- И направо не свернет?
- Не свернет.
- Что же делать, Моня? – убитым голосом сказал толстый. – Там ведь еще целый километр. Разве я дойду?
- Не дойдете, – сказал Моня. – Но я вас не брошу. Донесу на руках.
- Моня! – растроганно воскликнул толстый. – У тебя же больные ноги.
- Больные, – согласился Моня. – А я с передышками.
- Граждане пассажиры! – не выдержала кондуктор (она уже давно прислушивалась к этому разговору). – Не будет возражающих, если автобус временно свернет направо? Тут каких-то три минуты.
- То есть, вообще... конечно, – растерянно сказал пожилой товарищ в очках и берете, – но я вот, к примеру, опаздываю на работу,
- Как не стыдно! – зашумели пассажиры.
- Вставать надо пораньше!
- Несознательность!..
- ...И автобус повернул направо.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА «ИНОСТРАНЦА»

- Мишу Побойника я встретил на второй день после возвращения.
- Привет, иностранец! – обрадовался Побойник. – Сенькю, вери матч! Хорош ты гусь – заявился и в кусты! А кто будет впечатлениями делиться, а? Пушкин?
 - Да какие там, впечатления, – попробовал отговориться я. – Курица, говорят, не птица, а Болгария не заграница.
 - Ты это брось, – сказал Миша. – Был в Европе? Был. И все. Имей в виду, я с тебя не слезу, пока обо всем не расскажешь. Лучше говори, когда придешь. Давай сегодня.
 - Сегодня не могу, – замотал головой я. – Сегодня мы у тещи.
 - Тогда завтра, – предложил Миша. – Завтра у нас пельмешки сибирские. Ты, поди уж забыл, с чем их едят.
- Я вынул записную книжку, полистал и вздохнул:
- Не выйдет завтра.
 - Стыдись! – возмутился Миша, отнимая у меня книжку. – Забюрократился там, в Европах! К друзьям по расписанию ходишь...
- В общем, мы сговорились на послезавтра.
- Черт с тобой! – сказал Миша. – Перенесу пельмешки! На другой день Миша позвонил мне по телефону.
 - Ну, порядок! – оживленно закричал он. – Все на мази. Придут Левандовский с женой и дядя Браля. Помнишь дядю Бралю? Да знаешь ты его – он еще шапку мне переделывал.
 - Дядя Браля, дядя Браля! – забормотал я. – А-а-а! Ну, как же!.. Дядя Браля...
 - Ты знаешь дядю Бралю? – повесив трубку, спросил я у жены. – Он переделывал Мишке шапку.
 - Понятия не имею, – пожала плечами жена. Вечером Миша позвонил снова.
 - Рассказал про тебя шефу, – захлебываясь от возбуждения, доложил он. – Веришь, нет, аж затрясся человек. Без меня, говорит, не начинайте. Чувствуешь, как цена на тебя растет. Смотри, не подкачай. Подготовься вечером поработать.
- Я забеспокоился.
- Разложил на столе проспекты, путеводители, открытки – решил кое-что освежить в памяти. Повторил про себя несколько габровских анекдотов – вернуть к слову.

– Ты им про Тырново расскажи, – посоветовала жена. – Как мы с бразильским ансамблем встречались.

– Вот спасибо! – обрадовался я. – Совсем из головы выскочило. А может, еще про комбинат «Плиска». Дегустация и все такое.

– Про дегустацию, пожалуй, не стоит, – выразила сомнение жена. – Освети лучше жилищное строительство. Этот Мишин начальник – он ведь с чем-то таким связан.

– Да-да, – согласился я. – Конечно, про жилищное строительство. Как это я раньше не подумал!

Короче, шли мы к Побойнику основательно подготовленными.

– Витоша, на здраве, кибрит, – бормотал я, сжимая в кармане тезисы. – Рильский монастырь, Провадия, ракия гроздова, ракия сливова...

Миша преподнес меня гостям торжественно, как бутылку шампанского.

– Вот! – произнес он, бомбардируя окружающее пространство квантами жизнерадостности. – Вот наш иностранец! Прошу любить и жаловать!

– Бдымов, – сказал Мишин начальник, пожимая мне руку.

Дядя Браля вместо приветствия пошевелил складками на затылке – он был занят телевизором.

Миша решительно согнал всех к столу и обратился ко мне;

– Ну, что, сразу начнешь делиться или сначала закусим?

– Э-э-э, – начал было я и нечаянно взглянул на дядю Бралю.

Дядя Браля весь набряк от нетерпения. Желудочные соки его, клокоча, подступали к красной черте. Опасаясь, что он взорвется, я сказал:

– Давайте закусим.

– Со знакомством, – торопливо прохрипел дядя Браля, опрокинул рюмку и припал к винегрету.

– Ну, давай, теперь выкладывай. «У любви, как у пташки, крылья!» – надсаживался телевизор.

– Не помешает? – кивнул Миша. – А то, может, прикрутим?

– Ммм, – я украдкой огляделся.

Волосатое ухо подобрешшего дядя Брали сторожко пасло телевизор.

– Ничего, – сказал я. – Обойдемся.

– Значит, поездил? – спросил Миша. – Понасмотрелся. Ну, и как там... погода?

– Погода там нельзя сказать, чтобы... – начал я.

– А здесь – просто удивительно, что творилось, – сказал Миша. – Ну Крым и Крым.

– До половины октября в пиджаках ходили, – поддержал его Бдымов.

– Точно. До половины, – сказал Миша. – Восемнадцать градусов в тени. Думали уж – совсем зимы не будет.

– Я в Гагры собирался, – наклонился ко мне Бдымов. – И вдруг по радио слышу – в Гаграх похолодание. В Гаграх! Представляете? Вот вам игра природы!

– Выходит, погода там хреновая, – подвел итог Миша. – Зато фруктов, наверное, поели?

– Да уж фруктов, само собой, – встрепенулся я. – Уж фруктов...

– А нас здесь виноградом завалили, – сказал Миша, взглядом приглашая окружающих подтвердить. – Просто наводнение виноградное. Ходили по нему, можно сказать.

– Я в Гагры собрался, – толкнул меня в бок Бдымов. – Думаю: а леший с ним, с похолоданием – хоть на фрукты попаду. Когда гляжу, – а здесь и виноград, и груши...

– Во груши! – показал Миша, сложив вместе два десятикилограммовых кулака. – Рубль двадцать за кило. А виноград – пятьдесят копеек.

– Двадцать пять, – сказала Мишина жена.

– По двадцать пять не было, – возразил Миша.

– Вот не люблю, когда не знаешь, а суешься спорить, – взвинтилась Мишина жена. – Если я сама покупала. Возле рыбного магазина. Можем сейчас пойти к рыбному и спросить. Там продавщица – свидетельница.

В это время пришли Левандовские. Левандовский долго снимал в коридоре боты «Прощай, молодость», было слышно, как жена шипит на него:

– Ты можешь хотя бы за стенку держаться, горе луковое?

Наконец, Левандовский снял боты и вошел.

– Ну, Степа, – сказал он мне, – давай все сначала.

– погоди! – решительно остановил Левандовского Миша. – Лучше скажи – почему осенью виноград брал?

– Нашли у кого спрашивать! – презрительно фыркнула Левандовская. – Он не знает даже, почему хлеб кушает.

– Верно, – согласился Левандовский, обезоруживающе улыбаясь. – Я не знаю, почему кушаю хлеб.

– Вот почему водку жрет – это он знает!

– Ага, – сказал Левандовский и поднял на жену влюбленные глаза.

Дядя Браля, видимо, желая переменить тему, вдруг подмигнул мне и запел:

Летят у-utki,

И-и два гу-уся!..

Через полчаса мы уходили. Миша Побойник, помогая нам одеваться, говорил: – Спасибо, старик! Спасибо, что свиньей не оказался – пришел, порассказывал! Завидую тебе, конечно. Молодец ты! Просто молодец!

Бдымов, приобняв меня за плечи, сказал:

– Теперь будем друзьями! Будем знакомыми. Не обижай нас.

Меня лично. Рад буду. В любое время.

А дядя Браля искренне даванул мне руку.

ЧЕТВЕРТЫЙ

В изюбринской коммунальной бане сидели на полке три голых человека, стегались березовыми вениками и вели малосодержательный банный разговор.

– Ух, берет! – повизгивал Первый, охаживая себя по спине, по бокам, по голяшкам и по всему прочему. – Ах, пронимает! Ой, еще, еще, еще! Эх, жги – не жалей, три месяца в бане не был!!!

– Очередя? – спросил Второй. Первый опустил веник.

– Ванная! – сказал он. – Ванная! Вкривь ее, вкось и поперек! Веришь, нет, сколько в ней ни сижу, не берет. Только зудюсь потом, прости ты меня, будто вшивый кобель. Вот так третий год и маюсь – как новую квартиру получил.

– Это точно! – поддакнул Третий. – Это как пить! У меня у самого этой ванной, можно сказать, по половинке на нос. На меня да на жену, не считая тещу. Хоть залейся! И что ты думаешь? Как суббота – я в баню. Душа просит. Да еще если веничек – молодой, березовый! Да сам их наломаешь, напасешь. Что ты!.. Ну-ка, товарищ, прогуляйся мне вдоль поясницы – не достаю!

Второй взял у Третьего веник и прогулялся. При этом он сказал: – Ванная против парной не может стоять. Ни в каком разрезе. Ты говоришь, третий год маешься? – повернулся он к Первому. – А я – пятый. Не могу и все! Хоть режь меня, хоть ешь меня!

Тут Второй подмигнул, хотя среди пара и мелькания веников этого никто не заметил, и добавил в порядке шутки:

– Зачем только их строят, ванны? Лучше бы пивные!

– Гы-гы! – гулко засмеялся в полоч Третий.

А сбоку, возле перил, сидел еще один голый человек. Он сидел, помахивал веником и молчал. Не встречал в разговор. Только слушал.

Потом Четвертый встал, ополоснулся, вышел, надел в раздевалке каракулевую папаху, сел в машину и укатил.

Приехав на работу, он велел секретарше никого к нему не пускать и быстренько набросал проект решения: а) сократить на одну треть объем жилищного строительства; б) освободившиеся средства бросить на сооружение пяти новых бань; в) усилить охрану зеленых насаждений в пригородной зоне. А на другой день Четвертый собрал подчиненных.

– Ну как, товарищи, – спросил он. – В баньку ходим?

Подчиненные смолчали.

– Не ходим, – отметил Четвертый.

– Так. Другие какие места посещаем? Общаемся с народом?

Подчиненные заерзали.

– Не общаемся, – усмехнувшись, констатировал Четвертый.

– А надо посещать. Прислушиваться надо к народу. Проникать в жизнь. В самую середку.

Так-то.

Вскоре проект решения был утвержден.

Спустя неделю Первый, Второй и Третий встретились возле киоска «Соки-воды».

– Здорово, – сказал Второй, – холоднячка пропустим?

– Ага, – ответил Первый. – В ванне нагрелся. После ванной, знаешь, хорошо.

– Чего же не в бане? – спросил Третий,

– Тю! – сказал Второй. – В баню разок в два месяца хорошо.

Ну – в месяц. Кости пожечь. А ванная под боком. Пришел с работы, скинул штаны – и ныряй. Хоть каждый день. Не-ет! Баня против ванной не стоит. Ни в каком разрезе!

Тут Второй подмигнул, что на этот раз все заметили, и добавил в порядке шутки:

– И зачем только их строят, бани? Лучше бы пивные!

– Гы-гы! – засмеялся Третий.

ФАКТОР

Проклятое у меня свойство: все считать. Другой скажет:

– В субботу у Клюшкиных собирались. Народу пришло!.. Плюнуть некуда. Водки набрали – обалдеть можно! В общем, дали разгону! Брр... Вспомнить жутко!

А я доложу совершенно точно:

– В субботу у Клюшкиных было двадцать три человека. Водки закупили девять бутылок, коньяка – пять, кориандровой – три, вермута – одну. Сбрасывались по восемь рублей. Иван Петрович выпил две рюмочки и закусил огурчиком – недоиспользовал семь двадцать. Эрик Кондратьевич выпил две с половиной бутылки, съел полгуса и кило польской колбасы – всего на четырнадцать семьдесят. Однако впоследствии его увезли в вытрезвитель, где он потерпел на десять рублей. Степа уложился в рамки, но стукнулся о холодильник и выбил золотой зуб стоимостью сорок рублей.

Вот такой я человек.

Но меня поправляют. Здесь, говорят, важнее другая сторона – моральная.

Может быть. Допускаю. Только у меня такой характер. Ничего поделаться не могу.

Мне говорят:

– Посадим картошку?

Я тут же прикидываю. Килограмм картошки стоит шесть копеек. Бросаю полкило на день, множу на шесть, округляю, получаю одиннадцать рублей. Подвожу черту, считаю другой вариант: за семена – трешка, за землю – полтора, два дня на прополку, один на уборку – без содержания. Стало быть, еще двенадцать. Шоферу – в лапу, помощникам – магарыч. Плюс за тару, плюс праздник урожая.

Складываю, множу, извлекаю корень – себестоимость.

– Ой, – говорю, – родные и знакомые! Не стоит овчинка выделки.

– Вот какой ты дурак! – отвечают мне. – Зато своя. Своя вкуснее.

Идет совещание. Главный архитектор говорит:

– Вот здесь построим новый массив. На этой господствующей высоте. Кругом хорошо видно и ветром обдувает. Кроме того, от города далеко, детишек башенными кранами не подавим. Достаю блокнот, начинаю считать.

Двенадцать километров водопровода, двенадцать километров газопровода, двенадцать километров телефонного кабеля. Затем трамвай, потом автобус. Ну и прочие мелочи: бетонная автострада, два моста и одна железнодорожная ветка.

Складываю, перемножаю, получаю круглую сумму.

Сообщаю свое мнение: дескать, так и так – кругом невыгодно.

– Вот, – говорят, – умный ты человек, а проявляешь, мягко говоря, недопонимание. Фактор не учитываешь.

– Какой фактор? – спрашиваю.

– А такой. На месте бывших пустырей и буераков здесь засияют веселыми огнями красавцы-дома.

– А-а-а, – говорю я.

Вот такое проклятое у меня свойство. Не знаю, как от него избавиться. Пока решил воздерживаться. Не лезть со своими плюсами-минусами.

Мне говорят:

– Пойдем, строим.

А я молчу. Мне говорят:

– Давай построим.

А я молчу.

Мне говорят:

– А ну, догоним! А я молчу.

На всякий случай. Вдруг опять какой-нибудь фактор не учесть.

СЛУШАЙТЕ НАС ЕЖЕДНЕВНО

Только я устроился на тахте в руках с журналом «Для дома, для быта», как знакомый женский голос из радиоприемника сказал:

«Начинаем передачу «Это вам, романтики!» И знакомый баритон мягко и вместе с тем тревожно запел:

Романтика!

Сколько славных дорог впереди...

Тахта подо мной неуютно заскрипела. Я встал и прошелся по комнате: от окна к двери и обратно.

За окном ТУ-104 аккуратно прострочил голубое небо белой ниткой.

Под крылом самолета

О чем-то поет

Зеленое море тайги,

– прокомментировал этот факт баритон. Под крылом самолета, а вернее, под расплывшейся строчкой, ни о чем не пели чахлые тополя, магазин «Бакалея-гастрономия» и районный штаб народной дружины по охране общественного порядка. Я вздохнул и отвернулся.

Ко мне на вокзал

Не приходит жена,

– пожаловался баритон. «Ха-ха! Радоваться надо! – мысленно сказал я. – Приди она на вокзал, ты бы далеко не упрыгал! Будь уверен!..» Я прикрутил радио и вышел за сигаретами. Когда я вернулся, жена была уже дома.

– Тише! – сказала она и кивнула на радио. – Очень интересная передача – «Для тех, кто в пути».

*Я уехала в знойные степи,
Ты ушел на разведку в тайгу...*

– пел на этот раз женский голос. «Эх, живут люди! – подумал я, с омерзением ступая по ковровой дорожке. – Он геолог, она геолог. Тропы, перевалы, буреломы... Солнцу и ветру брат... А тут! Сам – технолог, жена – филолог...» Я посмотрел на жену. Она, как ни в чем не бывало, стряпала пельмени.

– Опять эти пельмени! – завопил я. – Когда ты расстанешься со своим мешанством?!

– Господи! – сказала жена, уронив руки. – Чем же тебя кормить?

– Сухарями! – топнул ногой я. – Рыбными консервами! Печеной картошкой!

– Слушайте нас ежедневно с восемнадцати до двадцати часов, – вмешалось радио...

– ...Здравствуйте, товарищи! – сказало оно утром. – Начинаем урок гимнастики... –

Первое упражнение – бег на месте. Раз, два, три, четыре!..

Я бежал и прислушивался к сопроводительной музыке.

*Там, где речка, речка Бирюса,
Ломая лед, шумит, поет на голоса...*

– выговаривало пианино.

«Ну да, – горько думал я. – Она там шумит, поет, а я здесь... Бег на месте. Тьфу!»

Во время обеденного перерыва ко мне подошел Белов.

– А диванчик тот – помнишь? – я вчера купил, – похвастался он.

– Диванчик? – сардонически сказал я. – Диванчик-одуванчик? Пташечки-канареечки?

О, люди!.. И сказок про вас не напишут, и песен про вас не споют!..

– А про вас споют? – обиженно спросил Белов.

«Верно, – думал я, шагая в столовую. – Конечно, он прав. И про нас не споют».

Между первым и вторым блюдами динамик на стене осипшим голосом сказал: «Начинаем передачу «Шуми, 39 тайга».

*Снег, снег, снег, снег
Снег над палаткой кружится!*

Народный судья хотел примирить нас с женой. Но я посмотрел на него с глубоким отвращением и сказал:

– А вы на земле проживете, как черви слепые живут!

Это и решило исход дела.

Нас развели.

Через месяц я сидел в дремучей тайге у костра.

Позади меня стояла палатка. Впереди меня лежало болото.

Слева возвышался утес. Справа чернела пропасть.

Хотелось домой. К телевизору. К диванчику. К пельменям.

Я вздохнул и повернул рычажок транзистора.

– С порога дорога зовет на восток,

– Запел знакомый баритон.

Дальше на восток было некуда.

СОЛИДАРНОСТЬ – ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Я сидел на своем обычном месте и занимался своим обычным делом. Ко мне подошли Мишкин и Машкин. Выражение на лицах у них было такое, словно им только что поднесли по столовой ложке скипидара.

– Ты знаешь, что сделал Гришкин?! – выпалили Мишкин и Машкин.

– Что он такого сделал, этот Гришкин? – сказал я. – Что он эдакого учинил, бродяга? Ограбил кассу взаимопомощи? Насыпал в титан толченого стекла?

– Нет, – сказали Мишкин и Машкин и покачали головами.

– Нет.

И по тому, каким зловещим голосом произнесли они свое «нет», я понял, что вина коллеги Гришкина ужасна и неискупима.

– Он, подлец, распускает гнусные слухи про Мишкина. – Это сказал толстячок Машкин, а сумрачный Мишкин оскорблено вздохнул и побагровел.

– Говорит, будто когда Мишкин уходит на работу... – Тут Машкин наклонился к моему уху и остальное договорил шепотом.

– Хм, – сказал я, стаскивая нарукавники. – Просто даже удивительно. Вообще-то он парень неплохой – вот счеты свои новые мне подарил. Но это, разумеется, свинство, и я его тоже осуждаю.

– Мы решили объявить ему бойкот, – заявил Машкин. – Ты присоединяешься?

– Что ж, – сказал я и надел нарукавники. – Правда, человек он компанейский – в субботу на пельмени приглашал. Однако тут нельзя давать спуску, и я с вами, конечно, солидарен.

– Так запомни, – строго посмотрели на меня Мишкин и Машкин. – Бойкот. Железный.

– Будьте спокойны, – заверил я их. – Сказано – отрезано.

Я перелистнул календарь, записал на свежей страничке: – «Гр-н, бойк.», – затем подошел к Гришкину и молча брякнул о стол дареными счетами...

На следующий день меня остановил Машкин. За его спиной мотался и переламывался долговязый Гришкин.

– Ты знаешь, что произошло?! – нервно сказал Машкин.

– Что произошло? – спросил я, поздоровался с Машкиным за руку и сделал вид, что не заметил Гришкина.

– Мишкин – негодяй. Он ударил Гришкина по голове годовым отчетом, – сообщил Машкин. – Мы решили с ним не разговаривать.

Ты поддерживаешь?

– Само собой, – сказал я. – Это как-то бесчеловечно и... он не должен был прибегать к таким методам.

– Так учти! – поднял палец Машкин.

А Гришкин вытянулся и замер, как восклицательный знак.

Я учел. И подвел итоги: значит, в союзе с Мишкиным и Машкиным я бойкотировал Гришкина. А в союзе с Машкиным и Гришкиным бойкотировал Мишкина.

– Здорово! – крикнул Мишкин, входя в нашу с Гришкиным комнату.

Я индифферентно посмотрел в угол и ничего не ответил. Потом, чтобы подчеркнуть свою беспристрастность, развернул стол на сто восемьдесят градусов и расположился спиной к Гришкину.

Ровно через сутки ко мне подошли Мишкин и Гришкин.

– Ты знаешь?.. – сказал Гришкин.

– Ммм – затряс головой я, взял чистый лист бумаги и написал: «Бойкот?».

«Ага», – ответил Гришкин тоже письменно.

«Кому?» – спросил я.

«Машкину», – вывел Гришкин. «За что?»

«Машкин – ренегат, – начертал Гришкин. – Он сочинил про Мишк...»

«Все понял, – прервал его я. – Осуждаю Машкина. Солидарен».

Прошло два дня. Мишкин, Машкин и Гришкин стояли в коридоре и мирно беседовали. Мишкин достал пачку «Казбека» и угостил остальных.

Покурили. Машкин развернул голубой кулек и дал всем по карамельке. Закусили.

– Яшкин-то, а? – сказал Гришкин. – Пренебрегает коллективом. Высокомерничает.

– Иуда! – коротко определил Мишкин.

– Гад ползучий! – уточнил Машкин.
И они единогласно объявили мне железный бойкот.

СТРЕЛЯНЫЕ ВОРОБЬИ

Первым соврал Файнберг. А может, и не Файнберг. Но все равно кто-то соврал первым. А что касается Файнберга, то он соврал так.

Приходит и говорит: завтра, дескать, ожидается мороз сорок два с половиной градуса и северный ветер семнадцать метров в секунду.

Завтра Гришкин надевает унты, два свитера, под них китайское белье. Теплое, с начесом.

Я одалживаю у соседа ватные штаны и собачью доху. В таком виде, как два дурака, являемся на работу.

А на улице плюс один градус.

Коллега Файнберг сидит в штиблетах, покачивает ногой и нахально говорит:

– То ли я ослышался, го ли бюро погоды неправильно сообщило.

В другой раз приходит председатель нашего месткома товарищ Подкидной.

– Ну, – говорит, – кричите ура! Скоро все изменится коренным образом. Столы эти горбатые долой, другие поставим – современные. Дневное освещение проведем. Кондиционированный воздух будет – дыши не хочу. На улице – сквер, кругом скамеечки, в середине – фонтан.

– Только, – говорит, – поработать надо. На озеленении. Выйти всем на воскресник к одиннадцати ноль-ноль. У кого дома есть лопаты – бери лопаты, у кого ведра имеются – волоки ведра.

После воскресника – бесплатное кино.

Вот приходим мы с Гришкиным в положенное время, как два дурака. Со своим шанцевым инструментом.

Смотрим – никого нет.

И товарища Подкидного тоже.

Работаем час, не покладая рук. Работаем другой и третий. В результате – кино нет. И фонтана впоследствии – тоже. И столы остаются горбатые.

И так происходит неоднократно и часто.

Но после всего этого мы с Гришкиным делаемся стреляные воробьи. Нас теперь на мякине не проведешь.

Приходит, скажем, кто-то из сотрудников и говорит: – Интересная и отрадная новость! В нашем городе будут строить метро!

Я незаметно толкаю в бок Гришкина. Гришкин незаметно толкает в бок меня.

– Совершенно точно, – соглашаюсь я, – с кондиционированным воздухом.

– С фонтанами, – подмигивает Гришкин.

– С бесплатными марципанами, – не унимаюсь я.

– Гы-гы! – веселится Гришкин.

В другой раз приходит Подкидной

– Вот это, – говорит, – да! Слышали? Скоро ожидается два выходных в неделю!

Я незаметно толкаю в бок Гришкина.

Гришкин незаметно толкает в бок меня.

– А как же, – поддакивает Гришкин. – И шестимесячный отпуск!

– И каждому трудящемуся персональную яхту, – говорю я.

– С фонтаном! – хихикает Гришкин.

Или приходит тот же Файнберг и начинает бессовестно заливать: читал, дескать, один журнальчик и там написано, что каждые сто лет температура в нашей местности повышается на два градуса. Так что, вполне возможно, через несколько тысячелетий у нас образуются тропики.

Я выразительно смотрю на Гришкина и негромко посвистываю.

Гришкин смотрит в угол и тоже посвистывает.

– Вы чего? – спрашивает Файнберг.

– Ничего, – говорю я и незаметно толкаю в бок Гришкина. – Устарели твои сведения. Уже наблюдается таяние льдов на Северном полюсе. И даже вырос первый подснежник. Гришкин начинает тряситься от смеха.

...А позавчера Файнберг влетел к нам и заорал: – Что вы тут сидите! В буфете марципаны продают! Тут мы с Гришкиным не выдержали.

– Сейчас я дам ему по шее! – сказал Гришкин.

– А я ему ноги переломаяю! – сказал я

– Ну и черт с вами! – обиделся Файнберг и ушел, хлопнув дверью. А марципаны в буфете, действительно, продавали. И весь коллектив нахватал марципанов.

А коллега Файнберг нахватал марципанов две авоськи.

А нам с Гришкиным марципанов не досталось.

На другой день приходит Гришкин. Весь бледный и задумчивый.

– Слушай, – говорит он.

– Ну, – отвечаю я.

– Третьего дня, помнишь... Файнберг тут про градусы врал?

– Ну и что? – спрашиваю я.

Гришкин помолчал и говорит:

– Вот я и думаю: может, правда, будут тропики?

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Машкин долго вертел в руках рубль, хмыкал, пожимал плечиком и смотрел на меня прозрачными глазами бессребреника.

– Ну, что ты жмешься?! – не выдержал я. – Бери! Твой это рубль.

– И когда я тебе давал? – сомневался Машкин. – Убей – не помню.

– Зато я помню. Ты давал его мне в позапрошлую пятницу, возле дверей столовки, там еще Зина Федоровна стояла... Зина Федоровна! Правильно я говорю?

Зина Федоровна подняла голову от бумаг и сказала:

– В позапрошлую пятницу? Это когда в буфете пельменное тесто давали? Да, что-то такое было. Сумму не заметила, но помню – кошелек вы доставали. У вас ведь желтый кошелек?

Машкин вынул кошелек и удивленно посмотрел на него, будто впервые видел.

– Действительно, желтый, – наивно сказал он.

– Слава тебе господи! – вздохнул я. – Теперь-то припоминаешь?

– Нет, – сказал Машкин и покачал головой. – Не помню, старик. Там еще кого-нибудь рядом не было?

– О-о! – застонал я и выскочил из комнаты. Я выскочил из комнаты и чуть не сбил Гришкина, топтавшегося у дверей.

– Слушай, – забормотал Гришкин. – Не в службу, а в дружбу – отдай за меня Машкину пятерку, – он протянул деньги.

– Нашел дурака! – обозлился я. – Еще за пятерку к этой скотине не пойду!

– Да-а, – поскучнел Гришкин. – Вот это ситуация!.. А может, ты возьмешься? – обратился он к подошедшему Яшкину.

– Ну его к черту! – сказал Яшкин. – Я ему вчера полтинник аж домой возил. С тремя свидетелями. Свидетелей туда-обратно на такси пришлось катать. Полчаса гада уламывали. Не признавался.

– Ах, угнетатель! – Гришкин даже плюнул. – А давать любит. Хлебом не корми.

– Любит, – подтвердил я. – Только потом делает вид, что не помнит.

– Как же, не помнит он! – сказал Яшкин. – Рассеянным прикидывается. Все жилы вымывает, оконфузит при людях с головы до ног. Ух, я бы ему устроил!

– Не брать – и все, – предложил я.

– Мало! – кровожадно блеснул глазами Яшкин. – Надо другое что-то придумать.

И мы придумали...

Перед зарплатой нахватили у Машкина, кто сколько мог. Еще подговорили Кошкина с Пашкиным. И те по десятке одолжили.

– Здорово, Машкин! – сказал я в день получки. – Держи-ка, брат, трешку!

– Трешку? – как обычно, изумился он. – Какую? Что-то я не помню...

– Ах, да! – спохватился я. – Это же не ты, это Файнберг мне занимал! Ну, извини.

Машкин кисло улыбнулся.

Следующий удар нанес ему Гришкин.

– Брал я у тебя семь рублей или не брал? – потирая лоб, спросил он. – Вот зарежь – не могу вспомнить...

– Давай подумаем вместе, – бледнея, сказал Машкин.

– Нет, – просветлел лицом Гришкин. – Кажется, не у тебя.

Кажется, у кого-то другого. Пойду поспрашиваю.

Окончательно добил его Пашкин.

– А ну, гони двадцатку, жила! – развязно заорал он.

– Какую двадцатку? – испуганно спросил Машкин. – Я не брал.

– Вот-те здравствуйте! – возмутился Пашкин. – А между прочим при людях клянчил.

Ну-ка, ребята, подтвердите. Мы с Яшкиным мрачно кивнули.

Машкин достал свой желтый кошелек и дрожащими руками отсчитал двадцать рублей.

– В другой раз помни, – безжалостно сказал Пашкин. – А то неудобно получается – со свидетелями из тебя долг выколачиваешь.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Мишкин и Машкин встретились на четвертый день нового года

– Как праздничек? – спросил Мишкин.

– Представь себе, отлично, – похвастался Машкин. – На елочку ходили, с горочки катались, свежим воздухом дышали.

– На елочку?! – вытаращил глаза Мишкин. – С горочки!

– Ага, – сказал Машкин как ни в чем не бывало. – Знаешь, решили на этот раз – никуда.

И к себе – никого. Исключительно в семейном кругу. За три дня выпили две бутылки шампанского, и все. Голова – как стеклышко.

Он постучал по голове. Звук получился отчетливый и прозрачный.

– Две бутылки! – ахнул Мишкин. – А мы-то! Господи!! Елку чуть не спалили! Мама родная!

– Нет, а мы хорошо, – снова начал Машкин и даже мечтательно улыбнулся. – Надоели все эти компании, возлияния, дым коромыслом... Книжки почитали, телевизор посмотрели,

– Эх, надо же! – сокрушенно прошептал Мишкин.

– В лото поиграли, – весело продолжал загибать пальцы Машкин, – снежную бабу слепили, концерт по заявкам слушали, кукольный театр устроили..

– Кукольный театр! – чуть не плача, закричал Мишкин. – А мы-то! Мы-то! Уй-уй-уй-уй-уй. Слушай, – сказал он и взял Машкина за пуговицу. – Давай как-нибудь соберемся. Ну, хоть в воскресенье. Вы да мы – и больше никого. Посидим в своем кругу. Тихо-мирно. Ну, как ты рассказывал. А?

– А что, – сказал Машкин. – Это идея.

Мишкин и Гришкин встретились на пятый день нового года.

– Ну, как праздничек? – здороваясь, спросил Мишкин.

– Мрак! – сказал Гришкин. – Мрак и ужас! Просто кошмар! Пришел этот змей Яшкин.

А потом этот циклоп... Ну как его?. – Гришкин потер над бровью и болезненно сморщился.

– Пашкин, – подсказал Мишкин.

– Вот-вот, с Кошкиным. Что там было! Что было! Описать невозможно.

– Ну и дурак! – сказал Мишкин. – Вот мы с Машкиным в воскресенье собираемся. Тихо, мирно. Чайку поьем, телевизор посмотрим, кукольный театр для детишек...

– Братцы! – сказал Гришкин. – Возьмите меня. Не могу я больше так! Пропадут я, братцы!..

Гришкин и Яшкин встретились на шестой день нового года.

– Хорош ты был в тот раз, – неодобрительно сказал Гришкин.

– А что, а? – завертел головой Яшкин. – Все в норме, старик. Было дело – кошка съела. Все хорошо кончается, что не кончается в вытрезвителе. Шик каламбурчик, а?

– Ну, ладно, – махнул рукой Гришкин – В общем, послезавтра приходи к Машкину. Чай будем пить.

– Крепкий? – подмигнул Яшкин.

– Я вот тебе дам, – сказал Гришкин и погрозил Яшкину кулаком. Яшкин позвонил Пашкину по телефону.

– Привет, Пашкин! – крикнул он. – Это Яшкин. Ты что завтра делаешь? В театр идешь? Ой, держите меня! Зачем? На театральный се-сон? Шик каламбурчик, а? Ну вот что, ты это брось. Завтра все собираемся у Машкина На чай. Понял?

– Заметано, – сказал догадливый Пашкин. – Я Кошкина приведу.

Мы встретились с Мишкиным в понедельник.

– Доброе утро! – поздоровался я.

– Хе! – иронически сказал Мишкин.

Он сидел за столом, левой рукой закрывал фиолетовую гулю над глазом, а правой писал заявление на Машкина в товарищеский суд...

НОЧНОЙ ЗВОНОК

В три часа ночи мне позвонил Левандовский

– Здорово, – сказал он. – Я тебя не разбудил?

– Разбудил, конечно, – напрямик ответил я. – Что я, фальшивомонетчик – до этих пор не спать.

– Ну извини, – поскучнел Левандовский.

– Ладно уж, – сказал я – Бог простит. Что там у тебя стряслось –

выкладывай.

– Да нет, ничего, – отчужденно сказал Левандовский. – Будь здоров. Отдыхай. И он повесил трубку.

А у меня сон как палкой отшибло. Я прошелся по комнате. Закурил. Проверил, выключена ли электроплитка. И тут зашевелилось позднее раскаяние.

«Фу, как нехорошо, – подумал я. – Близкий приятель, можно сказать, друг, звонит тебе среди ночи. Видно, не так просто звонит, не ради удовольствия. Может, у нею нужда какая, неотложная... А ты, чурбан такой, прямо с верхней полки: «Разбудил»... «Бог простит». Не мог поделикатнее.

Я набрал номер Левандовского. Телефон молчал. Попробовал еще раз – никакого результата.

Тут я не на шутку встревожился и разбудил жену.

– Слушай, – сказал л. – Только что звонил Левандовский.

– Черти его давят, – сонным голосом ответила жена.

– Ну-у. Черти не черти, а вполне возможно какое-нибудь несчастье. По работе или с женой. Катя его, знаешь ведь, – стюардесса...

– Черти его не задавят! – сказала жена.

– Так-то так, – согласился я. – Но представь себе: человек один, в пустой комнате, всякие нездоровые мысли одолевают. И телефон как назло испортился... Нет, я, пожалуй, схожу к нему.

И я начал одеваться. Тут жена окончательно проснулась.

– Черти тебя потащат! – сказала она. – Вот пристукнет кто-нибудь! Возьми хоть плоскогубцы.

– Да что ты! – усмехнулся я, расправив плечи. – Лишние предосто-

рожности!..

– Бери, бери, – сказала жена. – Отмахнешься, в случае чего.

...На улице было темно и страшно. Ночь наполняли различные неблагоприятные звуки. Где-то заверещал милицейский свисток. Потом кто-то вскрикнул. Потом раздалась жуткая песня: «А каменные парни уж точат кинжалы»... И вслед за этим кто-то бешено протопал по тротуару, крича:

– Не уйдешь... Твою душу!..

А в одном месте меня остановил угрюмый детина и, для чего-то складывая и раскладывая перочинный ножик, сказал:

– Дай закурить!

Но я, преодолевая противную дрожь, все шел и шел.

«Так надо, старик, – убеждал я себя, сжимая потной рукой плоскогубцы. – Ведь ты же не оставишь в беде близкого приятеля... можно сказать, друга».

Левандовского дома не оказалось. Я звонил, стучал в дверь ногами, даже крикнул два раза в замочную скважину: «Веня! Ты не спишь?!»

Из-за двери не донеслось и звука.

«Боже мой! – холодея подумал я. – Неужели он решил броситься под трамвай?.. Хотя, что я – трамваи уже не ходят. Куда же он подался, бедолага?»

И тут меня обожгла догадка: «Мост!» До моста рукой подать!

Каких-нибудь три километра!

Удерживая рукой прыгающее сердце, я рысью побежал к мосту.

Бежать мне пришлось обратно, мимо своего дома.

И вдруг я увидел, как из нашего подъезда выскользнул Левандовский. Он шел, подняв воротник, и по-воровски озирался.

«Ах, жаба! – закипел я и прянул за угол. – Вот, значит, какой ты друг! На лучших струнах играешь! Выманил из дому, а сам... Я о тебе забочусь, а ты, выходит, обо мне уже позаботился! Ну погоди же!» И как только Левандовский поравнялся с углом, я сгреб его за шиворот и взмахнул плоскогубцами.

– Мама! – диким голосом заорал Левандовский, рванулся и быстро побежал, петляя между зелеными насаждениями.

Разъяренный, с зажатым в кулаке воротником Левандовского, я ворвался домой.

– Черти приносили твоего дружка, – сказала жена.

– Да?! – спросил я, кровожадно вращая глазами.

– Да, – зевнула жена. – Он, видишь ли, очень переживал – не взбаламутил ли тебя этот дурацкий звонок...

РАССТАВАНИЕ

Все собрано, заштопано, отутюжено, завернуто.

– Серый костюм отнеси в химчистку, – говорит Пуговкин.

– Хорошо, лапа, – тихо отвечает жена.

– Танечке денег на обед не забывай.

– Не забуду, родной, – говорит Пуговкина,

– Тэк... – Пуговкин барабанит пальцами по столу. – Ванечке в ушко капать...
– Накапаю, милый.

Пуговкин ходит по комнате, трет лоб:

– Ах, ты, туда-сюда! Что то еще наказать хотел – и как отшибло.

– А ты посиди, – робко отвечает жена. – Успокойся. Может, и надумаешь.

– Посиди, посиди, – бормочет Пуговкин. – Как это у тебя легко все...

Он включает телевизор. «Вы смотрели фильм, снятый по заказу областной автоинспекции Управления УООП», – говорит диктор.

– Да! – вспоминает Пуговкин – Электроприборы! Электроприборы выключай обязательно.

– Буду выключать, – обещает жена.

– Ох-хо-хо, – вздыхает Пуговкин. – Огородову, что ли, позвонить?

– А не поздно? – спрашивает жена.

– Поздновато, конечно, – соглашается Пуговкин. – А что делать? Перетерпит.

И он звонит Огородову:

– Спишь, брат? Ну, извини. Я-то? Я, брат, не сплю. Не спится, брат, что-то. Настроение как? Да какое там настроение! Сам понимаешь. Да-а... ты уж будь добр, присмотри тут за моими. Ну спасибо, брат.

Пуговкин вешает трубку.

– Про дверь помнишь? – оборачивается он к жене – На два поворота. Бобика корми... У мамыши будешь – поклон от меня.

Ночью Пуговкин будит супругу.

– Если со мной что случится... – сдавленно говорит он.

Жена всхлипывает.

– Ну ладно, ладно, – успокаивает ее Пуговкин. – Это я так. На всякий случай. Может, и не стряется. Пока, слава богу, обходится.

Утром Пуговкин встает, одевается, разогревает и пьет чай.

Жена и ребяташки еще спят «Разбудить если? – думает Пуговкин. – Или уж не надо?» Он достает лист чистой бумаги, садится за кухонный стол и пишет: «Поля, умоляю! Береги себя и детей. Лапа». Потом берет портфель и уезжает. На целых два дня.

СПАСИТЕЛЬ

Это произошло на скрещении улиц имени товарищей Куприянова и Севастьянова.

Из-за поворота неожиданно выехал автомобиль.

– Назад! – закричал Тюнькин и сильно дернул меня за руку.

Автомобиль промчался совсем рядом.

– Ух ты! – выдохнул я. – Ну, спасибо, Иван Николаич! Вовек не забуду! Если бы не вы – каюк мне!

– Да ладно, – сказал Тюнькин. – Не будем считаться. Подумаешь – мелочи!

– Хороши мелочи! – возразил я. – Переедет такая мелочь пополам – и привет родителям!

Как это вы не растерялись? Просто удивительно!

– Ничего удивительного, – смущенно пробормотал Тюнькин.

– Дернул за рукав – и все.

Навстречу нам по аллейке шел Сабатович.

– Привет, старик! – на ходу бросил он. – Как жизнь?

– Спасибо, Женя! – ответил я, заступая ему дорогу. – Теперь отлично. А недавно было совсем плохо. Идем мы, понимаешь, вот с Тюнькиным, с Иваном Николаичем – и откуда ни возьмись, вылетает самосвал.

– Это был пикап, – сказал Тюнькин.

– Да? – удивился я – А какой здоровенный! Мне показалось – самосвал. И где они такие пикапы выкапывают?.. Ну, короче, вылетает этот самый агрегат – и прямо на меня! Ррр-ы! И тут, представляешь, Иван Николаич бросается и ловит меня буквально под колесами!..

– Ну и ну! – покачал головой я, когда Сабатович с нами распрощался. – Шагает себе человек, ни сном ни духом. И вдруг... Эй, Гришкин. Иди-ка сюда!

Подошел Гришкин

– Вот познакомься! – сказал я. – Тюнькин Иван Николаич. Послушай-ка, что расскажу. Идем мы с ним, понимаешь, о том о сем толкуем. А навстречу. Как вы его называли, Иван Николаич?

– Пикап.

– Вот именно. С прицепом! И прямо на меня! Я – от него, он – за мной! И тут Иван Николаич героически бросается наперерез.

После работы я позвонил Тюнькину домой.

– Иван Николаич? Что поделываете? Отдыхаете? По случаю субботы? Ну да. А я тут как раз жене рассказываю:

– Понимаешь, говорю, Лелечка! Идем это мы с Иваном Николаичем, как вдруг выкатывается панелевоз! И прямо на меня! Ррр-ы! Ну, думаю, отжил... Лелечка вас очень благодарит. Как отца родного. Да вот она лично выскажет. Передаю трубку...

В воскресенье у меня собрались близкие родственники отпраздновать такой исключительный факт.

– Без Ивана Николаича рюмки не выпью! – твердо заявил я и набрал его номер.

– Не могу, – стал отнекиваться Тюнькин. – Что-то ноги отнялись.

– Это дело поправимое, – успокоил я его. – Сейчас приеду на такси.

– Эх, друг шофер! – сказал я на обратном пути. – Знал бы ты, кого везешь!.. Понимаешь ли, идем это мы с ним вчера, Тюнькин его фамилия. Идем. И на тебе, машина. Таких, как твоя, пять надо. Прямо на меня! Ррр-ы!..

– Стой! – неожиданно приказал Тюнькин. – Здесь недалеко осталось. Давай пешком прогуляемся...

Когда все расселись за столом, я поднял бокал и провозгласил:

– За Ивана Николаича! За моего спасителя! Коротко повторяю суть. Идем это мы с ним, понимаете, куда положено. Как вдруг вылетает сами знаете что. И прямо на меня! Ррр-ы! И тут Иван Николаич...

– Ха-ха-ха-ха! – истерически закричал Тюнькин. – С прицепом! Дави его! Топчи! И рванул со стола скатерть...

...Когда дружинники выносили его из комнаты, я забежал сбоку и сказал:

– Ради бога, не уроните! Это такой человек!.. Несмотря на причиненный ущерб... Понимаете ли, братцы дружинники, идем мы с ним вчера...

Тюнькин изловчился и ткнул меня сапогом в зубы...

Рассказы из сборника

Блондинка на букву «Л»

1967 г.

КРАЙНОСТИ

В магазине висел большой лозунг: ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ!

– Килограмм сахара, – попросил я и кивнул. – Новое в обслуживании?

– Да, – сказал продавец.

– М-гу... – я посмотрел на дрожавшую стрелку – Вы меня обвесили... на триста граммов.

– Так точно, – немедленно согласился продавец и досыпал сахару.

Весы показывали кило триста.

– Вот теперь правильно, – сказал я.

- Кушайте на здоровье! – улыбнулся он.
- Все продавцы жулики, – заметил я, принимая кулек. – Вы не согласны?
- Боже упаси! – воскликнул он. – Целиком разделяю ваше мнение.

Меня задело. Я вернулся от двери и сказал:

- Сегодня восьмое марта.
- Истинная правда! – согласился продавец.
- А завтра будет первое января.
- Как пить дать, – подтвердил он.
- Ну, знаете! – сказал я. – Пригласите директора!

Пришел директор.

– Вам не кажется, – спросил я, показывая на лозунг, – что здесь допущен некоторый перегиб?

- Правда ваша, – быстро сказал он. – Допущен.
- Более того, это непроходимая глупость!
- Абсолютно верно! – поддакнул директор. – Дальше ехать некуда.
- Уберите, – посоветовал я.
- Есть, – щелкнул каблуками директор. – Уберем!

Назавтра лозунг убрали.

- Пожалуйста, килограмм лапши, – попросил я.
- Можно, – сказал продавец и бросил на тарелку две четырехсотграммовые гири.
- Стоп! – заволновался я. – Здесь нет килограмма.
- Протри очки! – рыкнул продавец. Я протер. Гири не увеличились.
- Имейте совесть! – сказал я. – Это нечестно!
- Граждане! – закричал продавец. – Видели вы такого нахала?! Он обозвал меня ворюгой!

За что, граждане?!

На шум выбежал директор. – Эге! – сказал он. – Да ты пьяный, голубчик. А ну, ребята, крути ему руки!.. Продавец кинулся на меня. Я слегка толкнул его в грудь. Он двинул меня под микитки. Свидетели нашлись с той и другой стороны.

«Золотую середину» определил народный судья.

– По десять суток! – сказал он.

ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Борщ был отличный. Шницель – обворожительный. Пирожки сами таяли во рту. После настоящего черного кофе я откинулся на спинку мягкого стула и, преданно глядя в глаза официантке, сказал:

– Принесите книгу предложений.

Я специально не сказал «жалоб и предложений», чтобы она не заподозрила меня во враждебных намерениях. Я готов был даже произнести «книгу благодарностей», но, к сожалению, в названии этого документа такого слова не было.

– Зачем? – упавшим голосом спросила официантка.

Я интригуяще улыбнулся и сказал, что хочу сделать некоторую запись. Официантка, обиженно гремя тарелками, убрала со стола и ушла. Через несколько минут она вернулась в сопровождении полной дамы в шуршащем накрахмаленном халате. Дама оказалась старшим администратором зала.

– Я вас слушаю, гражданин, – сказала она, глядя поверх моей головы.

Я сказал, что мне очень приятно познакомиться с администратором, но просил-то я все-таки книгу жалоб и предложений.

– Нехорошо, – холодно заметила дама. – Если вы чем-то недовольны, то могли бы сказать прямо.

Тут она мигнула официантке, и та начала сгружать с подноса повторение моего обеда. В борще, как айсберги, плавали огромные куски мяса. Шницель по величине напоминал утюг средних размеров. Румяные пирожки громоздились на тарелке египетской пирамидой. Обед, съеденный мною, был настолько калориен, что от нового обилия пищи меня замутило. Я бешено затряс головой.

– Что ж, – пожалала плечами администратор, – раз товарищ настаивает, пригласите директора, Машенька.

Пришел директор, внушительный и корректный мужчина. Он присел за мой столик и тоном врача, разговаривающего с душевнобольным, сказал:

– Ну, давайте знакомиться.

И протянул мне почему-то удостоверение дружинника по охране общественного порядка. Чтобы не показаться невежливым, я достал паспорт. Директор посмотрел на штамп с места работы и сурово произнес:

– Козыряете!

– Чем? – пролепетал я.

– Как чем? Званием литератора. За горло берете? А сами к тому же нетрезвые!

Я был трезв, как стеклышко. Но директор уже подал знак. В ту же минуту неизвестно откуда появились два молодца в униформе и, крепко взяв меня под руки, повели из кафе...

СМОТРИ В КОРЕНЬ

У меня заболел желудок.

А может, и не желудок. Во всяком случае, заболело что-то там, внутри. Заколело и застреляло. Я обратился к врачу.

– Здесь болит? – спросил врач, надавливая куда-то под ложечку.

– Примерно, – скосил глаза я.

– А тут не покалывает? – спросил он.

– До этого покалывало, – припомнил я. – А сейчас как будто перестало.

– М-гу. А сюда не отдает? – надавил он в третьем месте.

Я прислушался и сказал:

– Знаете, доктор, еще вчера не отдавало, а вот сейчас вроде бы есть немножко.

– Ясно, – сказал врач. – Это у вас печень. Надо полечиться.

И я стал лечить печень. Через два дня заколело там, где раньше отдавало, и стало отдавать там, где покалывало.

– Возможно, тут вмещалось сердце, – предположил врач. – Сейчас я вас направлю в другой кабинет.

В другом кабинете меня выслушали, прослушали и сказали:

– Сердце надо поддержать. Сердце, знаете ли, никогда не вредно поддержать.

И я стал лечить сердце. Через три дня застреляло там, где до этого покалывало, а еще раньше отдавало, там, где стреляло, начало отдавать, а где отдавало – посасывать.

– Ну вот, теперь картина полная, – сказал врач, к которому я ходил насчет сердца. – Конечно, сердце надо продолжать лечить, но главная загвоздка и основной очаг – в щитовидной железе. Сейчас я напишу вам направление.

И я стал лечить щитовидную железу. Однако картина оказалась далеко не полной. У меня еще оставались селезенка, желчный пузырь, легкие, почки, двенадцатиперстная кишка, желудок и поджелудочная железа. Как выяснилось, кое-что из этого необходимо было серьезно лечить и кое-что основательно поддержать.

Я завел себе специальную папку для рецептов с отделением для анализов, устроился на легкую работу, сменил квартиру поближе к поликлинике и начал откладывать деньги на инвалидную коляску.

Не знаю, как сложилась бы дальше моя судьба, если бы не случай. Однажды в больнице я обратил внимание на плакат, которого раньше почему-то не замечал. Это была жуткая картина. Прямо «Последний день Помпеи» кисти художника Брюллова. Два упитанных лысых микроба карабкались по штормтрапу к сердцу. Один из них держал на плече здоровенный плотницкий бурав, а другой сжимал в руках кувалду. Третий их коллега с кровожадной улыбкой долбил отбойным молоточком почку. Еще двое деловито перепиливали печень двуручной пилой. А последний из противотанковой пушки расстреливал легкие.

«Как будто с меня срисовали! – горько подумал я. – Эхе-хе! Что есть наша жизнь? Миг единый! Ишь как наворачивают, паразиты!» И вдруг я увидел зуб. Самый обыкновенный коренной зуб. Он был нарисован в дальнем углу, и от него шли подстрекательные стрелки ко всем разрушаемым объектам. «Так вот в чем дело! – догадался я. – Вот где зарыта собака!» И я шагнул в зубной кабинет.

– Доктор, – сказал я, – выдерните мне зуб.

– Который? – спросил доктор.

– Какая разница! – махнул рукой я. – Рвите хотя бы этот. Он все равно в сторону смотрит. Доктор поковырялся у меня в зубах и сказал:

– Вырвать – не секрет. А вот мы его полечим.

– Ну уж нет, дорогой товарищ! – решительно возразил я. – Не выйдет! Или рвите, или я сам его выбью... Кирпичом.

Доктор пожал плечами и вырвал зуб.

Я поблагодарил его, вышел из больницы и, шумно вздохнув, далеко в кусты зашвырнул папку для рецептов с отделением для анализов.

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Ночью Сидоренке приснился сон: по бесконечному болоту сами собой шли резиновые сапоги. Они шли, совсем не вязли и не оставляли следа.

Сидоренко долго бежал по краю болота. Все надеялся, что сапоги остановятся, причалят к берегу. Ему очень хотелось посмотреть на этикетку. По виду сапоги были наши, производства Егорычевской фабрики резиновых изделий. Однако их удивительные качества смущали Сидоренку. И он все бежал и думал: «Не может быть. Это наверняка цебовские».

Но тут сапоги повернули в открытое болото и скоро исчезли, унося тайну своего происхождения.

А Сидоренко проснулся.

Он надел вьетнамскую рубашку с вечно крахмальным воротничком, польские штаны, пристегнул итальянские помочи, накрылся сверху немецкой шляпой «Элегант» и вышел прогуляться. Внизу у подъезда сосед заводил мотороллер. А мотороллер не заводился. Только кашлял и подпрыгивал на месте.

– «Чизетта?» – спросил Сидоренко.

– «Чизетта!» – сказал сосед и плюнул. – «Чизетта», туда-сюда налево!

– Раз «Чизетта», значит, заведется, – пообещал Сидоренко. И остался посмотреть, потому что все равно было воскресенье. Действительно, через полчаса мотороллер завелся.

– Вот видишь! – обрадовался Сидоренко. – А с нашим бы ты до вечера проколотился. Будь уверен.

Сосед прыгнул в седло и уехал. А Сидоренко решил сходить в кино. Фильм оказался зарубежным, недублированным, только с надписями. Так что многие уходили с середины, а многие и под конец. Это страшно огорчало Сидоренку. И он даже два раза крикнул:

– Закройте дверь! Некультурность какая!

А выходя из кино и прикуривая у одного из зрителей, вежливо сказал:

– Вот, между прочим, показательно! Даже не зная языка и кое-что не понимая, сразу чувствуешь, где настоящее произведение искусства.

Зритель промолчал.

Потом Сидоренко встретил приятеля, и тот затащил его к себе – немножко выпить и закусь. Приятель поставил пол-литра белого, пол-литра красного и насыпал в тарелку маринованных подберезовиков.

– Шикарная закуска, – сказал он. – И всего рубль восемнадцать банка.

– Импортные? – спросил Сидоренко.

– А черт их душу знает, – сказал приятель. – Я не посмотрел.

Сидоренко зацепил вилкой грибок, внимательно пожевал и сказал:

– Импортные. У нас таких не делают.

Так они сидели и закусывали, как вдруг что-то толкнуло снизу, зашаталась стена, бутылки дрогнули, грибы сами полезли друг на дружку. Приятель схватился за водку и смертельно побледнел. Сидоренко не меньше испугался, но при этом подумал: «Легко отделались. Толкни оно посильнее – и привет. При нашем-то качестве строительства...» А в коридоре хлопнули двери и раздавались нервные голоса. Сидоренко с приятелем тоже выскочили наружу – узнать, что к чему.

Весь подъезд гудел и перекликался сверху донизу. А на приятелевой площадке какой-то медицинский капитан успокаивал жильцов.

– Это толчок незначительный, – говорил он. – Вот когда я служил в Энке, там был значительный толчок. Форточки, представьте, сами открывались, вода из кранов бежала. А у одной старушки даже валенки пропали. Из прихожей. Будто корова языком слизнула...

– У нас не бывает порядочных землетрясений, – вмешался Сидоренко. – Самые лучшие землетрясения бывают в Японии. Недавно там произошел исключительный толчок с большими разрушениями и человеческими жертвами.

Тут разговор завязался общий. И скоро от землетрясений перешли к первой мировой войне, а потом к автодорожным столкновениям.

– У нас не бывает настоящих катастроф, – вздохнул Сидоренко. – По катастрофам впереди идет Америка. Там они случаются через каждые две минуты. Мы в этом смысле серьезно отстаем от развитых стран.

...Тем же вечером, переходя улицу, Сидоренко попал под машину. Рассказывают, что, очнувшись в больнице, он попросил докторов сказать, какой марки автомобиль его переехал.

– Шкода, – ответили ему.

– Я так и знал, – тихо сказал Сидоренко, улыбнулся и помер.

ДИЛЕТАНТЫ

Когда мы проезжаем на троллейбусе по мосту, а под мостом сидят на кукурышках рыбаки-подледники, мой лучший друг Жора Виноградов печально говорит:

– Какие странные люди! Какие упрямые романтики! Мне кажется, что за их веревочки привязано лето. Кругом снег, холод, а они сидят и стараются выудить солнышко, тепло, зеленую травку и желтый песочек.

Жора – лирик. И холостяк. По субботам он долго ужинает в ресторане, а по воскресеньям запирается на ключ, курит и сочиняет стихи:

Мороз и солнце – день чудесный.

В кураж оделся лес древесный.

– Лето! Песочек! – взорвался как-то Жорин шеф Сергей Семенович, оказавшись с нами в троллейбусе. – Ах вы дилетанты! Ах вы бледнолицые самоубийцы! Ах вы никотинщики! Что вы понимаете?

– Ну, погодите! – пригрозил он нам на прощанье. – Я вас заставлю подержаться за эту веревочку! Я вас приобшущу! Я из вас сделаю настоящих мужчин!..

Жора приобщается.

Оказывается, Сергей Семенович не бросал слов на ветер. Жора второй вечер сидит дома и насаживает какую-то железяку на черенок от лопаты. Посбивал все руки. Исковырял пол.

– Значит, поедешь? – спрашиваю я.

– Наседает старик, – жалуется Жора. – За горло берет. Велел пешню делать. Чертеж вон принес.

Действительно, над Жориной кроватью висит чертеж пешни. На чертеже она стройная и кровожадная, похожая на казацкую пику. У Жоры получается что-то среднее между долотом и кочережкой.

– Погоди, – говорит Жора, – он и до тебя доберется. Не обрадуешься.

Жучки-паучки

Сергей Семенович добрался до меня в субботу. Только я сел ужинать, как раздался телефонный звонок. Я снял трубку.

– Ну, готовы? – нетерпеливо спросил Сергей Семенович.

– А в чем дело? – поинтересовался я, дожевывая котлету.

– Как в чем? – сказал Сергей Семенович. – Сейчас берем такси и едем за червяками.

– За какими червяками? – спросил я обессиленно и почувствовал, как котлета становится поперек горла. Сергей Семенович сказал, что подробности в машине, что он звонит из автомата и что вообще дорога каждая секунда. Голос у него был такой, словно он сообщал о всеобщей мобилизации. Я оделся и вышел. У подъезда уже стояло такси, а возле него приплясывал Сергей Семенович.

– Ну давай, давай! – засуетится он, подталкивая меня на заднее сиденье. Потом упал рядом с водителем и скомандовал:

– Гони! В теплично-парниковый!..

...Черви были отменные: длинные, кормленные, тугие, как пружина. Знакомый Сергея Семеновича выдавал их поштучно.

– Ах, красавцы! Ах, симпатяги! – бормотал Сергей Семенович, принимая червей и запихивая их в термос с подогретой землей. На обратном пути он успокоился и даже заявил, что вообще-то черви – это так, баловство, забава. А главная наживка в зимнее время – мормыш.

– Что мормыш, – неожиданно вмешался шофер и стал расхваливать каких-то жучков-паучков с длинным латинским названием.

У лунки

– Попробуем здесь, – махнул рукой Сергей Семенович. Жора взял пешню наперевес и яростно бросился на штурм ледяных торосов.

У меня пешни не было. Сергей Семенович повертел мне две лунки своим буром и сказал:

– Ну, я пошел. Вон за ту косу.

Я размотал удочки, опустил в воду лески, поднял воротник и вытащил из-за пазухи «Графа Монте-Кристо». Жора долбил лунку. Читать не пришлось. Вдруг задергалась леска на одной из удочек. Потом – на второй. Потом лески стали дергаться не переставая. Кто-то энергично съедал моих червяков. Я снял варежки, придавил их «Графом Монте-Кристо», засучил рукава и поклялся выловить этого нахала. И выловил. Им оказался маленький колючий ерш. После этого дело пошло. Я поймал двух горбатых окуней и еще какую-то рыбину, серебристую, с красными глазами.

Жора долбил лунку.

Когда я вытащил девятого окуня, ко мне подошел усатый рыбак в пестрой дохе и завистливо спросил:

– Первый раз?

– Первый, – сознался я. – А что?

Усатый рысью взбежал на сугроб и, сложив ладони рупором, закричал:

– Эгей! Ребята! Он в первый раз ловит!

Тотчас из-за сугроба вылезли ребята, расставили вокруг меня свои агрегаты и начали деловито сверлить лед. Жора долбил лунку.

– Ух, хорошо! – выдохнул он, бросая пешню. – Замечательно! Великолепно! Мороз и солнце! День чудесный!

Тут из-за торосов вышел заиндеветший Сергей Семенович. Он тащил за шиворот поджавшую хвост шуку.

– Вот это да! – сказал Жора. – Вот это ну! – побежал к своей лунке и тоже выудил какую-то мелюзгу.

– Хорош окунек? – гордо спросил Жора, показывая добычу.

– Ничего, – согласился Сергей Семенович. – Только он чебаком называется.

Рыбные блюда

Праздновали мы свое приобщение у меня. Жена постаралась. На столе была рыба под маринадом, фаршированная щука, булькала настоящая рыбацкая уха, приготовленная по книге о вкусной и здоровой пище, румянились на сковородке жареные окуни.

Сергей Семенович выпил первую стопку и закусил помидорчиком. Потом опрокинул вторую и поймал вилкой маринованный грибок. После третьей он потянул к себе блюдо с картошкой.

– Рыбку-то что же вы? – ласково сказала жена, подвигая ему заливное.

Сергей Семенович вздрогнул и переменялся в лице.

– Терпеть ее не могу! – брезгливо сказал он – Ни в каком виде.

БЛОНДИНКА НА БУКВУ «Л»

– А ну-ка, постой, – сказал Гришкин. – Стой, не дергайся! И он снял с моего рукава длинную белую нитку,

– Ого! – загоготал Мишкин. – Блондиночка вбабахалась А говорил – не любишь блондинок.

– А это не он их любит, – встрял Машкин. – Это они его. Чем меньше мы блондинок любим, тем чаще нравимся мы им. Хи-хи-хи!

– Минуточку, – сказал Гришкин и стал мотать нитку на палец. Нитка кончилась на «Л».

– Лена, – сказал Мишкин – Или Леля. Ну влип ты, старик.

– Да это не он влип, – уточнил Машкин – Это она влипла.

– Ох, и трепачи вы! – сказал я. – Ну и трепачи.

В этот момент подошел мой троллейбус.

– Пока, – сказал я и прыгнул на ступеньку.

– Эй, а нитку! – крикнул Гришкин.

– Оставь себе! – махнул рукой я.

– Везет же некоторым, – завистливо вздохнул Машкин. – В такого крокодила и влюбилась блондинка.

– Сам ты крокодил! – обернувшись, сказал я. Впереди меня в троллейбусе стояла блондинка.

«Начинается, – усмехнулся я. – Хорошо, что этой банды рядом нет». И стал смотреть в окно.

Лицо блондинки отражалось в стекле. Она была ничего. Миленькая. «Интересно, как ее звать?» – подумал я. Тут парень, стоявший еще дальше, поднял руку с билетами. И крикнул: «Я взял!» Блондинка кивнула. «Муж, – догадался я. – Или жених. Ну что она в нем такого нашла? Правда, высокий. И широкоплечий. Лицо благородное. А нос все-таки подгулял. На боку чуть-чуть нос, даже здорово на боку. Так в ухо и целит. Собственно, трудно понять, где нос, а где ухо. До чего женщины бывают неразборчивы!»

«Нет, – решил я, выйдя из троллейбуса. – Это не дело – искать свою блондинку в городском транспорте. Одних автобусов, говорят, выходит ежедневно 150 штук. А там еще трамваи, троллейбусы вот, такси. И вообще, о чем это я думаю, идиот! Глупости какие! Буду лучше думать о своем насосе».

В коридоре института мне встретилась техник Каридазова.

– Здравствуйте, Пал Семеныч! – сказала она.

– Здравствуйте, Леночка! – ответил я.

И будто меня чем по голове ударили. Леночка! Блондинка! То-то я все замечаю... Вот это компот-изюм! Ай-ай-ай!

– Позовите-ка техника Каридазову, – на ходу бросил я рассыльной, –

с чертежами.

Вошла Леночка.

– Ну садитесь, милая, – сказал я. – Рассказывайте, как дела?

Леночка зашуршала чертежами.

– Нет-нет! – удержал я ее руку. – Бог с ними. Я про другое. Совсем про другое, Леночка. Вот смотрю – грустная вы какая-то. Какая-то сама не своя. Может, случилось что? Вошло, так сказать, в жизнь? Какое-нибудь большое чувство, а?

Леночка опустила глаза.

«Эге! – смекнул я. – Так оно и есть. Ах ты, пичуга!»

– Ну что же вы молчите? – как можно нежнее произнес я. – Блондинка на букву «Л».

– Я не на «Л», – сказала Леночка. – Я на букву «Е» – Елена.

– Вот как!

– Да, – вздохнула Леночка. – Елена.

– М-гу... Ну, а если у вас ничего не случилось, – раздраженно сказал я, – никаких таких потрясений, то работать надо, Каридазова. Работать! А не по углам мыкаться!

Вот ребус, а! А может, перемотал этот Гришкин? Может, все-таки «Е» выпадало? Палец у него тонкий. Какой там к черту палец. Шило, а не палец... А если не перемотал, кто же тогда? Людмила Федоровна не полная блондинка. Скорее шатенка. Люка Изяславовна – благодарим покорно. Пусть она в подъемный кран влюбляется. Или в семафор. Софья Куприяновна? Софочка? Конечно, чистая блондинка, хоть пробу ставь. Но ведь на «С».

– Вас к Лиане Матвеевне!

– Куда?!

– К Лиане Матвеевне, – повторила рассыльная. Мать честная! Какой остолоп! Ну, конечно же, Лиана! «Ах, Павел Семеныч, этот привод у вас такой оригинальный! Ах, Павел Семеныч, вы считаете, как арифмометр!» Ха-ха! Привод! Повод, а не привод! Только круглый дурак мог не догадаться!

Так!.. Галстук на месте? Брр!.. Что за галстук! Тряпка, а не галстук! Удивительно даже, что, несмотря на этот галстук, такая женщина и... Нет, какой я все-таки осел!

– Сама вызывает? – остановила меня Софья Куприяновна.

– Сама Лиана Матвеевна! – с достоинством ответил я.

– Любопытно, что понадобилось этой крашеной мегере?

– Не понял. Что значит – крашеной?

– Боже! Как мужчины наивны! – сказала Софья Куприяновна. – Вы думаете, она натуральная блондинка? Черта лысого!

По дороге домой я ругал Гришкина последними словами. «Удавиться тебе на этой нитке, интриган!» – свирепо думал я.

– Ты ничего не замечаешь? – спросила жена, открыв мне дверь.

– А что такое я должен заметить?!

– Присмотрись внимательно, – сказала она.
– Пожалуйста! – я демонстративно посмотрел налево, потом направо. – Еще! Или достаточно? У нас появилась лишняя комната? Стал выше потолок?
– Нет, – сказала жена. – Просто я покрасила волосы... в рыжий цвет.
– Потрясающе! – всплеснул руками я. – Непонятно, почему дремлет радио!
И я ушел на кухню. И просидел там час. Но потом, подталкиваемый одной неотвязной мыслью, открыл дверь и крикнул:
– Люба! А, собственно, какого цвета ты была раньше?!

Рассказы из сборника

Шашлык

на свежем воздухе

1970 г.

ГИПНОЗ

Я прилежался в хвосте вагона, неподалеку от кондуктора, насколько возможно втиснувшись между сиденьями, чтобы занимать поменьше места. В троллейбусе было тесно – палец не просунешь.

Позади меня стоял крупный дядя в черной полудожке, какие обычно носят хоккейные болельщики. Вдруг он заволновался, задышал и, надав животом, спросил:

– У «Маяковского» выходите?

– У «Маяковского»? – переспросил я и поднял глаза кверху.

– Знаете что, давайте так: до «Маяковского» еще семь остановок. Это минимум двадцать минут. Кроме того, разочка два-три на поворотах соскочит штанга – так что кладите все тридцать. Поэтому сейчас постоим спокойно, через пару остановок помаленьку начнем пробиваться вперед, а там поменяемся местами, и вы...

Дядька суеверно посмотрел на меня и так яростно полез вперед, словно троллейбус охватило пламя. Меня он зацепил плечом, продавил до середины вагона и опрокинул на колени какойто старушки. «Нет худа без добра, – подумал я, тыкаясь носом в хозяйственную сумку. – По крайней мере – продвинулся».

– В центре сходишь, сынок? – улучив момент, спросила старушка.

– Отдыхайте, мамаша, – еще четыре остановки, – буркнул я.

Старушка поднялась, как загипнотизированная, прижала к груди сумку и молча стала проталкиваться вперед. Я с трудом вывернулся, работая одновременно на кручение и изгиб, и в результате расположился спиной к движению. Теперь передо мной оказалась миловидная дама. У нее был спокойный профиль, трогательные ямочки в уголке рта, розовое ушко застенчиво выглядывало изпод берета. В нервной обстановке вагона она была как глоток валерьянки, и я проникся к ней симпатией.

«Интересно, – подумал я, – правда это или нет: если долго и пристально смотреть на человека – он должен почувствовать взгляд и обернуться?» Дама почувствовала. Она медленно повернула ко мне лицо и спросила:

– Через одну сходите?

– Да... То есть нет, – смешался я.

– Так что же вы стоите! – вспыхнула дама, – Стоит, как пень! – И нанесла мне короткий, но чувствительный удар бедром.

– Граждане, пройдите вперед! – крикнула кондуктор. – Впереди свободнее.

Я послушался совета и немножко прошел. Тем более что миловидная дама как раз расчищала дорогу, энергично раздавая удары направо и налево тем самым способом.

Я бочком продвигался вперед и все время слышал, как меня неотступно преследует какойто возбужденный гражданин. Когда мы остановились, гражданин положил подбородок мне на плечо и жарко зашептал:

- На следующей схоишь?
 - Схожу! – сказал я, чтобы отвязаться.
 - А он схоит? – спросил гражданин, указав глазами на впереди стоящего.
 - Почему мне знать? – огрызнулся я.
 - А ты спроси, – настаивал гражданин.
- Я спросил. Впереди стоящий пообещал сойти.
- А перед ним схоит? – не унимался гражданин. Тот, что перед ним, тоже выходил.
 - А дальше схоют?
 - О, черт! – остервенился я и, расшвыривая локтями пассажиров, полез вперед.

Я добрался до самой кабины водителя и приник к ней спиной, втянув живот и распластав руки. Я почти впредселился в стенку кабины – так, что теперь мимо меня можно было идти в колонну по три человека. Путь был почти идеально свободен. Только напротив меня, нежно обняв поручень, стоял молодой человек. Но он никому не мешал. И ему тоже никто не застил. Видимо, молодой человек и сам чувствовал эту свою независимость – держался он довольно безмятежно и даже, вытянув трубочкой губы, чуть слышно чтото насвистывал. Случайно молодой человек встретился со мной взглядом. В глазах его промелькнула тень тревоги. Он перестал насвистывать и раскрыл рот...

- На следующей, – опережая его, прохрипел я, – сходите?

Молодой человек покорно вздохнул, отжал ногой дверь и выпрыгнул на ходу.

А ЧТО ДЕЛАТЬ?..

Свободных мест в ресторане, конечно, не было. Были свободные ряды. На столиках правого ряда стояли таблички – «Для делегаций», на столиках левого ряда лежали бумажки – «Не обслуживается».

Я быстро оценил обстановку и вернулся к буфету. Там я потолкался некоторое время, рассматривая витрину, пока не подошла молоденькая официантка.

– Уф! – сказала официантка, облакачиваясь на прилавок. – Замоталась!.. Триста коньяку, восемьсот водки и сто пятьдесят сухого.

Дождавшись, когда она унесет заказ, я повернулся к буфетчице:

- Скажите, пожалуйста, как зовут эту девушку?
- А вам для чего? – насторожилась буфетчица.
- Вопрос жизни, – сказал я и сделал роковые глаза.
- У всех у вас вопрос жизни, – ревниво поджала губы буфетчица. – Лена ее зовут...

Не успеет девчонка устроиться, как уже липнут.

Стоп! Такую информацию да пропускать!

- Она что – недавно здесь? – спросил я.
- Четвертый день, – сказала буфетчица. – Из кафе «Эврика» перевелась.

Ну, порядок в танковых войсках! Теперь я знал все что надо. И даже больше, чем надо.

Походкой светского льва я прошествовал к пустому столику, сел и небрежно отодвинул маскировочную табличку «Для делегаций». Четверо мужчин с соседнего ряда уставились на меня воспаленными глазами. Судя по расплывающейся из пепельницы горе окурков, они ждали заказ часа полтора и уже позеленели от табака и злости. Я скользнул по ним равнодушным взглядом и тоже закурил. Ага! – вот и моя краля.

- Привет, Леночка, – затормозил я ее. – Ты что это – из «Эврики»-то? Сделала тете ручкой?
- Да ну их! – сказала официантка. – Что я, железная!.. Посиди маленько – сейчас подойду. Она подошла через полминуты. На соседнем ряду тоскливо заскрипели стульями.
- Волнуются тудящиеся? – насмешливо спросил я.

- А! – тряхнула головой Лена. – Не облезут... Обедать будешь?
- Угу, – кивнул я. – Надо... подзаправиться... Суп молочный, котлеты паровые и кисель.
- Ну, даешь! – рассмеялась Леночка. – А выпить что?
- Уй! – сказал я, хватаясь за голову. – Лучше не говори! После вчерашнего слышать не могу!

- Где это ты так? – посочувствовала она.
- Было дело, – неопределенно сказал я. – Под Полтавой...

Минут через двадцать, плотно пообедав за делегатским столом, я отправился стричься. Из парикмахерского салона навстречу мне вышел молодой человек с трагическими, полными слез глазами.

- Дайте жалобную книгу! – петушиным голосом сказал он кассирше.

Затылок молодого человека был выработан частыми уступами, как открытый угольный карьер.

«Эге-ге! – подумал я. – Надо применить метод». И поймал за рукав пробежавшую уборщицу.

– Будьте добры, – зашептал я, – как зовут ту блондинку за крайним креслом, от которой только что встал этот клиент?

- А что? – спросила заинтригованная уборщица.
 - Вопрос жизни! – сказал я шепотом, прижимая руку к груди.
 - Ой! – радостно испугалась уборщица. – Таня!.. Только у нее муж!
- Муж меня не смущал. Даже два мужа.

– Привет, Танюха! – сказал я, усевшись в кресло. – Ну, как там твой угнетатель? Все... поживает?

– Поживает, – ответила блондинка. – Что ему сделается. Вчера на бровях домой пришел, паразит!.. А ты чего долго не был?

- Дела, мамочка, дела, – бодро сказал я.
- Держите меня, дела! – прыснула Таня. – Опять, поди, какая-нибудь юбка... Постричь тебя, что ли?

– Ага. Только покрасивее.

– Ну, что я говорила! – взмахнула ножницами Таня. – Конечно, юбка! Покрасивее его – не как-нибудь.

– На этот раз серьезно, старуха... Вопрос жизни. Ты уж постарайся.

– Тогда сиди, не дергайся, – сказала Таня. – Сделаем прическу, как на конкурс красоты...

Когда я, идеально постриженный, причесанный и надушенный, вышел в зал ожидания, молодой человек, непримиримо шмыгая носом, писал жалобу. «Молодец, – завистливо вздохнул я. – Упорный парень». Теперь мне оставалось купить сыну подарок и устроить еще кое-какие мелкие дела.

В детском магазине, в отделе игрушек, висел стихотворный лозунг:

«Куклы, погремушки и прочие игрушки

Мы предлагаем вам, дорогим нашим покупателям – малышам!»

Под лозунгом стояла продавщица, а против нее топтался какойто задетый за живое гражданин.

– Куклы вижу, – говорил покупатель желчно. – Погремушки тоже имеются. А где же прочие игрушки, а?

Продавщица высокомерно отворачивалась. Я заложил крутой вираж и двинулся к противоположному прилавку – «головные уборы».

- Как звать вашу подругу из игрушек? – спросил я.
- Мою подругу? – кокетливо прищурилась продавщица. – Ее звать Муся.
- Вопрос жизни, – на всякий случай пробормотал я и пошел обратно.

– Привет, Мусик! Ну, как план товарооборота? Выпо или перевыпо?
– Балдеж! – презрительно сказала Муся.
– Хм, – затоптался я. – Слушай, Му, ты этого, Пашку, помнишь?
Мусик вскинула брови.
– Еще Новый год вместе встречали, – подсказал я (встречала же она где-нибудь Новый год!).
– Это когда балдели? – спросила Муся.
– Вот-вот! Да помнишь ты его. Такой... весь на элеганте.
– Балдежный парень! – вспомнила Муся.
– Женился, – сообщил я. – С ребенком взял, представляешь?
– Обалдеть! – сказала Муся.
– Короче, завтра у его сына день рождения – подарок надо, соображаешь?
– Может, хоккей? – сказала Муся. – Тут от него все балдеют.
Она достала изпод прилавка страшно дефицитную игру «Хоккей» и начала заворачивать. И пока она заворачивала, у меня дрожали колени – я за этим хоккеем полгода гонялся по всему городу. Ну, кажется, на сегодня все: сыт, пострижен, подарок вот он – под мышкой! Ах, да! Чуть не забыл! – еще же надо туфли жены в починку отнести...

МОИ ДОРОГИЕ ШТАНЫ

Я принес в мастерскую химчистки брюки.
– В покраску? В чистку? – спросила девушка-приемщица и протянула руку.
– Минуточку, – сказал я, прижимая сверток к груди. – Вообще-то, в чистку... Только скажите – это долго, нет?
– Как обычно – десять дней, – ответила девушка. – Но если хотите, можете оформить срочным заказом. Тогда – пять дней.
– Пять ничего. Это меня устраивает. А какие гарантии?
– То есть? – не поняла девушка.
– Ну, чем вы гарантируете, что именно пять, а не шесть или семь?
– Такой срок, – сказала девушка. – Не я устанавливала. Обычно мы его выдерживаем.
– Хм... допустим... Это что же – в субботу можно будет забрать?
– Да.
– Суббота – короткий день, – намекнул я.
– Ну и что же? – спросила девушка.
– Вдруг не успеете.
– Постараемся, – заверила она. – Приложим все силы.
– Хорошо, – вздохнул я и отдал брюки. – Только учтите – вы мне обещали.
– Разумеется, – согласилась девушка, кинула туда-сюда штанины и сказала: – Износ – пятьдесят процентов.
– Да вы что! – обиделся я. – Значит, осталось их только выкрасить да выбросить. Пятьдесят!.. Когда же это я успел их так износить?
– Не знаю, – тихо сказала девушка. – Но износ все-таки пятьдесят процентов. Да вы не волнуйтесь. Это ни на чем не отразится. Просто формальность. Так положено.
– Ладно, пишите, – сказал я – Пишите... Вы организация – за вами сила...
Девушка тихонько вздохнула и стала выписывать квитанцию.
– Общее загрязнение, – отметила она.
– Конечно, я топтал их ногами, – буркнул я.
– Вы не так поняли, – снова вздохнув, сказала девушка. – Это значит, нет особых пятен, клякс и так далее. Просто легкое загрязнение. Почти чистые... Посчитайте-ка лучше пуговицы.
– Что, разве теряются пуговицы-то? – встревожился я.

– Мы их отпарываем, – пояснила девушка. – Потом обратно пришиваем. Четыре копейки с пуговицы.

– Четыре копейки! Ничего себе – сервис! Раз, два, три... А если какая-нибудь все же потеряется?

– Поставим свою, – сказала девушка.

– Свою?! Хотел бы я знать, где вы ее возьмете? Это же импортные пуговицы, немецкие. Пять, шесть, семь. Мелкие тоже считать?

– Считайте все.

– Ага... восемь, девять, десять. Интересно, а эта для чего здесь? Никогда ее не застегиваю... Вот черти драповые – понашьют пуговиц с неизвестной целью... одиннадцать, двенадцать... Тринадцать штук.

Ужас! На одних пуговицах пятьдесят две копеечки теряю. Я забрал квитанцию и вышел. Потом вернулся.

– Так, значит, в субботу? – еще раз переспросил я. – С утра можно прийти или лучше к обеду?

– Можно с утра, – сказала девушка. – Но лучше к обеду.

– А поточнее вы не можете сказать?

– Сейчас не могу, – ответила она.

– Что ж, заскочу завтра, – сказал я.

– Ну, как наши дела? – спросил я, заявившись на другой день. – Что вы на меня смотрите? Не узнаете? Брюки я вам вчера сдал. Серые. Пятьдесят процентов износа, как вы тут мудро установили.

– В производстве, – сказала девушка.

– Ишь ты! – удивился я. – Звучит-то как! Можно подумать, что у вас здесь машиностроительный гигант. В производстве, стало быть. А на какой стадии?

Девушка пожала плечами.

– Тэк-с, – оказал я. – Кстати: если какая-нибудь пуговица все-таки закатится бесследно, я тут в одном магазинчике присмотрел очень похожие. Запишите-ка адрес и как доехать: Юго-Западный поселок, Вторая Газобетонная...

– Да почему же она закатится! – возразила приемщица. – Раньше не закатывались...

– Что было раньше, меня не касается, – сказал я. – Пишите, пишите адрес – пригодится... Вот так-то лучше... Между прочим, вечером вас где найти можно?

– Это для чего еще? – вспыхнула девушка.

– Ну мало ли... Знаете ведь, как бывает: в обед еще ничего неизвестно, а к вечеру, глядишь, что-нибудь и прояснилось.

– Вечером я пойду в театр, – сказала она.

– Вы – в театр, – вздохнул я. – А мне по вашей милости не до театра. Ближайшие пять дней. А то и все десять...

Поздно вечером я все-таки дозвонился к ней – разыскал домашний телефон через справочное бюро.

– Какие новости? – спросил я. – Пока никаких? Жаль, жаль... А я тут кино смотрел по телевизору. Фитиль. Знаете ли, история, аналогичная моей. Тоже сдал человек в химическую чистку брюки, а получил обратно одну штанину. Что? У вас так не случается? Обе штанины будут на месте? Ну, посмотрим, посмотрим. Завтра зайду – поинтересуюсь...

Назавтра, когда я зашел в мастерскую, приемщицы там не оказалось. Вместо нее за барьерчиком сидел маленький грустный инвалид.

– Папаша, – обратился я к нему. – Тут раньше девушка была...

– Была-была, – сказал инвалид. – Была, а теперь сплыла.

– Обедает? – спросил я.

– Может, и обедает, – хмыкнул инвалид. – Кто же ее знает.

– Уволили? – сообразил я.

– Сама ушла, – сказал инвалид и горестно моргнул глазами. – Доел ее тут один гад... из клиентов... Какого работника потеряли! Можно сказать, на ней вся мастерская держалась. Теперь опять начнем штаны населению дырывать да пуговицы терять...

ЕМУ ТРУДНЕЕ

Жизнь прожить, уважаемые товарищи, – не поле перейти. Бывает, поле переходишь – и то в какую-нибудь колдобину забабакнешься. А в жизни все гораздо сложнее. То и дело случаются разные неприятности, утраты, изъяды и недоразумения. И в такой ситуации хорошо иметь родственную душу, доброго приятеля, к которому можно зайти в любое время и поделиться своими осложнениями. Ну, если не помощь получить, то хотя бы поматюгаться вместе в адрес этих непредвиденных неприятностей и недоразумений. Или просто помолчать.

У меня, к счастью, такой знакомый имеется. Очень удобный в этом смысле человек. Достаточно минут пятнадцать с ним пообщаться, как все ваши личные неприятности отлетают на задний план.

Помню, первый раз я к нему зашел, когда меня обчистили в трамвае. Какой-то сукин сын вырезал карман у нового демисезонного пальто, вместе с деньгами и двумя пригласительными на торжественный вечер по случаю праздника Восьмое Марта. Даже пачку сигарет забрал, подлец. Начатую.

И вот я оказался в таком дурацком положении. Во-первых, курить страшно хочется от волнения – а нечего. Во-вторых, денег на обратный проезд нет. Деньги у меня вообще были. Во внутреннем кармане лежало четырнадцать рублей. Но не мои – профсоюзные. И я к ним, конечно, притронуться боялся. Дай, думаю, зайду к приятелю – он как раз тут поблизости живет. Посижу у него, перекурю и мелочи стрельну на дорогу. И зашел.

Приятель оказался дома. Он стоял посреди комнаты, а вокруг него лежали не полностью еще распакованные венские стулья.

– Привет, – поздоровался я. – С обновкой тебя, выходит? Ну, поздравляю. Я вот тоже пальто завел себе новое. Вернее, было новое. До сегодняшнего дня. А сегодня какой-то...

– Купил вот, как видишь, – перебил он меня. – Да разве это стулья? Дрова это! – он мрачно пнул ногой ближайший. – По девять рублей штучка. Последние деньги угробил – завтра побираться пойду. А на черта они мне нужны? – спроси. Ты думаешь, я на них сидеть буду? Да пусть меня лучше расстреляют! У меня вон табуретка есть. И то я ей не пользуюсь. Я в крайнем случае на корточках посидеть могу. А эту поганую табуретку на всякий случай держу – может, повеситься с нее придется.

– Да что ты, что ты! – испугался я. – Какие слова говоришь! Тебе еще жить да жить. Ну, купил, ну, аллах с ними – со всяким бывает. Запихай их в кладовку или на балкон выбрось...

Часа полтора я его утешал. Коекак поднял настроение. Денег дал взаймы до получки – казенных. Восемь рублей. А сам пошел домой пешком. За карман свой выпластанный уже, конечно, не держался. Господи! – что там мой ничтожный карман, когда у человека такие потрясения!

В другой раз я завернул к нему, когда мне в очередной, уже четвертый, раз отодвинули очередь на квартиру. Нашелся более нуждающийся товарищ, который в связи с переездом на его жилплощадь престарелого папаши не мог дальше помещаться с женой и двумя детьми в прежней трехкомнатной секции. Понятно, домой заявляться с такими новостями для меня было нож острый, и я побрел к нему.

Он как раз затаскивал на четвертый этаж только что купленное пианино. То есть заносили, разумеется, нанятые грузчики, а он стоял внизу и истерично выкрикивал:

– Так!.. Бей его о ступеньки! Царапай! Вали его, сволоча, набок! Ломай его! Уродуй!..

Увидев меня, он сделал плаксивое лицо и сказал:

– Есть у тебя раскладушка, старик? Ночевать попрошусь – не выгонишь?.. Мне уж теперь здесь не жить. Здесь теперь пианино жить будет. А я по квартирам пойду. На постой! В Закаменку, к спекулянтам! Докатился до веселой жизни!

Я охнул и, развернувшись, рысью побежал в магазин за бутылкой – сразу понял, что его в таком состоянии насухую не утетишь. Никакие слова не возьмут...

Когда у меня сгорел сарай вместе с мотоциклом «Ява», я уже знал, куда надо идти. Правда, нашел его не сразу. Оказалось, что он сменял квартиру и переехал в другой район. Пришлось разыскивать по адресу. Застал я его в чрезвычайно угнетенном состоянии. Он лежал на кушетке, отвернувшись лицом к стене, и первое время даже не отвечал на вопросы. Только отбрыкивался локтями. Потом перевернулся на спину и, уставив скорбные глаза в потолок, тихо спросил:

– Ну, видал?

– Кого?

– Квартиру? – скривился он.

– Еще бы. Аэродром!

– Конура, – сказал он. – Да не в этом дело. Ты комнаты сосчитал?

– А как же! Четыре штуки. Причем две несмежные. Люкс! Помирать не надо.

– Теперь соображаешь? – спросил он. – Четырехкомнатную легче на две отдельные поменять. Я только сейчас дотумкал. Лежал, лежал – и дотумкал.

– Зачем же тебе менять? – удивился я. Он горько усмехнулся.

– Мне-то не надо, – и, приподнявшись на локтях, шепотом сказал: – Бросить она меня решила! Понял?

– Кто? Тася?.. Да что ты плетешь, опомнись!

– Точно, – сказал он. – Сомнений больше нет. Сам подумай: зачем ей четыре комнаты понадобилось? Площадь-то почти не прибавилась – каких-нибудь три квадрата... Бросит, змеюга. По глазам вижу.

– Ладно, – сказал я. – Лежи. И будь спокоен. Я с ней поговорю...

А сегодня у меня особенно мрачный день. Строгий выговор объявили. За растрату профсоюзных средств. И как я про те восемь рублей забыл!

Вдобавок еще пальто новое, которое я после вырезания кармана в ремонт относил, в четырех местах прожгли. Насквозь, до подкладки. Но это все семечки по сравнению с тем, что случилось у него. Он на днях телевизор выиграл по лотерее – Рубин 106. Надо идти к нему. Может, сумею чем-нибудь помочь.

УЙМИТЕСЬ, ВОЛНЕНИЯ СТРАСТИ

Вот, говорят, – инфаркт-инфаркт... Будто бы в наше время без него обойтись почти невозможно. Инфаркт там, невроз и так далее. И даже если у которого человека случается инфаркт, то его имя уже начинают произносить с уважением и почтительностью. Дескать, слышали? – у такого-то инфаркт. Словно, такой-то получил повышение

по службе.

Лично я считаю, что это не такая уже неизбежность. И в наше время можно прожить спокойно и положительно. Надо только всегда правильно объяснять окружающие жизненные явления. Чего, к сожалению, многие товарищи делать совершенно не умеют.

Вот, сегодня, к примеру, встречаю я своего близкого соседа Федю Костромина. Встречаю при следующих обстоятельствах. Прихожу утром на остановку, жду трамвай. Спустя некоторое время трамвай подходит. Хороший такой трамвай, еще довольно целый, вполне пригодный к эксплуатации. А в самом вагоне, вижу, сидит ужасно мрачный Федя Костромин и от большого расстройства грызет ногти.

Вот, думаю, странное дело: едет человек в таком замечательном трамвае, не стоя едет – сидит, и более того – рядом место свободное. А между тем, на лице совершенно безрадостное выражение.

– Здравствуй, Федя, – говорю, – чего это ты угрюмый такой?

– Будешь тут угрюмым, – отвечает Федя. – Опять наши пермякам продули.

– Так, – говорю я, быстро смекая, в чем дело. – А Пермь, Феденька, она что – в Америке находится?

– Обалдел ты! – говорит Федя. – Наш, советский город. Такое не знать!..

– Хорошо, – продолжаю я. – Допустим, иногда и наши ведут себя хуже ихних. Они как, пермякито, грубили, подножки ставили или клюшками по головам?

– Да нет, – говорит Федя. – Корректно играли, сволочи!

– Может, судья попался несправедливый? – спрашиваю.

– Брось! – говорит Федя, воспаляясь. – Я за такого судью голову отдам.

– Отлично! – киваю я и подвожу итог. – Что же получается, Федя? Наши советские хоккеисты проиграли нашим же советским хоккеистам, как более подготовленным в техническом отношении. Причем судейство велось на высоком принципиальном уровне. Значит, трезво размышляя, мы приходим к выводу, что места огорчению здесь не должно быть. Теперь ты видишь, что твое горе как бы

недействительно?

– Верно, – соглашается Федя. – Верно, твою-мою бабушку! Так оно и есть. – А сам откидывает правую руку – совершенно уже без ногтей – и принимается за левую.

...Приезжаю на работу и застаю следующую обстановку: сотрудники мои – Ойкина и Рубанович – сидят, закусив удила, и подчеркнута не смотрят друг на друга.

– Прошу ко мне, товарищи, – говорю я. – В чем дело?

Дело в том, что Ойкина вчера посмотрела итальянский фильм «Рокко и его братья» и сегодня пришла на работу с мигренью, потому что ей очень жалко героиню фильма, ну, ту самую, извиняюсь, проститутку, которую один из братьев зарезал. Дескать, ей жалко эту, виноват, героиню, за ее изломанную жизнь. Рубанович же, сам в прошлом боксер, категорически возразил, что такую шлюху мало зарезать.

– Минуточку, – говорю я. – Давайте разберемся. В чем суть вашего конфликта? Во-первых, дело происходит в чуждом нам капиталистическом обществе. Во-вторых, эта конкретная история, хотя и подчеркивает общую закономерность, конечно, вымышлена. И, следовательно, в-третьих, режут там не живого человека, а киноактрису, и режут не понастоящему. Так что, вполне возможно, сейчас эта артисточка сидит где-нибудь и попивает кофе или винцо, вполне довольная и счастливая. Теперь вы понимаете, товарищи, что ваши огорчения и ваш конфликт не имеют под собой реальной почвы?

Ойкина промакивает платочком слезы и, краснея, отворачивается. Рубанович шевелит бровями и бормочет:

– Гм... Действительно...

– Ну, раз так – пожмите друг другу руки и – за работу.

– Лучше я эту руку под трамвай суну! – взвизгивается Ойкина.

– А я, если на то пошло, – заявляет Рубанович, – лучше этой рукой напишу заявление об уходе.

...Вечером дома застаю жену в слезах. Оказывается, у них в институте было собрание, и председателем месткома большинством в четыре голоса вместо Жучика избрали Волчика.

– Послушай, дорогая, – говорю я. – Этот Волчик, насколько мне известно, не растратчик?

– Честнейший человек! – дергает плечом жена.

– И не пьяница, надеюсь?

– В рот не берет! – с вызовом отвечает жена.

– Вот видишь. А Жучик, мне говорили, хоть и не злоупотребляет, однако не отказывается от рюмочки-другой. К тому же, если коллектив выразил свою волю...

– Свою! – нервно говорит жена. – А чью же еще, ха-ха! Конечно, свою!

– В таком случае я не вижу причин...

– Ох! – говорит жена и включает на полную мощь телевизор. Включает и садится к нему лицом.

Телевизор грохочет, но мне все равно слышно, как жена там, возле него, всхлипывает и сморкается...

ОДИН

С работы я обычно хожу один. А на этот раз присоединился к Гайдукиной Марье Ивановне. Не то чтобы мы с Гайдукиной были в каких-то очень дружеских отношениях, а просто у нее из всех наших сотрудников особенно доброе лицо. Отзывчивое какое-то. Вот я с ней вместе и подгадал.

Прошли мы некоторое расстояние, вдруг Гайдукина слегка так вроде бы занервничала и говорит:

– Что-то вы не торопитесь. Медленно очень шагаете.

– Да куда же, собственно говоря, торопиться? – сказал я. – Некуда мне больше торопиться, дорогая Марья Ивановна... Жена от меня ушла.

– Вот тебе раз! – удивилась Гайдукина. – Чего это она?

– Так ведь, знаете, как бывает, – горестно пожал плечами я. – Характерами, говорит, не сошлись.

– Ай-яй-яй! – сказала Гайдукина. – Ай-яй-яй.. А я, знаете ли, тороплюсь. Спешу очень. За телефон надо успеть заплатить. А то грозились обрезать.

– Да-а, – вздохнул я. – Вот так... Не сошлись, говорит, характерами...

– И что это у них за манера такая – возмущенно сказала Гайдукина. – Чуть что – угрожать. За телефон не уплатил – обрежем, за свет немножко опоздал – обрежем. А телефон этот, прости господи, никуда не дозвонишься.

– Это уж точно, – согласился я. – Скорее бегом добежишь, чем по телефону.

– Мне бы кому чего обрезать! – сказала Гайдукина. – Ну, я направо. До свидания.

И она свернула. А я побрел дальше один. Так я прошел квартала два и неожиданно встретил хорошего своего приятеля Мишу Побойника.

– Миша! – сказал я. – Мишенька! Бог тебя послал. Давай зайдем куданибудь, выпьем по стаканчику.

– Черт! – обрадовался Миша. – Ты как в воду глядел! Сам только об этом подумал, да очень уж одному скучно.

Мы зашли в закусочную, взяли по стаканчику.

– Хоть бы поинтересовался, с чего это я выпиваю, – грустно сказал я.

– А с чего ты выпиваешь? – хмыкнул Миша. – Похмеляешься, небось?

– Хуже, Мишенька... Гораздо хуже. Жена от меня ушла.

– Совсем, что ли? – спросил Миша.

– Навсегда. Характерами, видишь ли, не сошлись.

– Это причина, – сказал Миша. – Это, брат, такая причина... – Он покачал головой. – Мда... А я похмеляюсь. Вчера у Жорки Виноградова были, ну и налились, конечно. До помутнения. И, ты понимаешь, обратно шел – подошву оторвал. Штырь какойто из асфальта торчал, представляешь? Я об него и царапнулся. Еще совсем новые туфли были. Импортные. Коричневые... И главное, куда я эту подошву сунул, убей, не помню! Утром пошел в мастерскую. Ничего, говорят, сделать не можем, товар импортный, мы такого не имеем. Ты понял, а? Задри-

панной подошвы у них нет. Мировые стандарты, понимаешь!.. Ну, пришлось другие купить. Во! Как находишь?

– Вполне, – оценил я, – подходящие ботиночки.

– Тридцатку отдал, – сказал Миша. – С этого бы дорожного начальника слупить стоимость, чтоб помнил, гадюка!.. Ну, еще по стаканчику?

– Давай, – сказал я. – За твои новые туфли.

Мы выпили еще по стаканчику, и я отправился домой. Возле нашего подъезда в задумчивой позе стоял мой сосед с ведром в руках.

– Здравствуй, Петрович, – приподнял я шляпу. – На закат любимся?

– Ага, – сказал Петрович. – Машину караулю мусорную.

– Кури. – Я протянул ему пачку «Беломора». – Ленинградские, имени Урицкого.

– Можно, – сказал Петрович. Мы закурили.

– Заходи вечером в шахматы сразиться, – пригласил я. – Теперь свободно, Петрович.

Никто мешать не будет. Ушла от меня жена-то, слышал? Бросила...

– От, лахудра! – сказал Петрович и плюнул папиромой. – Опять к четырнадцатому дому завернула!

И он резво погнался за мусорной машиной, держа на отлете ведро.

В ЭТОТ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

– Смотри, смотри, – толкнул меня локтем Левандовский. – Опять красавица!

Я посмотрел. Навстречу нам действительно шла красавица. Уже седьмая – на протяжении двух кварталов. Она шла празднично и счастливо, будто несла свою красоту на вытянутых руках, распахнуто и хлебосольно даря ее улице. «Я красива, красива, красива!» – отстукивала она каблукками, и лукавая улыбка вздрагивала на ее губах: «Любуйтесь, любуйтесь!..»

– Ффууу! – перевел дух Левандовский и вдруг схватил меня за руку. – Гляди, еще одна!

Тут он закружился на тротуаре, как щенок, которому внезапно отдавили лапу.

– Не могу больше, – ослабшим голосом пробормотал Левандовский. – Свернем на другую улицу.

Мы свернули на другую улицу с неподходящими для существования красавиц условиями: по этой улице громыхали трамваи и мчались, разбрызгивая перемешанный с грязью снег, многотонные само-

свалы.

– Ах-ах, старик! – заговорил Левандовский, неразборчиво ступая по жирным бензинным лужам. – Эх-эх, гонимы вешними лучами...

Против трамвайной остановки «Пляж», сбившись в кружок, стояло десятка полтора мужчин. Они стояли, опустив плечи, и сосредоточенно, как часовщики, рассматривали что-то, находящееся в центре.

От этой толпы вдруг шагнул к нам человек и, отвернув полу телогрейки, показал ларец, доверху насыпанный зеленым изумрудом.

– Берем? – спросил он.

– Что это? – замлел восхищенный Левандовский.

– Мормыш, – таинственно шепнул человек.

– Не берем, – сказал я. – Мы не рыбаки.

– Они не рыбаки! – с мукой в голосе выкрикнул человек. – Не рыбаки они!!! Видали таких?

– А может, возьмем? – спросил Левандовский, и глаза его нежно заголубели. – Ведь они живые. Смотри – шевелятся. Давай возьмем, а?

– Ладно, – сказал я. – Только вместе с ящиком. Отдашь с ящиком, хозяин?

– С ящиком! – невыразимо страдая, закричал человек. – Они хотят с ящиком! Видали?.. Ну, берите!

Мы купили изумрудных мормышей и пошли дальше по улице, безопасной в смысле кра-
савиц.

– Ай-ай-ай, старик! – бормотал Левандовский, прижимая к груди ящичек. – Ай-ай-ай!
С окрестных гор уже снега... сбежали.

В одном месте из подвального оконца дома выпрыгнула мышь. Она села на крышку кана-
лизационного колодца и быстро зашевелила носиком. В Левандовском вдруг проснулся охот-
ник.

– Гу! – закричал он и погнался за мышью. Мышь, спасаясь, сделала крутой зигзаг. Леван-
довский затормозил, высекая подкованными ботинками искры из асфальта. Мышь улепеты-
вала в переулок.

– Ы-эх! – крикнул Левандовский и метнул в нее шапкой. Но промахнулся... – Ты видел? –
возбужденно сказал он, вытряхивая шапку о колено. – Мышь! Живая! В городе! Ах, черт,
не накрыл! Вот бы Алешке ее. Представляешь?..

Возле дома Левандовского пацаны гоняли грязный мяч.

– Кыня, пасуй! – забегая сбоку, умолял тоненький, интеллигентный мальчик. Но красно-
мордый индивидуалист Кыня не пасовал. Тяжело сопя и валяя защитников, он ломился к воро-
там в одиночку.

– Пасуй, Кыня! – страдал тоненький. – Ну, пасуй же!

Кыня все-таки пасанул, и тоненький с ходу пробил по воротам. Плохо надутый мяч про-
шел выше воображаемой штанги и угодил в лицо невольному зрителю Левандовскому.

– Весна, – сформулировал, наконец, Левандовский, оскребая со щеки лепешку грязи.

Тут из подъезда вышла Левандовская, посмотрела на травмированного мужа и сказала:

– Опять натрескался?

– Клава, посмотрика, что у нас, – заулыбался Левандовский и открыл ящичек с мормы-
шем.

– У тебя семья есть? – дрожащим от негодования голосом спросила Клава.

– А что такое? – обеспокоился Левандовский.

– Есть у тебя семья? Долг? Обязанности?.. Я тебя просила соли купить, а ты!..

– А я купил! – обрадовался Левандовский. – Вот! – Он достал из кармана пачку соли.

– Потвоему, это «Экстра»? «Экстра» это, мучитель?! – И Клава шмякнула пачкой
о землю. Пачка взорвалась, и крупная непервосортная соль застучала по бурым штанам Леван-
довского.

– Тэкс, – сказал он, провожая взглядом жену. – Слушай, ты не знаешь, к чему это, когда
соль рассыплется?

Правый глаз его, в который било отраженное от мормышей солнце, казался зеленым
и озорным; левый из центра грязного пятна смотрел печально и растерянно.

НАШ ХОЛОСТОЙ ДРУГ

Семен Разгоняев поискал глазами – куда бы бросить окурочек, ничего подходящего
не нашел и пульнул его в дальний угол комнаты. После этого Семен брезгливо сказал:

– Ну и озверел же ты здесь! Ужас просто. Жениться тебе надо, а то совсем очертенеешь.

– А правда, Игореша! – оживился Левандовский. – Что это ты теряешься? Квартиру ты
раньше всех нас получил – уже лет шесть у тебя в преферанс играем... Шесть или семь?

– Семь, – сказал Трущеткин.

– Ну вот, видишь! Семь лет. Мы уже детей понарожали, а ты все как был.

– Да я не против, – зарумянился Трущеткин. – Я разве против. Женили бы вы меня,
ребята, а?

– Женим, женим, – рассеянно пообещал Миша Побойник. – Почему не женить...

Тут Побойник раскрыл карты и увидел, что ему пришло шесть пикей...

– Раз! – сказал он. Остальные спасовали. Миша взял прикуп – и тем обнаружил еще пикового туза.

– Женим, старик! – бодрым голосом заверил Миша Трущеткина. – Еще как женим! В ногах валяться будешь. Приходи завтра к нам – я тебя с подругой жены познакомлю...

В следующую пятницу, вечером, к томившимся во дворе на скамеечке Мише Побойнику и Семену Разгоняеву подошел Левандовский.

– Привет! – поздоровался он. – Слыхали новость? Трущеткин женится.

– Иди ты! – не поверил Семен.

– Точно, – сказал Левандовский. – Больше не на что подумать. Второй день моет полы.

– Заливаешь, – отмахнулся Разгоняев. – Чтобы Трущеткин пол мыл!..

– Не веришь – позвони, – сказал Левандовский. Семен пошел к автомату и набрал номер Трущеткина.

– Здорово! – крикнул он в трубку. – Чем занимаемся?

– Пол мою! – счастливым голосом ответил Трущеткин.

– Чего это ты? – неодобрительно поинтересовался Семен. – До октябрьских еще далеко.

– Женюсь, Сема! – хихикнул Трущеткин. – Вроде как женюсь.

– Ах, женишься! – протянул Разгоняев. – Ну, давай, давай... Дело хозяйское. Жениться – не напасть, как бы женившись не пропасть.

– Это ты о чем? – насторожился Трущеткин.

– Да нет, ничего, – сказал Разгоняев. – Так я... Тут ведь раз на раз не приходится. Некоторым, бывает, даже повезет. Редко кому, правда... Ты-то свою давно знаешь?

– Да уже... неделю, – сказал Трущеткин – С того дня, как у Миши познакомились.

– Неделю! – ужаснулся Семен. – Вот это стаж! Ты хоть запомнил, какого она цвета?

Небось, на улице встретишь – не узнаешь.

– Почему не узнаю, – обиделся Трущеткин. – Она блондинка.

Обратно Разгоняев вернулся мрачный.

– Женится, мазурик! – сказал он. – На блондинке. На Мишкиной протееже...

– Как на блондинке?! – подскочил Миша Побойник. – Вот это хохма! Ну-ка, дай двушку. – И он рысью ударился к телефону.

– Привет! – сказал Миша, услышав далекий голос Трущеткина. – Это я. Пол, что ли, моешь?

– Ага, – подтвердил тот. – Домывал. Да тут Сема позвонил – теперь уже и не знаю.

– Слушай, – затоптался в будке Побойник. – Такое дело, понимаешь... Надо бы мне сразу тебя предупредить, как друга... Но лучше поздно, верно?.. В общем, не блондинка она, старик, Ну, красится, понял? То ли хной, то ли какой другой чертовщиной. Мелочь, конечно, в наше время... Но считаю своим долгом. Чтобы обид не было... И потом еще одна штукавина – замужем она была. Ты слушаешь? Ну вот... И муж от нее ушел. Или ушел, или она его поперла – не знаю – дело семейное, темное. Короче, сбежал он. В Норильск. Может, сам гусь добрый, а может, она догрызла – тут гадай не гадай... Зола, конечно, в наше время. Но я тебе сообщил, имей в виду. Чтоб разговоров потом не было...

– Ну, хохма! – повторил Миша уже на скамейке. – Едва успел.

Помолчали.

– Так что, пульку сообразим? – сказал Левандовский.

– А где? – спросил Семен Разгоняев. – Квартирка-то улыбнулась.

– Об этом я не подумал, – бледнея, сознался Левандовский.

– Не подумал! – желчно передразнил Семен. – Чужой дядя за вас думать будет!

– Пойду, – сказал Левандовский, поднимаясь. – Пойду к нему! – решительно повторил он и застегнул макинтош. – Все выложу. Всю подноготную своей семейной жизни. Молчал я, ребята, вам ничего не говорил. А теперь нельзя. Раз такое дело.

– Холодище у тебя собачий! – сказал Миша Побойник, дуя на пальцы.

– Так зима же на дворе, – объяснил Трущеткин.

– А верно, Игореша! – поддержал Побойника Левандовский.

– Зима – зимой, а ты бы окна заклеил.

– Да гори они! – махнул рукой Трущеткин – Я вон лучше фуфайку надену. Много мне надо, одному? Другое дело – когда семья. Женили бы вы меня, ребята, а?

– Женим, женим, – рассеянно пообещал Семен Разгоняев, сдавая карты – Почему бы не женить...

ШАШЛЫК НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

У нас тут с недавних пор ввели новшество – шашлыки на городском пляже затеяли продавать. Да не какие-нибудь поджаренные на сковородке и для блезиру насаженные на шампура, а естественные. Поставили жаровню; повар возле нее крутится – настоящий грузин или, может быть, армянин; два подручных у него – один угли ворошит, другой мясо готовит. В общем, – конвейер.

При нашем резко континентальном климате и, стало быть, очень жарком лете – полная имитация Кавказа. Не надо в Сухуми ехать или куда на Пицунду. И, конечно, среди отдыхающих на пляже это дело сразу получило громадную популярность.

В прошлое воскресенье мы с Жорой Виноградовым тоже соблазнились. Подошли и заняли очередь. Очередь порядочная – человек восемьдесят голых людей. Однако двигается. И довольно быстро. Как минута – шашлык, как еще минута – еще шашлык. Конечно, большинство товарищей берут по два, так что, в общем и в целом, время удваивается, но, в принципе, терпимо.

Ну, значит, стоим – ждем. Слюнки пускаем. Как вдруг сбоку, слева, подходит к повару какой-то гражданин в кепочке, повыходному одетый, и говорит:

– Здорово, Гога. Подкинь-ка мне один прутик. А то жарко что-то.

– А-а, – говорит повар, не переставая орудовать возле жаровни, – салям, салям, – и подкидывает этому гражданину одну порцию, какая получше.

Ну, мы молчим. Не возражаем. Видим, ничего здесь особенного – вполне рядовое явление. Когда человек на такой жаре целый день возле огня калится – имеет он право угостить хорошего знакомого? Имеет.

Дальше события развиваются так: этот, в кепочке, быстро очистил прутик – видно, действительно, крепко согрелся человек – и говорит:

– Давай второй.

Очередь опять молчит. Отчасти потому, что народ у нас все же очень терпеливый, отчасти потому, что каждый, наверное, думает про себя: «Ну, кто не без греха». Да... А этот, в кепочке, доел второй шашлык и говорит:

– Давай третий.

Тут самая передняя гражданка не выдержала.

– Послушайте, товарищ, – говорит, – это уже свинство! Ну сколько можно? Ну один, ну два, но не три! Я полтора часа отбухала на солнце, а теперь должна ждать! Что – этот гражданин привилегированный или красивее других?

– Зачем красивее? – отвечает повар. – Это грузчик наш.

– Что-то он не похож на грузчика! – замечают из очереди. – Ишь, выфрантился!

– А он сегодня выходной, – поясняет один из подручных.

Ну, ладно. Опять замолчали. Раз грузчик – это понять можно. У нас ведь людям лишнего объяснять не требуется. Черт с ним, пусть этот грузчик нажрется своих подопечных шашлыков – мы не облезем.

А грузчик между тем прикончил третий шашлык и говорит:

– Давай четвертый.

Жора Виноградов позади меня захлебывается:

– Ах, наглец! – и тычет в спину кулаками. Я повернулся, схватил его за плечи.

– Жора! – говорю. – Тише! Меня-то не калечь – я тут при чем?

Но у него уже глаза стеклянные, и он, кроме этого выходного грузчика, никого и ничего не замечает. А грузчик, видать, насчет дипломатии ни в дугу – никак не может оценить обстановку. Утерся и говорит:

– Давай пятый!

... Короче – на седьмом шашлыке все и произошло. Задние поднаперли, передние не удержали, а может, не захотели удерживать – жаровня перевернулась, шашлыки – в разные стороны, угли на землю. Там кто-то необутыми ногами по углям прошелся – и, боже мой, что началось!..

Милиционер прибежал, а кого забирать – не знает, все же голые. Ну, он схватил этого будто бы грузчика – как одетого. И еще одного постороннего товарища замел – при галстукке и лицо довольно интеллигентное.

Мне лично за все это сделалось стыдно – за это, в общем-то, стихийное недоразумение и мое невольное в нем участие.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ВЕСТИБЮЛЯ

– Все! – стукнул ладошкой по столу Миша Побойник. – Завтра же идем в театр!

– Верно! – поддержал его я. – А то живем, понимаешь, как свиньи. От всех вейный отстали. Два выходных нам дали, как людям. А мы куда их? То в «Подснежник», то в «Березку», то в «Незабудку», то в этот... как его...

– Точно... в этот, – покаянно моргнул Миша.

– Надо же – два года в театре не были!

– Я – три, – сказал Миша.

– И никаких откладываний на завтра! – заявил я. – Сегодня же пойдем. Немедленно!

– Сегодня? – растерялся Миша. – Тогда вот что: сейчас хватаем такси, рвем домой, быстренько гладим штаны, бреемся, надеваем галстуки...

Через какой-нибудь час – выбритые, отутюженные, при галстуках – мы, вытягивая от нетерпения шеи, медленно переступали ногами в солидной и воспитанной театральной очереди. Билетерши в дверях не оказалось. Вместо нее усатый гренадер с обтянутыми ляжками рвал билеты, а корешки колот на трехгранный штык.

– Елки-палки! – от восхищения замотал головой Миша. – В «Березке» ты такое увидишь?!

– Хе! – сказал я. – Нашел, что вспоминать!

Дальше, в глубине вестибюля, стояли три румяные девушки в сарафанах и средняя держала на вытянутых руках хлеб-соль. Ну, девушек этих с хлебом-солью мы обошли. Черт его знает, может, начальника какого ждут на спектакль, а мы тут выпремся. Миша только, глотнув слюну, сказал:

– Между прочим, старик, с этой самодеятельностью мы сегодня останемся без ужина. Чувствуешь?

– Чувствую, – огрызнулся я. – Говорил тебе: не возись со штанами. Сходил бы в неглаженных – не облез, Зато успели бы забежать в «Незабудку» – перекусить.

Миша хотел что-то ответить, раскрыл рот и – оцепенел. Возле колонны четвертая девушка торговала настоящими блинами. Некоторые загодя пришедшие зрители уже наедались ими, держа в руках бумажные тарелочки.

– Еще есть время, – толкнул я застывшего Мишу. – Возьмем по парочке.

– Зачем по парочке, – очнулся Миша. – Возьмем по четыре. Блины – это вещь... под водочку. Так они не идут.

– Господи! – сказал я. – Что ж ты топчешься?! Давай тогда бегом – на второй этаж, в буфет. Выпьем по стаканчику – и сюда, закусывать.

– Ты что, тронулся?! – вытарашил глаза Миша. – Там же дикая наценка. Театральная. В буфет ему, пижону, – когда гастроном в трех шагах.

Мы кинулись к выходу.

– Браток! – сказал Миша, хватая гренадера за рукав. – Выпусти нас! Смотри – мы даже не одетые. Только доскочим тут в одно место – и сразу назад.

– Нельзя, товарищи, не положено, – нахмурился гренадер.

– А ты будь человеком! – сказал Миша.

– Все, все! Через пять минут начало!

– Товарищ! – взмолился я. – Посмотри – из нашей форточки уже дым идет! – я ткнул пальцем в окно на какую-то дымящую трубу. – Мы уют дома забыли!

– Ладно, – сдался гренадер. – Только по-быстрому...

В театральном буфете, куда мы скоро прибежали, было уже проще. Два стакана томатного сока, хоп, хоп! – и тара подготовлена. Конечно, в домашних условиях делаешь по-другому: сначала льешь водку, а уже сверху томатный сок. Но в театре – не дома. Театр, в этом смысле, имеет свои недостатки.

– Ну, – оказал Миша, катнув под столом пустую бутылку. – Быстро вниз, а то блины расхватывают.

Блины внизу не расхватали, однако продажу их уже закончили, поскольку звенел как раз третий звонок.

– Дочка! – отчаянным голосом сказал Миша. – Мы эту постановку уже видели. Там первое действие – мура, мы сразу на второе пойдем.

– Нельзя, мальчики, – улыбнулась продавщица. – Запрещают нам здесь. Или ждите антракта, или поднимайтесь в буфет. Какая вам разница – блины-то все равно оттуда.

В буфете блинов оказалось навалом. Как это мы сразу не сообразили. Мы взяли по восемь штук.

– Елки-палки! – сказал Миша, расстроено глядя на наши полные тарелки. – Как же их теперь есть... без водки. Если бы сразу... А ну сиди здесь, жди, я пойду с этим усатым потолкую. Какая ему теперь разница – постановка так и так началась.

...Между предпоследним и последним антрактами Миша и гренадер сошлись возле дверей врукоташную – этот змей принципиально не хотел выпускать нас за третьей бутылкой...

Сейчас Миша лежит в больнице, с двойным переломом ноги. Он сломал ее, когда мы отступали по лестнице от гренадера и трех гусар, прибежавших ему на выручку. Но духом Миша не упал. Недавно я навестил его, отнес передачу. Разные там апельсины-мандарины и кое-что другое в банке из-под сливового компота.

«Иди под окно», – написал Миша. Я пошел.

Миша стоял одной ногой на подоконнике, вцепившись руками в раму. Ждал меня.

– Ну как, достал?! – крикнул он через приоткрытую форточку.

– Ага! Вот они! – я помахал толстой пачкой абонементов. – На весь сезон!

– Молоток! – похвалил меня Миша. – Смотри, без меня не ходи! Я скоро выпишусь!..

НЕМНОЖКО ВЫДУМКИ...

Культбытсектор Муся Прозрачных, ставя нам первую тройку за относительную чистоту, сказала:

– Ну вот, ребята. У вас стало опрятнее. Честное слово. Теперь надо придумать что-нибудь более эффективное. Систему штрафов, например. Вы же такие изобретательные.

Муслино предложение показалось нам дельным. Мы тут же сорвали расписание дежурных и повесили вместо него прејскурант нарушений.

За курение в комнате – 10 копеек.

За лежание на постели в верхней одежде – 15 копеек.

За ругательство – 5 копеек (пословно).

За плевание на пол – 8 копеек.

В первую неделю сумма штрафов составила 6 рублей 84 копейки. Мы упразднили банку изпод компота «Слива» и завели глиняную кошку-копилку.

Дальше дело пошло хуже. Система чувствительно била по карману. Мы прикусили языки, стали курить в коридоре и плевать только в урну.

Как-то вечером к нам зашел первокурсник Рецепттер обменяться мнениями по вопросу связи высшей школы с производством. Мы лежали под одеялами без верхней одежды и слушали Рецепттера. Жора Виноградов сказал:

– По-моему, у него скоро вылезут волосы – он слишком много думает.

– С кудрявыми это чаще всего случается, – подхватил я. – Обычно они лысеют в одну ночь.

– Ох, и противный он будет без волос, – хихикнул Игорь Трущеткин. – Ада его наверняка бросит.

– Слушай ты, плешивый! – угрожающе сказал Миша Побойник. – Что ты лезешь судить о вещах, в которых не смыслишь?!

– Сволочи! – обиженно сказал Рецепттер. – Питекантропы! Уголовники!

Тут мы схватили его за плечи, подвели к двери и заставили вслух прочесть положение о штрафах. Мы крепко держали Рецепттера. Ему пришлось выложить двугривенный.

Скоро по общежитию распространился слух, что в комнате 232 можно курить, ругаться и даже лежать на кроватях – за плату. К нам потянулись любопытные. Сначала они курили, потом расплачивались, потом начинали ругать нас. Совершенно искренне. И довольно энергично.

Мы вынуждены были дописать в прејскурант два пункта: за тушение окурков в обеденной посуде и нанесение обитателям комнаты оскорбления действием.

Самым прибыльным посетителем был кочегар дядя Граня. Он приходил, выкладывал на стол целковый и крыл нас на все, без сдачи. Напоследок дядя Граня еще плевал на пол за особую плату.

Через месяц, в день рождения Жоры Виноградова, мы разбили копилку. В ней оказалось 34 рубля 65 копеек, три пластмассовые пуговицы и одна металлическая шайба. На всю сумму мы купили вина и закусок. В этот день курили в комнате, не очень следили за чистотой своей речи и даже лежали на постели в ботинках.

Наутро снова повесили прејскурант. Карающие ставки увеличили вдвое.

СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ

– Эй вы, пиджаки! – сказал Яшкин, заявившись утром на работу. – Слыхали сенсационную новость? Я вчера Машкина в шахматы

прибил!

– Врешь! – не поверили мы. Зав. отделом Машкин был у нас чемпионом всего четвертого этажа, включая лестничную площадку, на которой временно размещался отдел изысканий.

– Прибил, прибил, – самодовольно ухмыльнулся Яшкин. – Поставил ему, голубчику, детский мат.

– Что за шуточки! – сказал пораженный Мишкин. – Ты же, кроме преферанса, ни во что не играешь.

– Дело мастера боится! – развязно заявил Яшкин. Мы все-таки не поверили и всем коллективом пошли к Машкину за подтверждением.

– Обыграл, – развел руками Машкин. – Я, знаете, сам не ожидал. Сел за доску, думаю, – разомнусь маленько. Вдруг чувствую – тиски!.. По-моему, у него способности.

– У кого? – спросил Гришкин. – У этого трепача?!

– Ну, почему трепача, – сказал деликатный Машкин.

– Трепач и есть! – безжалостно повторил Гришкин. – Вы, Пал Сергеич, не расстраивайтесь. Вызовите его на матчреванш. Это же случайность.

Однако на другой день Яшкин потряс всех новым сообщением.

– Вчера прибил Поликарпыча, – сказал он и почему-то задумчиво добавил: – Вот так вот... Мы повскакивали с мест.

Главный инженер проекта Кирилл Иванович Поликарпов возглавлял сборную нашего института, сам играл на первой доске и уже восемь лет являлся членом правления городской секции шахматистов.

– Может, он больной был? – ошеломленно спросил Мишкин.

– Да нет, вроде здоровый, – сказал Яшкин. – Я к нему когда зашел, они как раз с Зейцем из сметного на пальцах тянулись. Пospорили на бутылку коньяку – кто кого. Зейц свободной рукой за сейф схватился, так Поликарпыч его вместе с сейфом утянул...

К Поликарпычу мы справляться не пошли. Не решились. Зато в обеденный перерыв подсмотрели любопытную сцену. Поликарпыч, загнав в угол нашего зава Машкина, тряс у него перед носом каким-то листочком и бубнил:

– Я дома партию проанализировал, понял? До полночи сидел... Все верно, просчета нет.

В понедельник Яшкин пришел на работу раньше всех. Когда мы собрались, он уже сидел за столом. Вид у него был бледный и подавленный.

– Такая хохма, ребята, – сказал он, глядя на нас виноватыми глазами. – Я вчера Киршенблума прибил.

– Чемпиона области! – ахнул Мишкин.

– Ага, – кивнул Яшкин. – Кандидата в мастера.

– Как же это ты? – спросил я, не решаясь приблизиться к Яшкину.

– А черт его знает, – растерянно пожал плечами он. – Зашел в городской сад, а они там играют. В павильончике. Ну я сел – и прибил.

И тогда молчавший до сего времени Пашкин сказал:

– Все! Вечером поведешь в сад. Будешь играть еще раз. При свидетелях.

Вечером мы пришли в сад. Всем отделом. Мы стояли за спиной Яшкина и тяжело молчали. Яшкин ерзал на стуле, крутил шеей, бросая на нас заискивающие взгляды, и смело двигал фигуры. Знаменитый Киршенблум сидел напротив. Схватившись руками за подбородок, чемпион панически глядел на доску. Белесый заячий пух на его голове стоял дыбом. Через восемнадцать ходов чемпион остановил часы, пожал Яшкину руку и, шатаясь, пошел на свежий воздух...

А недавно Яшкин прибил самого Бента Ларсена на международном турнире. По этому поводу мы купили водки, закуски, закрыли двери нашего отдела на стул и устроили маленькое торжество. Без Яшкина, к сожалению. Он еще не вернулся из Ноттингема.

– Удивительные бывают случаи, – нюхая корочку, – сказал Гришкин. – Просто невообразимые! Ведь, между нами говоря, арап этот Яшкин, каких мало.

– Ну почему же арап, – заступился за Яшкина сердобольный Машкин. – Он все-таки справлялся с работой... иногда.

– Арап, арап! – сказал Гришкин. – Даже не спорьте. Здесь все свои – чего скрывать. Арап, а вот возьми, пожалуйста. Гремит теперь!..

После второго тоста засобирился уходить Мишкин.

– Ты чего это компанию разваливаешь? – нахмурился Гришкин.

– Мне это... – покраснел Мишкин. – На спевку надо к полседьмому. Я тут в кружок записался... уже два месяца как... в детстве маленько пел, так вот, вдруг, думаю, получится...

– Конечно, идите! – участливо сказал Машкин. – Идите, идите, чего там. Способности грешно зарывать. Глядишь, певцом станете...

– Мда, – сказал Гришкин, когда за Мишкиным закрыли дверь. – Вот ведь тоже – дуб порядочный. Дуб, дуб – не машите на меня. Еще поискать таких дубов. А вполне возможно, будет петь. А мы контрамарочки у него просить будем.

Пашкин вдруг схватил хлебный мякиш и начал его лихорадочно тискать. Тискал, тискал и на удивление всем вылепил зайчика.

– Разрешите-ка, – попросил Машкин – Очень похоже. У вас наверняка способности. Нет, правда, как здорово!

– Елки! – охрипшим от волнения голосом сказал Пашкин. – Даже не думал, что умею!

– Да-а, – вздохнул Машкин и посмотрел на нас с извиняющейся улыбкой. – А вот у меня никогда никаких талантов не было. С детства. Интересно, правда?.. Ну, ладно, продолжайте тут, – Машкин поднялся. – Посидел бы еще, да надо по торговым точкам. Семья, знаете ли...

– Не повезло мужику, – сочувственно причмокнул Гришкин после ухода Машкина. – Что верно, то верно: никаких талантов. А такому бы не жалко. Крепкий парень. Как специалист – нас всех сложить, и то не потянем.

– И человек редкий, – заметил я.

– И человек, и семьянин, – сказал Гришкин. Пашкин молчал. Он сосредоточенно лепил из хлебного мякиша козлика.

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

В субботу позвонил Яшкин.

– Алло! Это ты, очкарик? – спросил он. – Ну, как делишки, сколько на сберкнижке?

Яшкин – это Яшкин, он не может без каламбуров.

– Миллион двести тысяч, – в тон ему сказал я.

– Чтоб мне так жить! – обрадовался Яшкин. – Ну, такними полмиллиона и поедем завтра за город.

– Люсь! – окликнул я жену. – Тут Яшкин звонит – за город приглашает.

– Что ты, – вздохнула жена и показала глазами на сына. – Куда мы с ним.

– Эй, Яшкин, – сказал я. – Не можем мы. Нам ребенка не с кем оставить.

– Это причину пожара-то? – спросил Яшкин. – А вы его с собой.

– Люсь, он говорит – с собой взять!

– Еще чего! – дернула плечом жена. – Представляю, что будет за отдых.

– Нет, Яшкин, – сказал я. – Отпадает такой вариант.

– Заедаешь счастливое детство? – весело спросил Яшкин. – Вот я сейчас Пашкину трубку передам – он тебе врежет.

– Ай-ай-ай! – сказал Пашкин. – Ай-ай-ай, отец! Как же это ты, а? Ну, сам воздухом не дышишь – ну, не дыши, а ребенка-то почему лишаешь?

Затем трубку взял Гришкин.

– Нехорошо, старик, – загудел он. – Нехорошо о нас думаешь. Обидно. Что ж мы, трое взрослых людей, не поможем вам с ребенком... Дай-ка мне старуху.

Я позвал к телефону жену.

– Нехорошо, старуха, – сказал ей Гришкин. – Нехорошо о нас думаешь. Обидно. Что ж мы, трое взрослых людей... Погоди-ка, тут Яшкин хочет еще добавить.

Яшкин добавил и передал трубку Пашкину. Пашкин, заклеив нас, вернул ее Гришкину... Короче, когда они зашли по четвертому кругу, мы не выдержали и сдались.

В воскресенье утром Яшкин, Пашкин и Гришкин встретили нас на вокзале.

– Что-то я не вижу здесь ребенка! – притворно сказал Яшкин. – Ах, простите, вот этот молодой человек! Ого, какой богатырь! А папа не хотел его за город брать. Ну и папа! По боку надо такого папу! Верно? И мама тоже хороша – с папой соглашалась. Рассчитать надо такую маму. Как думаешь?

– Здорово! – сказал Гришкин. – Тебя как звать? Кузьма? Ну, садись мне на шею.

– Зачем вы? – запротестовала жена. – Он сам ходит.

– Да ладно, – отмахнулся Гришкин. – Мне же не трудно.

И Кузьма поехал в вагон на шее у Гришкина. В поезде к нашему ребенку подключился Пашкин.

– Ну, оголец, хочешь конфетку? – спросил он.

– Не хочу! – мотнул головой Кузьма и покраснел.

– Ишь как вымуштровали, – недовольно заметил Гришкин.

– Это ты зря, оголец, – сказал Пашкин. – Зря отказываешься. Ты действуй так: дают – бери, а бьют – беги.

– Кхым-кхым... Вот что, Кузьма, – толстым голосом сказал я. – Относительно второй части... Это, видишь ли, дядя шутит. Когда бьют – надо не убежать, а давать сдачи.

– Сам-то шибко даешь? – спросил Гришкин.

– Да глупости это, – сказал Пашкин. – Материи... Лично я, например, бегал. Убегу – и все. Ну, правда, что бегал я здорово. Меня сроду догнать не могли.

– Вы! Звери! – не выдержал Яшкин. – Позвольте ребенку конфетку-то взять!

– Ладно, Кузьма, возьми, – разрешил я.

Кузьма взял.

– А что надо сказать? – строгим голосом спросила жена.

– Дядя, дай еще! – подсказал Яшкин.

– Яшкин! – зашипел я. – Ты чему учишь!..

– Да бросьте вы, честное слово! – возмутился Гришкин. – Ребенок – он есть ребенок...

Мы вылезли на станции Ноздревой, и Кузьма сразу же увидел кур. Куры неподвижно лежали в пыли под плетнем.

– Они умерли? – спросил Кузьма.

– Спят, – ответил Пашкин.

– Нет, умерли, – не согласился Кузьма.

– А ты возьми палку да турни их – враз оживеют, – сказал Гришкин.

– Кузьма, назад! – закричала жена. – Брось эту гадость!

– Пусть погоняет, – удержал ее Пашкин. – Где еще он куриц увидит.

Куры, иступленно кудахча и сшибаясь друг с другом, летели через плетень, в воздухе кружился пух.

– Ну, силен! – повизгивал Яшкин. – Вот рубает! Ай да причина пожара!

На берегу речки Яшкин с Кузьмой начали готовить костер.

– Тащи дрова! – командовал Яшкин. – Волоки сушняк, гнилушки, бересту, ветки – все пойдет!

– Кузьма! – сказал я, нервно протирая очки. – Не смей ломать эти прутьики! Их посадили тети и дяди, думая о тебе и о таких, как ты. Каждый человек должен...

– Пусть заготавливает, не мешай! – оборвал меня Гришкин. – Ломай, парень, их здесь до хрена. Век не переломаешь.

Тем временем Яшкин и Люся, расстелив на земле клеенку, «накрыли стол».

– Так много луку! – удивился подошедший Кузьма.

– Ничего – осилим, – заверил его Пашкин. – Под водочку он так ли еще пойдет.

– Все равно – до хрена, – сказал Кузьма. Жена побледнела.

– Кузьма! – вскочил я. – Немедленно встань в угол!

Яшкин как стоял, так и покотился по траве.

– А угла-то! – задыхался он. – Угла-то... Угла-то нет!..

– Нет угла, – хмуро сообщил Кузьма.

– Хорошо! – сказал я. – В таком случае встань под кустик.

Кузьма встал.

– Под кустиком! – сказал Яшкин и снова затрясся от смеха. – Под кустиком полагается сидеть... А не стоять... Ты садись, старик. Садись.

Кузьма сел.

– Товарищи! – не выдержала жена. – Нельзя же так...

– Ну-ну-ну! – сказал Пашкин, разливая по кружкам водку. – Вы тоже меру знайте. Совсем замордовали человека. Родители... Давайте-ка вот лучше выпьем.

Выпили. Закусили луком и редисочкой. Луку, действительно, было до хрена. Пашкин стал наливать по второй.

– Ой, мне не надо! – прикрыла кружку жена.

– Я тоже... воздержусь, – буркнул я, покосившись на Кузьму.

– Эт-то как же так? – спросил Пашкин. – Эт-то что же такое? А ну-ка – в угол! Немедленно.

– Под кустик! – застонал от восторга Яшкин.

– Ребята! Ребята! – испугался я. – Вы чего!..

– Под кустик! – рыкнул Гришкин.

– Под кустик! Под кустик! – стали скандировать они втроем.

Мы с женой, улыбаясь дрожащими губами, встали под кустик.

– А ты выходи, – сказал Пашкин Кузьме. – Ты свое отбыл.

Кузьма вышел.

– Братцы! – взмолился я. – Что же вы делаете!

– А когда в углу – тогда не разговаривают, – поддел меня Кузьма.

– Что, съел? – спросил Яшкин. – Ты, Кузьма, папку не слушай, – сказал он. – Папка у тебя вахлак. Очкарики, вообще, все вахлаки.

Пашкин, между тем, разлил по третьей.

– Ну, будем здоровы! – сказал он и обернулся к Кузьме. – А ты чего же сидишь-скупаешь? Тоже мне – мужик! Ну-ка, давай за папу с мамой – выручай их!

– Я не пью еще, – ответил Кузьма.

– Ничего, научишься, – сказал Гришкин. – Это дело такое. – Он вдруг оживился. – Вот у меня племянник – чуть разве побольше Кузьмы, – а пьет. Сядут с отцом, вжахнут поллитра – и песняка.

– Ранняя профессионализация? – живо откликнулся Яшкин. – Бывает. У меня, у соседей – девчонка. Представляете, девчонка...

И потек милый интеллигентный разговор. Возвращались мы вечером, в переполненной электричке. Кузьма спал на коленях у матери.

– Ну вот и вся проблема отцов и детей, – нравоучительно сказал Пашкин. – А то, понимаешь, ребенка оставить им не с кем... Эх вы, эгоисты! Да для него этот день – знаете какой! Он его, может, на всю жизнь запомнит...

НА СПОР

Зима в нынешнем году, надо сказать, просто уникальная. С одной стороны, морозы жмут – то под сорок, то за сорок; с другой стороны, снегу навалило выше всяких допустимых пределов. По горло засыпало. Я думаю, если весь снег, нападавший за последние десять лет, вместе сгрести – и то столько не наберется.

Тут к соседям родственник из села приехал погостить, так прямо фантастические вещи рассказывает. Зайцы, говорит, в деревню бегут. Не могут в лесу держаться – тонут. А в деревне

все же маленько утоптанно. Вот они и бегут. Ну, а за ними, естественное дело, волки. Жуткая обстановка. До ветру боишься выскочить. Недавно, говорит, один заяц в избу залетел. Видать, его волки вдоль по улице шуганули, он, как от них лупил, так стекло оконное мордой вышиб и на стол свалился.

Может быть, конечно, родственник насчет зайца приврал – уж очень неправдоподобно все это выглядит. Хотя, чем черт не шутит. В городе вон тоже в связи с заносами такие иногда казусы происходят, что рассказы постороннему человеку – не поверит.

Например, у нас тут в одной квартире, у Сереги Званцева, под старым Новым годом собралась небольшая компания. Сам Серега с женой, дальний родич его пришел – дядя Гена, тоже с половиной, и еще Серегин сменщик Дубов. Собрались они в таком почти что домашнем кругу и решили вторично отметить праздник.

Дяди-Генина супруга, уже досыта хлебнувшая семейной жизни, в том числе подобных вечеринок, сразу достала вязанье и ушла с ним в дальний угол – дескать, горите вы синим огнем.

Мужчины, конечно, окопались за столом. И Серегина Лелька с ними. Ну, эта, во-первых, как хозяйка, а, во-вторых, она всего второй месяц с Серегой жила, буквально от рукава его не отлипала, а ей пока все интересно было, даже малосодержательные мужские разговоры.

А разговор, действительно, завязался какойто довольно пустой. Не знаю уж, с чего он начался, но только Дубов с дядей Геной стали наперебой вспоминать разные отчаянные случаи из своей жизни: кто в молодости сколько раз двухпудовую гирию выжимал, кто с парашютной вышки прыгал, кто быка за рога удерживал и так далее.

Лелька рот раскрыла и глаз с них не сводит. Дубов же с дядей Геной, польщенные вниманием молодой и прекрасной особы, еще больше распаляются.

А Серега парень тоже заводной. Послушал он их, послушал и говорит:

– Это все семечки. Хотите – я сейчас с третьего этажа прыгну?

– Ну и что? – спрашивает дядь Гена. – Прыгнешь – и что? Башку расшибешь.

Более гуманный Дубов говорит:

– Почему башку? Я сам со второго этажа выскакивал. Из полногабаритного дома. Прыгнуть можно – с башкой ничего не случится. А ноги он переломает. Запросто.

– С третьего? – говорит дядь Гена – И только ноги? Ых ты, какой ловкий! Это бы все так прыгали, если только ноги!

В общем, заспорили. Притащили лист бумаги, карандаш – давай высчитывать: сколько будет в трех этажах панельного дома и как прыгать надо – если пролезть между прутьями балкона да повиснуть на руках, а потом отпуститься...

– Да ни на чем я веситься не буду, – смеется Серега. – Я прямо с перил махну.

Дядя Гена бросил карандаш и вспылал:

– Ну, прыгай, обормот, прыгай! Расшибешь башку, тебе говорят! Сто рублей кладу, что наверняка расшибешь!

– Заметано! – говорит Серега. – А вы все – свидетели. Значит, если не расшибу, с тебя, дядя, сотня. – И поворачивается к Дубову – что тот скажет.

Дубов побледнел, но стоит на своем:

– Ты, Сергей, должен сломать ноги. Ну... если хочешь доказать... полста рублей.

– Пойдет! – говорит Серега – За каждую. Держи пять. – И стаскивает через голову галстук.

Тут Лелька поняла наконец, что они уже не шутят, а всерьез, и повисла на Сереге – не пуцу!

Дяди-Генина супруга из угла кричит:

– Брось ты его, Лелечка, не держи! Пусть они все, паразиты, повыскакивают – туда им дорога!

Сергея с трудом затащил жену в кухню и говорит ей шепотом:

– Ну, чо психуешь? Там же сугроб, под балконом, метра три. Нырну в него – и двести рублей в кармане. Люди из самолета выпадают в снег...

– Пусть выпадают! – ревет Лелька – А ты не смей!

Кое-как он ее от себя отцепил, выбежал из кухни и придавил дверь.

– А ну, мужики! – кричит. – Подержите маленько! А то все у нас накроется!

– Давай, – говорят те. – Только по-быстрому.

Сергея отодрал балконную дверь, выскочил наружу и, прикинув по памяти – с какой стороны сугроб, прыгнул в темноту.

И представьте – угадал! Через пять минут появился в квартиру – грязный, как трубо-чист. Но целый, только что физиономию немного поцарапал об дерево, когда мимо пролетал. Но поскольку насчет физиономии уговора не было, Сергей по закону счистил с Дубова и дяди Гены двести рублей.

Ну, дядя Гена, тот ничего. Отдал деньги и похохатывает: мне, говорит, все равно надо было ему какой-то приличный подарок покупать в связи с женитьбой. Так что эта сотня у меня списанной считалась. А Дубов очень переживает. Как подохнет, так начинает жаловаться.

– Я все же, – говорит, – надеялся, что он ноги переломает. И ведь что обидно! – вроде правильно рассчитал. Как раз перед этим по телевизору говорили об аварийном положении и призывали всех выйти на уборку снега. Ну, думаю, пока мы тут базарим – там уж все выскребли, до асфальта. Но в этом доме такой народец живет – хоть бы один с лопатой вышел!.. Ну, ничего. Я его за свою сотню еще подсижу на чем-нибудь.

Однако я думаю, вряд ли Дубову удастся в будущем подсидеть своего сменщика. Сергей на выпоренные деньги купил телевизор и сам теперь в курсе всех последних событий.

Рассказы из сборника

Три прекрасных витязя

1972 г.

ПОЛЕЗНОЕ ИСКОПАЕМОЕ

Копали траншею на улице Четвертой Низменной. Водопроводную. Рыли экскаватором, а за ним уж подчищали лопатами. Подравнивали.

Экскаваторщик Буглов зачерпнул очередной раз ковшом и вместе с землей поднял с глубины три с половиной метра бутылку водки. Полную. Этикетка на ней сгнила, а сама пол-литра была целенькая. Только стекло маленько пожелтело – видать, от долгого лежания в глине.

Бригадир Васька Зверинцев взял бутылку, посмотрел ее на свет и крикнул:

– Старинная! Истинный бог. Еще довоенная. Видал – донышко у нее вовнутрь вдавлено. Сейчас такие не делают.

Буглов слез на землю.

– Старинная, – подтвердил он. – Только там теперь вода. Выдохлось, поди, все за столько лет.

– Водка-то? – сказал дядя Федя. – Да нипочем! Ты глянь – закупорка у нее какая! Настоящая пробка, не то что нынешние железки. У меня старуха одну такую с тридцать девятого года уберегла. А недавно, как сын из армии вернулся, достала. Дак мы с Генкой – веришь-нет? – по одному стакану выпили и попадали.

– Верю, – хмыкнул Буглов. – Ты и с рассыпухи падаешь.

– А ну, отсуньтесь! – скомандовал бригадир Васька Зверинцев и вышиб ладонью пробку.

– Нет, не выдохлась, – сказал он, отпив три больших глотка. – Нормальная водка. Вроде Петровской. Петровскую кто пробовал, нет? – и отпил еще глоток.

– Дай-кось мне, – протянул руку дядя Федя. Бригадир Васька Зверинцев отодвинул низкорослого дядю Федю локтем и подал бутылку сначала мастеру Семижилному.

Семижилный побледнел и отворотил лицо.

– Не могу, – глухо сказал он. – Не могу... без закуски.

А Буглов мог без закуски. Он раскрутил бутылку, вылил в рот граммов сто пятьдесят, постоял, прислушиваясь к организму, и заявил:

– Один хрен – что особомосковская, что эта. Не вижу разницы. – Много ты понимаешь! – зашебутился дядя Федя.

– Дай-кось мне! Водяра – она и водяра, – сказал Буглов, возвращая бутылку Ваське. – Хоть в золото ее зарывай, хоть в дерьмо.

Бригадир Васька Зверинцев отпил еще глоток и не согласился.

– Даже сравнивать нельзя, – сказал он. – Разве что с экспортной. Экспортную нашу кто пробовал – нет?

Тут они с Бугловым поспорили – на литровку. Семижильный разнял. А спорщики сбросились и погнали дядю Федю в гастроном за нормальной бутылкой – для сравнения.

Дядя Федя вернулся довольно быстро – принес пол-литровку и на сдачу плавленый сырок – для Семижильного.

Семижильный сказал:

– Только давайте в темпе. А то мы здесь до вечера провозюкаемся.

В темпе прикончили выкопанную бутылку, потом – магазинную, и все согласились, что бригадир Васька Зверинцев выиграл. Буглов, правда, маленько поупирался: местный розлив, дескать, – чего вы хотите? Но все же достал две трешки и протянул дяде Феде.

– Мыла только этого не бери на закуску, – наказал он. – Купи лучше селедку. Дядя Федя принес литр и селедку. Семижильный заволновался.

– Может, подождем до вечера? – спросил он.

Бригадир Васька Зверинцев подумал и рассудительно сказал:

– Нельзя... Селедка засохнет.

– Эх, ма! – вздохнул Буглов, когда проспоренные им бутылки опустели. – Надо было сразу три брать.

– А ты почерпай еще, – кивнул на траншею дядя Федя. – Может, там другая закопана.

– Это идея! – сказал Буглов и полез за рычаги. Семижильный посмотрел ему вслед и высказал сомнение:

– Ничего он не выкопает. Что он думает – там магазин продуктовый?

– Буглов не выкопает?! – завелся бригадир Васька Зверинцев. – Да Буглов, если надо, черта выкопает! С рогами!

Они поспорили. Буглов спустился на минутку с экскаватора и разнял. Дядю Федю погнали за третьей бутылкой...

В НАШЕЙ СУГЛИНИСТОЙ ПОЛОСЕ

Четыре года назад засуха была. Все высохло, до последней былинки. Урожай сгорел. Земля трескалась, На два метра в глубину. Вот такая была засуха.

Приехали товарищи. Разобрались. Петрова сняли. Оказалось, не в засухе дело. То есть, конечно, и в ней тоже. Но частично.

Главная же причина и основной корень – в Петрове. Он прошляпил.

Не тем человеком оказался. В общем, потурили Петрова, назначили Сидорова.

На другой год зарядили дожди. Все залили. Живого места не оставили. В бывшей сухой балке ребятишки карасей ловили. Штанами. Вот такая была сырость. Урожай, конечно, утоп.

Приехали товарищи. Разобрались. Сидорова сняли... Сняли Сидорова, поставили Кулипанова.

Позапрошлый год лето выдалось умеренное. Урожай сняли рекордный.

Приехали товарищи – оценили по заслугам. Кулипанову грамоту дали и увезли на повышение. Увезли Кулипанова – прислали Задираку.

В прошлом году выпал град. Неимоверной крупности хлестал Град – старики другого подобного с крепостного права вспомнить не могли. Плетни посек, мелкий скот поувечил. У председателя ревизионной комиссии крышу над сараем проломило. Самогонный аппарат в сарае стоял новенький – одни кореженные железки от него остались... Урожай, понятно, выбило.

Приехали товарищи. Разобрались. Задираку сняли. Оказалось, Задирака градом заслонялся. Маскировал свою бездеятельность.

Сняли Задираку – утвердили на его место Ешкина.

А в нынешнем году все у нас перемешалось! Видать, сбесилась небесная канцелярия. В одном месте заливает, в другом – сушит. В одном – градом бьет, в другом – кукуруза в полтора роста.

До дикости дело доходит. Бабка Зыбунова и бабка Куклина рядом живут, общий плетень содержат. Вот по этому плетню их и режет. У бабки Зыбуновой помидоры с горшок, у бабки Куклиной даже пырей не вырос. Зыбуниха в своем огороде по дощечкам скачет, у Куклиной земля закаменела – хоть на кирпичи режь и баню клади. Бабки Зыбуновой дачники из резиновых плащей не вылазят, у куклиновских курортников по четвертому разу шкура лупится.

Но это их личные затруднения. Они не столь тревожны. Тем более бабки стакнулись и даже получают взаимовыгоду. Куклина бабка зыбунихинских жильцов запускает в свой огород на солнышке греться. Зыбуниха компенсирует ей помидорами. Куклина бабка дает на помидоры тройную наценку (по причине неурожая) и фугует их своим дачникам. В общем, выходят из положения.

А наше положение безвыходное. Ходим все – штанами трясем. Не знаем, кого снимать будут, кого поощрять. Знаем только, что кого-то будут.

У Ешкина волосы лезут. Ему труднее всех. Во-первых, неизвестно, что самого ждет. Во-вторых, ему нас заранее раскусить надо – конкретных руководителей. Кто за что прячется. А вдруг не того раскусишь. За это, пожалуй, тоже мало не будет.

И вот мы заглядываем в глаза Ешкину: кого же он, змей, раскусит? А с другой стороны, и его жалко. Хороший человек. Давно у нас такого хозяина не было, с тех самых пор, как Петрова сняли...

КАК СТАТЬ ЗДОРОВЫМ?

(Письмо в редакцию)

Уважаемая редакция!

Обращается к Вам некто Н-сков Федор Лазаревич. В прошедшую субботу Вы напечатали статью доктора медицинских наук (фамилию не помню) под названием «Ваше здоровье – в ваших ногах», которая переполнила чашу моего терпения. Не подумайте только, что это пишет какой-то клязник и что сейчас он станет уважаемого доктора медицинских наук (не помню фамилию) опровергать и конфузить. Чтобы у Вас не зародилось такого подозрения, немножко скажу о себе.

Я восьмой год выписываю Вашу газету, главным образом из-за любимшегося мне уголка «Советы врача», который всегда внимательно прочитываю с карандашом в руках. Слежу также за журналом «Здоровье» и регулярно просматриваю многие другие издания, помещающие на своих страницах новейшие медицинские сведения и рекомендации. И все эти рекомендации я стараюсь выполнять. К примеру, взять ту же ходьбу, о которой как раз шла речь в упомянутой выше статье. Хожу пешком с работы и на работу, в гости, в кино, в сберкассу – куда только можно. Уже довел дневную норму до 20 тысяч шагов. При этом всегда считаю пульс, чтобы не превышал 60 ударов, ритмично дышу, как советуют специалисты.

Ну, само собой, по утрам делаю обязательную физзарядку из сорока восьми комплексов. Стою, кроме того, на голове (до пятнадцати минут ежедневно) и пью носом воду – по системе йогов.

К чему я, вы спросите, клоню? А вот к чему. Все эти годы, ходя пешком, стоя на голове и пья носом воду, я не прекращаю наблюдать за своим соседом Хронюком Петром Саввичем.

Зарядку Хронюк не делает никогда. Из ложной боязни подорвать свой авторитет, как главы семейства. Он – отец двух дочек и говорит:

– Чтоб я перед дитямя в одних подштанниках выдрыгался – никогда! Они потом, мокрохвостки, на шею тебе сядут и ноги свесят.

Пешком Хронюк тем более не ходит. У него имеется личная «Волга», которую он собрал в подведомственной авторемонтной мастерской из двух списанных мотоциклов, – и вот на этой «Волге» Хронюк повсюду разъезжает на работу, в магазин, за малиной в мичуринский сад и так далее. Он из нее буквально не вылезает, и, думаю, живи мы не в коммунальном доме со всеми удобствами, то Хронюк, простите, наверное, и в уборную на «Волге» ездил бы.

Собственно, я даже что-то не припомню – видел ли когда-нибудь Хронюка стоящим. Он обычно или сидит (внутри «Волги»), или лежит (под нею). Расстелет половик, заползет ей под пузо и лежит – подвинчивает чего-то. А рядом, у колеса, поставит бидон с пивом. Вылезет иногда, отопьет пива – и назад, под машину. А потом, глядишь, и вообще заснет. И спит так, что у «Волги» стекла дребезжат и мелкие винтики отваливаются. Считает, видно, что такое поведение его авторитет в глазах детей не роняет.

Но не в этом дело. Не в авторитете. Бог с ним.

Я первое время жалел Хронюка, сочувствовал ему. Думал, что при таком образе жизни, нарушая все рекомендации, он долго не протянет. Или его инфаркт ударит, или почки откажут, или он просто сохнуть начнет – по неизвестной причине.

Но, дорогая редакция, проходит время, а с Хронюком, как ни странно, ничего не делается. Он только здоровеет и здоровеет, и такой стал, извиняюсь, хряк, что об него кирпичи ломать можно.

Теперь он уж под машиной сам не лежит – не помещается там, а приводит из мастерской слесаря Шитикова и за пол-литра, а может, и так – за здорово живешь велит ему отремонтировать свою личную «Волгу».

И вот я хочу спросить Вас, товарищи, а через Вас и многоуважаемого доктора медицинских наук (фамилии не помню): ну, хорошо, ладно – наше здоровье в ногах, согласен. А в чем тогда здоровье у Хронюка?

Коснемся другого пункта – диеты. Я питаюсь по рецепту журнала «Здоровье» и по вашим указаниям. В частности, журнал советует мусс из ревеня – для нормальной работы кишечника. Ем. Людям истощенным, с плохим аппетитом и пониженным содержанием гемоглобина в крови рекомендуется салат из сельдерея. Ем салат из сельдерея. Хронюк же, когда я на днях заговорил с ним о сельдерее, решил, что это португальский король. Представляете?

А чем же, в таком случае, Хронюк питается?– спросите Вы.

Отвечу. Хронюк, преимущественно, ест свинину, которую, пользуясь собственным транспортом, закупает в Кумихинском совхозе по твердой государственной цене. У него там шурин работает.

Уж казалось бы, такая тяжелая пища должна доконать Хронюка, но не тут-то было. Не стану больше распространяться насчет его здоровья, а лучше приведу один убедительный пример.

В последнее время супруга Хронюка тоже учится водить машину. Каждый вечер она садится в кабину и начинает крутить баранку, гудеть, жать на педали и газовать. И не для бле-зиру, а по-настоящему – при заведенном моторе. А Хронюк в этот момент, опасаясь, как бы она действительно не поехала и кого не задавила, приподнимает у машины задок – чтобы колеса шуровали по воздуху, а земли не касались. И так они, бывает, тренируются минут по пятна-дцать-двадцать...

Комментарии тут, как говорится, излишни.

Уважаемые товарищи из редакции! Я прессу очень высоко ценю и следую ее указаниям. Но поймите и вы меня. Ведь я привел конкретные факты, которые кого хочешь заставят растеряться и приунуть. Короче, если пресса точно нас информирует, а не уводит с какой-то целью в сторону, то почему тогда подобные Хронюки здороваются и никакая зараза их не берет?

Ответьте.

Может, поручите тому же доктору медицинских наук дать разъяснительную статью?

Только, если можно, фамилию мою не называйте... Все же этот Хронюк очень уж здоровый мужчина...

ОКНА ВО ДВОР

Я толкнул створки окна, лег животом на подоконник и прислушался.

Было тихо.

Правда, где-то на окраине жилмассива погромыхивали первые трамваи, но – Господи! – что это был за шум для моего истерзанного слуха.

Я сложил кукиш, показал его невидимым отсюда трамваям и мстительно прошептал: «Что, выкусили теперь?»

Подумать только, еще вчера я жил в квартире, окна которой выходили на оживленную грузо-пассажирскую магистраль. Утром, днем и вечером по магистрали шли троллейбусы, автобусы, самосвалы, панелевозы, автокраны, тракторы колесные и гусеничные, рефрижераторы и канавокопатели. Ночью по магистрали двигалась туда-сюда машина ОРУДа и железный голос из нее говорил: «Освободите дорогу!.. Освободите дорогу!»

За много лет жизни в этой проклятой квартире я так истрепал нервы, что чувствовал себя готовым кандидатом в сумасшедший дом.

И наверняка загудел бы туда, если бы не достижения современной науки.

Наука меня спасла. Оказывается, пока я не находил себе места, глотал валерьянку и на стенку по ночам лез, наши замечательные ученые думали обо мне и таких, как я. И, представьте, в одном исследовательском институте был изобретен специальный прибор, с помощью которого сотрудники полгода замеряли шум в разных точках, пока убедительно не доказали, что в квартирах, выходящих окнами во двор, он значительно ниже.

Я прочел об этом открытии в местной «Вечерке». Там еще было написано, что теперь, возможно, все новые дома будут располагаться с учетом этого фактора – а именно, торцами к проезжей части. По крайней мере, в соответствующих инстанциях этот вопрос уже рассматривается.

Я не стал дожидаться, когда вопрос рассмотрят, а спешно обменял квартиру на такую, окна которой смотрели во двор...

И вот теперь я лежал животом на подоконнике и впервые наслаждался тишиной раннего утра.

Во дворе было пусто. Только возле голубой эстрады стоял невыспавшийся дворник и хмуро рассматривал рваный поливальный шланг.

Из расположенного напротив подъезда вышел домоуправ в широких милицейских галифе и стал укорять дворника:

– Что стоишь, как инженер технических наук! – сказал он.

Я засмеялся, прыгнул с подоконника и принялся готовить завтрак.

Ах, до чего же прекрасно было утро! Капала вода из неплотно завернутого крана – и я слышал удары капель. Шипела на сковородке яичница – и я слышал именно шипение яичницы, а не рывканье самосвалов.

– Па-а-а-па! – пронзительно закричала вдруг под окном какая-то девочка.

Я вздрогнул и пролил на брюки кофе. Фу ты, дьявол, до чего же развинтились нервы!

– Па-па, па-па! – сердилась девочка.

«Ишь, настырная, – усмехнулся я. – Ну, не надрывайся – сейчас выйдет твой папа. Выйдет, возьмет тебя за ручку и поведет в зоопарк»

– Па-па! Па-па! Я бросил вилку в яичницу

– Где же этот негодяй-папа! Судить надо таких родителей!

Завтракать что-то расхотелось. В голове застучали знакомые молоточки.

– Па-па! Па-па! Па-па! – голосило окаянное дите.

Папа появился часов в десять утра. Тот или другой – не знаю, но что чей-то папа – точно, поскольку женщина, с балкона, расположенного над моей квартирой, стала ругать его такими словами:

– Змей ты, змей! – говорила она. – Посмотри, на кого ты похож! Хоть бы детей постеснялся, паразит!

На что папа резонно отвечал ей:

– Некультурная ты женщина...

– Иди домой, козел, не срами меня перед людьми! – увещевала жена.

– А на какую мне мышшь домой? – отказывался мужчина. – Ты мне лучше сбрось полтинник, некультурная женщина!

– Хвост тебе, а не полтинник! – ярилась жена. – Иди домой, паскуда, а то хуже будет!

Так они разговаривали минут сорок, с течением времени употребляя все меньше и меньше печатных слов – так, что мужчина наловчился в конце концов обходиться одними непечатными. При этом, однако, он ухитрялся каким-то чудным образом подтверждать свои претензии на полтинник.

Я не выдержал, распахнул окно и сказал:

– Друг, я сброшу тебе рубль. Только, ради бога, уйди ты куда-нибудь подальше.

– Бросай! – согласился мужчина.

В обед на эстраде открылся стихийный концерт детской самодеятельности. Тоненькая белобрысая девочка взобралась на подмости и закричала разбойничьим голосом:

– Валенки, валенки, – эх, не подшиты, стареньки!..

Я, заламывая руки, ходил по комнате и старался удержать себя от скоропалительных выводов.

«Во-первых, – рассуждал я, – нельзя зачеркивать выводы ученых. Все же люди работали. Целый коллектив. Специальным прибором пользовались. Вон даже инстанции к их голосу прислушиваются... Во-вторых, можно и самому какой-то выход поискать. Отшил же я сегодня этого папу. И всего за целковый. Троллейбусу, небось, рубль не бросишь... Нет, надо обождать».

Вечером в наш подъезд пришли влюбленные. Было слышно, как они решают там свои матримониальные вопросы.

– Бу-бу-бу-бу! – сдержанно гудел мужской голос.

– Зола все это! – отвечал девичий. – Любви нет, есть одно половое влечение!

– Бу-бу-бу-бу! – убеждал в чем-то мужчина.

– Ну, ты! – говорила девица – Руками-то не шуруй! Вот женишься – и будешь шуровать!

Наступила ночь – и влюбленные притихли.

Тогда из близлежащего частного сектора прибежала собака. Пару раз собака гавкнула басом, прочищая горло, а затем залаяла звонко и безостановочно. Видимо, она задалась целью побить какой-нибудь собачий рекорд по продолжительности лая.

Я кинул в нее бутылкой из-под кефира.

Собака с визгом убежала в частный сектор и через пять минут вернулась в сопровождении целой шайки своих приятелей.

Бутылок больше не было.

Я накрыл голову подушкой, положил сверху годовую подшивку «Экономической газеты» и так попытался заснуть.

Всю ночь меня мучил один и тот же кошмарный сон: я убежал от погони, карабкался по буеракам и обрываам, а за мной, след в след, гнались какие-то люди с собаками – то ли охотники, то ли дружинники.

В конце концов они окружили меня, достали медные трубы и задудели: «На речке, на речке, на том бережочке». А самая свирепая собака, вывалив красный язык, била в огромный барабан.

Я проснулся. Где-то поблизости грохотал оркестр.

На эстраде было пусто – значит оркестр играл в одном из соседних домов, «Что же это такое? – соображал я – Наверное, какой-нибудь кружок пенсионеров при домоуправлении. Скорее всего. Ну, черт с ним. Все-таки музыка, а не собачий лай». Я сходил за кефиром и газетами – оркестр играл.

Я приготовил завтрак и побрился – оркестр наяривал.

Он играл до обеда и во время обеда. Гремел после полудня и перед закатом – когда горизонтальные лучи солнца расплавили окна на жилмассиве. К вечеру оркестр еще набрал силы. Высыпавшие звезды вздрагивали в такт его могучим аккордам.

Только глубокой ночью оркестр начал, вроде, выдохаться и делать паузы минут по двадцать-тридцать.

Но не выдыхался большой барабан. Дум! дум! дум! – неистово бухал он, даже оставшись в одиночестве.

Наступило третье утро – и я, с головой, обмотанной полотенцем, спустился во двор.

«Надо что-то делать, – думал я – Вот сейчас разыщу домоуправа и прямо скажу: прекратите это безобразия, а не то...»

Домоуправа искать не пришлось. Они с дворником как раз стояли во дворе и, задрав головы, смотрели на балкон противоположного дома.

– Послушайте, эта ваша самодеятельность... – начал я.

– Какая самодеятельность? – не оборачиваясь, сказал домоуправ – Свадьба это. Настя Ищукова дочку замуж выдает Оркестр вон с завода пригласила – способный, черт! – уважительно произнес домоуправ – Барабанщик-то... Смотри-ка – вторые сутки бьет, сукин сын.

– Да это не барабанщик, – сказал дворник. – Барабанщика давно уже скорая увезла. Он сразу двести грамм опрокинул и скovskyнулся. Язва у него оказалась... А это Володька Шикунов, бухгалтерши нашей сын. Дайте, грит, я опробую. И как сел – так не встает. Поглянулось, видать...

– Неужто Володька! – удивился домоуправ. – Вот тебе и стилияга! Надо будет в клуб сообщить – пусть привлекут его.

В это время гости Насти Ищуковой запели:

«Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам, –

Мы хлеба горбушку – и ту пополам!

Коль ветер – лавиной и песня лавиной,

Тебе – половина, и мне половина!»

Простоволосая хозяйка выбежала во двор, обняла бельевой столб и заголосила.

– Хлеба горбушку! Да еще пополам... – жаловалась она. – Пельменьев одних мешок накрутила! Водки на сто пятьдесят рублей ушло!..

– Да-да, – сочувственно причмокнул дворник. – Сколько людей ни корми..

Я повернулся и тихо побрел к себе...

Товарищи дорогие! Не меняет ли кто квартиру с окнами вовнутрь?!

ТРИ ПРЕКРАСНЫХ ВИТЯЗЯ

– Нервное переутомление, – определил врач и прописал мне ежевечерние полуторачасовые прогулки перед сном.

Я представил себе нашу Вторую Глиноземную в эту пору: темные подворотни, забор с проломами вокруг новостройки, фонари, расположенные друг от друга на расстоянии полета стрелы, – и мне стало тоскливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.